

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САМАРСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ АКАДЕМИКА С.П. КОРОЛЕВА»
(Самарский университет)

ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

XXVII Всероссийская конференция
молодых историков
(Самара, 10–11 декабря 2021 г.)

Материалы и доклады

Самара
2022

УДК 94
ББК 63.3
ПЗ7

Редакционная коллегия:

д-р ист. наук, проф. П.С. Кабытов (отв. редактор);
д-р ист. наук, проф. Э.Л. Дубман;
д-р ист. наук, проф. М.М. Леонов;
д-р ист. наук, проф. Н.Н. Кабытова;
д-р ист. наук, проф. Ю.Н. Смирнов;
канд. ист. наук, доц. В.А. Тюрин (отв. секретарь)

ПЗ7 **Платоновские чтения:** материалы и доклады XXVII Всероссийской конференции молодых историков (Самара, 10–11 декабря 2021 г.) / отв. редактор П.С. Кабытов. – Самара: Самарская гуманитарная академия, 2022. – 244 с.

ISBN 978-5-98996-258-7

В сборнике представлены статьи участников XXVII Всероссийской конференции «Платоновские чтения», проходившей в Самарском университете 10–11 декабря 2021 г.

Проблематика материалов сборника представляет собой широкий спектр сюжетов социально-экономической истории, истории взаимоотношений власти и общества, международных связей, а также основных направлений общественной и исторической мысли, истории культуры и повседневности России.

УДК 94
ББК 63.3

ISBN 978-5-98996-258-7

© Авторы, 2022
© Самарский университет, 2022
© Центр периодических изданий Самарского университета, оформление, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

XXVII Всероссийские Платоновские чтения – 2021 г. 9

Секция I. Социально-экономические, внешнеполитические проблемы истории России

- Тягун Диана Борисовна.** Патриарх Гермоген – писатель и книжник конца XVI – начала XVII вв. 15
- Кривова Дарья Анатольевна.** Роль Кабинета министров в организации Оренбургской экспедиции (комиссии) в 1734–1737 гг. 17
- Буевич Михаил Алексеевич.** Украинская ландмилиция в XVIII в.: история и особенности 21
- Шафран Екатерина Владимировна.** Взаимоотношения императрицы Екатерины II и ее фаворита Г.А. Потемкина 24
- Агапова Анна Алексеевна.** Роль образования в биографии писателя на государственной службе во второй половине XVIII века 26
- Светлова Екатерина Андреевна.** К вопросу о характере взаимоотношений императора Павла I со своими детьми 27
- Чернов Глеб Анатольевич.** К вопросу об определении социального статуса незаконнорожденных детей дворян в Российской Империи в конце XVIII в. 30
- Иудин Василий Дмитриевич.** К вопросу о ракурсах оценок социально-экономического развития Финляндии на рубеже XIX–XX вв. в контексте дореволюционной и советской историографии 32
- Михайлова Анастасия Евгеньевна.** Основные тенденции развития торгово-промышленного предпринимательства Самарской губернии в конце XIX – начале XX вв. 34
- Федотов Павел Павлович.** Индустриализация и Саратовский государственный университет (по материалам периодической печати СГУ) 36
- Кирдяшев Максим Сергеевич.** Оказание медицинской помощи иностранными организациями голодающему населению Бузулукского уезда Самарской губернии в начале 1920-х гг. 38
- Тагирова Диана Рамильевна.** Реализация политики коллективизации в селе Сабакаево Ульяновской области 41
- Карманова Евгения Вячеславовна.** Е.В. Шпакова как тип советской женщины-руководителя 43
- Рамм Денис Антонович.** Волжский автомобильный завод 1960–1980-х гг. в контексте взглядов его руководителей 45

Секция II. Власть и общество в истории России

- Сухова Олеся Константиновна.** Губернская власть и охрана археологических древностей в Пензенской губернии в XIX – начале XX века 48

Павлов Александр Викторович. Богохульство как элемент «кабацкой культуры» в Самарском Поволжье в кон. XIX — начале XX вв. (На материалах фондов Самарской духовной консистории и Самарского окружного суда)	50
Графова Дарья Федоровна. Аграрный вопрос в политическом пространстве Российской империи начала XX века: без крестьян	53
Зиновьева Юлия Александровна. Женщины на государственной службе в Российской империи: правовой аспект	55
Гилюмова Зарема Фанавиевна. Политическое участие пролетариата в революционных событиях 1917 г.	58
Луховицкий Илья Всеволодович. А.И. Артемьев о статистической деятельности Министерства внутренних дел накануне Великих реформ	60
Хасанов Тимур Наилевич. Перевооружение и оснащение российской армии в ходе военной реформы Александра II	62
Евпалов Виктор Владиславович. К проблеме изучения российской провинции	65
Гераськина Марина Павловна. «Педали» помощи: деятельность Самарского велосипедно-санитарного отряда добровольцев в годы Первой мировой войны	66
Мухина Марина Владимировна. Отдельные аспекты выборов в Учредительное собрание в регионах: на примере работы участковых избирательных комиссий Мещовского уезда Калужской губернии	68
Неманова Марина Руслановна. Меры государственного регулирования проблемы неграмотности населения в вопросах сохранения собственного здоровья в годы НЭПа (1921–1929 гг.) на примере Самарского уезда: ожидания и результаты	70
Горбунов Артём Геннадьевич. Выборы в местные советы в Среднем Поволжье в послевоенный период	73
Романова Вероника Борисовна. Основные трудовые практики эмигрантов «первой волны» в Париже.	75
Сурдина Екатерина Юрьевна. А.Я. Басс как тип советской женщины-руководителя	77
Хамченко Арина Максимовна. Деятельность молодежных организаций советского периода и современности	79
 Секция III. История общественной и исторической мысли, политических партий, общественных движений и организаций	
Ерофеев Илья Дмитриевич. Александр I и польский вопрос в первые годы его правления	82
Овчинников Алексей Иванович. Оценка церковной реформы Александра II современниками	83

Кроз Татьяна Владимировна. История российской благотворительности пореформенного периода: историографический аспект	85
Седов Илья Олегович. Обзор финской прессы в газете «Симбирянин» как проявление октябристской электоральной политики	88
Парахин Андрей Сергеевич. «Союз 17 октября» и вопросы развития народного просвещения	90
Нечаева Евгения Сергеевна. Н.И. Пароль и Е. Пятницкий – лидеры левых социалистов-революционеров в Калужской губернии в конце 1917–1918 гг.	91
Романова Анастасия Сергеевна. Императрица Александра Федоровна в и великие князья в годы Первой мировой войны.	94
Анисимова Варвара Васильевна. Братания на русском фронте Первой мировой войны: социально-психологический аспект	96
Мурзаков Никита Алексеевич. Проблемы международной безопасности в эпистолярном наследии русской эмиграции	98
Таишева Альбина Фаритовна. По страницам детских журналов А.О. Ишимовой	100
Титова Ольга Андреевна. Зарождение детского движения в Самарской губернии как историографическая проблема	102
Токмакова Полина Дмитриевна. Освещение переговоров США и СССР в ноябре 1933 года в американской прессе.	105
Крылова Анастасия Константиновна. Семья Володичкиных в зеркале устной истории Великой Отечественной войны	107
Моисеева Татьяна Сергеевна. Образ учителя в советском кинематографе периода «оттепели» в новейшей историографии	109
Губанова Татьяна Сергеевна. Понимание проблемы феминизма в контексте развития либеральной философской мысли XX века	111
Ермолаева Мария Андреевна. Куйбышевский писатель В.Е. Козин: этапы жизни и творчества	113
Денисова Александра Денисовна. Монархия Тюдоров в современной отечественной историографии (1990 – наст. время)	116

Секция IV. Русская культура, история этносов и повседневность

Ердокеско Екатерина Александровна. И.И. Казас: педагог и просветитель	120
Токарева Наталия Дмитриевна. Создание Смольного института благородных девиц как воплощение замысла о воспитании «Новой породы людей»	122
Ткачев Виталий Викторович. Вклад купечества в формирование художественного пространства Байкальской Сибири во второй половине XIX – начале XX вв.	125

Ивченко Юлия Олеговна. Организация распорядка дня ребенка в дворянской семье конца XIX в. (на архивных материалах семьи А.В. Половцова)	127
Кондина Алёна Александровна. Живописное творчество К.П. Головкина	129
Толстикова Анастасия Дмитриевна. Благотворительная деятельность женщин-предпринимателей в дореволюционной Самаре	132
Бузаева Татьяна Григорьевна. «Университетское братство» в Самаре эпохи Великих реформ	133
Алпатов Максим Вадимович. Пространство и время городской повседневности: Пенза в 1917 г. (по материалам периодической печати)	136
Попович Елизавета Олеговна. «Невыявившееся поколение»: опыт воспитания нового человека в детских домах ТАССР в 1920–1924 гг.	138
Вербовой Вячеслав Андреевич. Духовно-просветительская деятельность митрополита Иоанна (Снычёва) в Санкт-Петербургской епархии в 1990–1995 гг.	141
Протасова Алина Владимировна. Использование естественнонаучных знаний в антирелигиозной пропаганде 1920-х гг. (на материалах Самарской губернии)	143
Николаев Сергей Владимирович. Владимир Высоцкий в мемуарах и воспоминаниях современников	145
Федотов Денис Андреевич. Социальное и материальное положение провинциального литератора в 1940-1960-е гг. (на материалах фонда поэта-песенника В.Г. Алферова)	148
Хажайнов Антон Александрович. Спортивная карьера выдающегося советского футболиста Льва Яшина (начало 1950-х – начало 1970-х гг.)	150
Шелтыганова Ирина Григорьевна. Музыкальное творчество композитора Н.П. Аннаева	153
Шептякова Александра Алексеевна. Диалог со зрителями в Куйбышевском драматическом театре. По воспоминаниям П.Л. Монастырского	155

Секция V. История России в XX в.: проблемы, поиски решения

Приезжева Алина Акбулатовна. Особенности устных воспоминаний женщин – участниц Великой Отечественной войны	158
Савенков Эльдар Игоревич. Повседневная жизнь 50-й и 51-й танковых бригад в период формирования в Саратове	160
Григорьева Мария Николаевна. Кошкинцы на фронтах Великой Отечественной войны	163

Игонин Артём Андреевич. Роль санитарно-эпидемиологической службы в послевоенном восстановлении Ульяновска (1945–1953 гг.)	165
Будылина Светлана Александровна. Улучшение условий труда в колхозах и совхозах Ульяновском области в 1950–1970-е гг.	167
Зубкова Алина Андреевна. Продовольственное обеспечение средних школ и школ ФЗО Куйбышевской области в годы Великой Отечественной войны	169
Власов Алексей Владимирович. «Победители и побеждённые»: сложности взаимоотношений сотрудников Советской военной администрации и местного населения в Восточной Германии	171
Титов Денис Николаевич. Система образования в Восточной Германии (1933–1945)	174
Садомцева Анна Романовна. Реакция СССР на «Дело Каталины» 1952 г.	176
Вишнякова Анна Андреевна. Деятельность Куйбышевского профсоюза рабочих коммунального хозяйства в 1946–1950 гг.	178
Самсонова Ирина Станиславовна. Роль общественных организаций СССР в развитии народной дипломатии (1960 – 1980 гг.)	180
Богданов Даниил Владимирович. Условия для открытия Куйбышевского государственного университета	182
Кузин Иван Михайлович. Молодёжное бунтарство в 1990-е гг. в Самаре: “Самарское Общество дураков”	184
Абрашкин Сергей Николаевич. Механизм назначения губернаторов Среднего Поволжья в 1991–1992 гг. (на материалах Самарской, Саратовской и Ульяновской областей)	186
Аншаков Евгений Алексеевич. Культурное пространство в годы перестройки	189
Афанасьева Дарья Андреевна. Особенности взаимодействия национальных организаций и правительственных органов в Чувашской Республике в 1990-е годы	191

Стендовые доклады

Богданович Виктор Александрович. Заговор княжича Василия Ивановича в 1497 г.	194
Серебряков Владимир Игоревич, Черкасов Дмитрий Александрович. Роль старообрядцев в народных восстаниях в России в XVII–XVIII вв. в оценках дореволюционных историков	196
Баданова Светлана Михайловна. Критика государственно-политического устройства России XIX века французскими публицистами (на примере трудов Жозефа де Местра и Астольфа де Кюстина)	198
Дмитрюк Софья Вячеславовна. Мемуары Е.Р. Дашковой как памятник эпохи Просвещения в России	201

Большаков Павел Борисович. Первые годы Самарской епархии	203
Петрухина Полина Александровна. Светские развлечения в Самаре середины 1850-х гг.	205
Винтер Анастасия Александровна. Женская мемуаристика в России в первой половине XIX в.	208
Савченко София Константиновна. Роль Санкт-Петербургской академии художеств в развитии стилистических тенденций русской архитектуры	210
Масленникова Валерия Андреевна. Анализ динамики женских преступлений конца XIX — начала XX вв. (по материалам судебных и крестьянских учреждений Таврической губернии, преобразованных по закону 12 июля 1889 года)	212
Пушина Дарья Андреевна. Документы фонда Самарского окружного суда как исторический источник по истории судебной системы конца XIX — начала XX вв.: к постановке проблемы	215
Писарева Анастасия Ильинична. Сельский досуг в годы НЭПа (на примере Самарской губернии)	217
Сочнева Дарья Владимировна. «Следуя Алмазному пути»: возникновение и развитие буддийского центра направления Карма Кагью в г. Ульяновске	221
Рыжков Александр Викторович. Георгий Львович Ратнер — жизнь в профессии (по материалам личных источников).	223
Федулов Андрей Андреевич, Холостяков Дмитрий Антонович. Александр Михайлович Аминев: военный период жизни и деятельности	226
Янцен Ирина Дмитриевна. Современная отечественная историография женской фронтовой повседневности в годы Великой Отечественной войны	228
Рудерман Валерия Игоревна. Молодежь Куйбышевской области на заготовках лекарственных растений в 1941—1945 гг.	230
Жминько Алина Викторовна. Недостатки в патологоанатомической работе медиков Куйбышевской области в 1950-е гг.	232
Курбатова Анастасия Владимировна. Профессиональная и общественная деятельность В.Н. Поплавского в 1990—1993 гг.	235
Бибко Александра Ивановна. Авторская песня в СССР в 1960—1980-е гг. как культурно-историческое явление	237
Гатина Алина Фаитовна. Создание комсомольской организации в новом вузе (КГИК) начала 1970-х гг.: современный взгляд	239
Брачунова Алиса Валерьевна. Герменевтический подход к историческому анализу позднесоветской художественной литературы (на примере поэмы В. Ерофеева “Москва-Петушки”)	241

XXVII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ – 2021 г.

10–11 декабря 2021 г. в Самарском национальном исследовательском университете имени академика С.П. Королева на базе кафедры российской истории состоялась ежегодная конференция студентов и молодых ученых – XXVII Всероссийские Платоновские Чтения.

Вот уже четверть века Платоновские Чтения традиционно считаются одним из самых известных и популярных межвузовских исторических форумов научной молодежи России. В них принимают участие молодые исследователи из многих регионов европейской части страны, Урала и Сибири, а также отдельных стран зарубежья. По Положению о Платоновских Чтениях в работе конференции разрешается принимать участие бакалаврам и магистрам, а также аспирантам, научным сотрудникам и преподавателям в возрасте не старше 30 лет, не имеющим ученой степени или звания. В основе работы Чтений заложен конкурсный принцип.

Начиная с первой конференции, состоявшейся в 1996 г., при организации каждых новых Чтений их Оргкомитет ставит перед собой важнейшие задачи:

- содействовать развитию научного творчества молодежи,
- способствовать созданию тесных научных связей между молодыми исследователями различных регионов России,
- пропагандировать российское национальное историческое наследие.

За всю четвертьвековую историю проведения Платоновских Чтений они показали высокую эффективность для развития отечественной науки, приобрели особую значимость и привлекательность для молодых исследователей. В среднем в работе каждой из ежегодных конференций принимало участие до 120–200 студентов, соискателей и аспирантов; выступало от 50 до 90 докладчиков. Тексты всех представленных к участию и прошедших конкурсную экспертизу докладов публиковались.

Чтения получили заслуженное признание в среде студенчества и молодых ученых. Их базовой особенностью является постоянство, регулярность, единство требований к уровню научных работ и составу участников. Проведение конференции стало общероссийской научной традицией. В Москве, Санкт-Петербурге, Екатеринбурге, Казани, Уфе, Чебоксарах, Оренбурге, Саратове, Волгограде, Пензе и других городах нашей страны сложился круг постоянных участников этого форума научной молодежи.

Начиная с 1996 г., организатором и главным исполнителем Платоновских Чтений являлся Самарский государственный университет (с 2015 г. Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева). В течение ряда лет методическую и научную помощь в проведении конференции оказывал Санкт-Петербургский институт истории РАН.

Проведенные во второй декаде декабря 2021 г. XXVII Платоновские Чтения были организованы при финансовой и методической поддержке ректората Самарского университета и руководства социально-гуманитарного института.

Проект «Платоновские Чтения» стал неотъемлемой частью системы научной и учебной работы кафедры российской истории исторического факультета Самарского университета, ежегодно проводимых научных конференций молодых ученых и студентов. Чтения объединили эту сферу научно-исследовательской деятельности в области исторических наук в единое целое не только в рамках Самары и других городов Среднего Поволжья, но и всей Российской Федерации.

Традиционным на протяжении многих лет является состав Оргкомитета конференции во главе с профессором П.С. Кабытовым. В 2021 г. в него вошли заместитель председателя Оргкомитета, директор социально-гуманитарного института, доктор философских наук А.Ю. Нестеров, декан исторического факультета, доцент Я.А. Голубинов, проректор по учебно-воспитательной работе Самарского университета профессор М.М. Леонов; профессора Самарского университета М.М. Леонов, Ю.Н. Смирнов, Э.Л. Дубман, Н.Н. Кабытова, М.И. Леонов, О.Б. Леонтьева; ответственный секретарь Чтений доцент В.А. Тюрин, секретарь Д.А. Кривова. Активное участие в организации и проведении Чтений приняли студенты исторического факультета университета.

Как и для предшествующих конференций традиционным для проведения XXVII Всероссийских Платоновских Чтений являлось стабильное количество секций. В 2021 г. конференция была проведена в рамках 5 секций и пленарного заседания.

Работа Платоновских чтений проходила в 3 этапа:

- церемония открытия конференции -10 декабря 2021 г.,
- заседания секций – 10 декабря 2021 г.,
- пленарное заседание – 11 декабря 2021 г.

При формировании состава участников конференции комиссией Оргкомитета было проведено рецензирование всех присланных по электронной почте докладов. Оно позволило отобрать 99 наиболее соответствующих научно – методическим требованиям и правильно оформленных научных работ. Из этого количества 78 были определены для конкурсных выступлений их авторов на 5 секциях Платоновских Чтений. Оставшиеся 21 доклад, отнесенные к категории стендовых, разместили для самостоятельного ознакомления участников Чтений.

Участники проводимых XXVII Платоновских Чтений представляли 15 вузовских центров России. Из них около половины составляли вузы Самары и Самарской области (Самарский национальный исследовательский университет – 45 участников, Самарский государственный социально-педагогический университет – 10, Самарский государственный медицинский

кий университет – 1, Тольяттинский государственный университет – 1, Самарский государственный институт культуры – 4, Медицинский университет «Реавиз» (Самара) – 2, Самарский филиал Московского городского педагогического университета – 4).

Вузы Москвы были представлены Московским государственным университетом (4), Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» (2), Московским городским педагогическим университетом (1); а Санкт-Петербурга – Санкт-Петербургским государственным университетом (5).

География остальных российских высших учебных заведений была представлена в основном республиканскими и областными центрами европейской части страны: Казанским (Приволжским) федеральным университетом (3), Башкирским государственным университетом (1), Сыктывкарским государственным университетом (1), Елецким государственным университетом (1), Саратовским национальным исследовательским государственным университетом (3), Пензенским государственным университетом (2), Ульяновским государственным педагогическим университетом (3), Калужским государственным университетом (2), Таврической академией Крымского федерального университета (1), Военно-воздушной академией (г. Воронеж) (2).

И наконец, Сибирский регион был представлен Иркутским государственным университетом (1).

Из всех указанных в Программе Чтений участников с докладами на 5 секциях выступило 58 чел.

На Пленарном заседании и в работе 5 секций Чтений принимало участие более 110 чел.

На первой секции «Социально-экономические, внешнеполитические проблемы истории России» в числе заявленных 14 докладчиков (из которых выступило 13) были 3 аспиранта, 8 магистрантов и 3 бакалавра. Они представляли Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва) (1), Санкт-Петербургский государственный университет (2), Самарский национальный исследовательский университет (7), Самарский филиал Московского городского педагогического университета (1), Пензенский государственный университет (1), Саратовский государственный университет (1) и Тольяттинский государственный университет (1).

Первое место на секции за доклад «К вопросу об определении социального статуса незаконнорожденных детей дворян в Российской Империи в конце XVIII в.» присуждено аспиранту Пензенского государственного университета Г.А. Чернову, второе место – магистранту Самарского национального исследовательского университета Д.А. Кривовой за доклад «Роль Кабинета министров в организации Оренбургской экспедиции (комиссии) в 1734-1737 гг.», третье место – магистранту Национального исследова-

тельского университета «Высшая школа экономики» А.А. Агаповой «Роль образования в биографии писателя на государственной службе во второй половине XVIII века».

В состав докладчиков второй секции «Власть и общество в истории России» (15 докладчиков) были включены 4 бакалавра, 5 магистрантов и 6 аспирантов. Из них 1 участник представлял Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва); 2 – Казанский (Приволжский) федеральный, 1 – Башкирский государственный, 1 – Калужский государственный, 7 – Самарский национальный исследовательский, 2 – Самарский государственный социально-педагогический, 1 – Самарский филиал Московского городского педагогического университета. Из них выступили с докладами 10 человек.

Первое место за доклад «Губернская власть и охрана археологических древностей в Пензенской губернии в XIX – начале XX века» было присуждено аспиранту Самарского государственного социально-педагогического университета О.К. Суховой. Второе место за доклад «Основные трудовые практики эмигрантов «первой волны» в Париже» получила В.Б. Романова, аспирант Самарского национального исследовательского университета. Третье место за доклад «"Педали" помощи: деятельность Самарского велосипедно-санитарного отряда добровольцев в годы Первой мировой войны» было присуждено магистранту Самарского национального исследовательского университета М.П. Гераськиной.

Секция «История общественной и исторической мысли, политических партий, общественных движений и организаций» на которую было записано 17 докладов (5 магистрантов, 8 бакалавров, 4 аспиранта), по своему составу выглядела следующим образом. Вузы Самары – 14 докладов, из них национальный исследовательский университет – 10, государственный социально-педагогический университет – 4, Представители других городов – 3 доклада, в том числе: Московский государственный университет – 1, Казанский (Приволжский) федеральный университет – 1, Калужский государственный университет – 1. Всего выступили с докладами 11 человек.

Первое место за доклад «История российской благотворительности пореформенного периода: историографический аспект» получила бакалавр Самарского национального исследовательского университета Т.В. Кроз. Второе место присуждено бакалавру Самарского государственного социально-педагогического университета П.Д. Токмаковой за доклад «Освещение переговоров США и СССР в ноябре 1933 года в американской прессе»; третье место за доклад «Семья Володичкиных в зеркале устной истории Великой Отечественной войны» получила А.К. Крылова, магистрант Самарского государственного социально-педагогического университета.

В состав секции «Русская культура, история этносов и повседневность» было включено 16 докладов (8 бакалавров, 4 магистранта и 4 аспиранта). Из них Самарский национальный исследовательский университет пред-

ставляли 9 докладчиков, Московский государственный университет – 1, Санкт-Петербургский государственный университет – 2, Иркутский государственный университет – 1, Пензенский государственный университет – 1, Казанский (Приволжский) федеральный университет – 1, Самарский государственный институт культуры – 1. Всего на секции выступили 11 докладчиков.

Первое место было присуждено аспиранту Иркутского государственного университета В.В. Ткачеву за доклад «Вклад купечества в формирование художественного пространства Байкальской Сибири во второй половине XIX – начале XX вв.». Второе место за доклад «И.И. Казас: педагог и просветитель» получила магистрант Санкт-Петербургского государственного университета Е.А. Ердокеско. 3 место с докладом «Владимир Высоцкий в мемуарах и воспоминаниях современников» занял С.В. Николаев, магистрант Самарского национального исследовательского университета.

Пятая секция «История России в XX в.: проблемы, поиски решения» объединила доклады 16 студентов и молодых специалистов (3 бакалавра, 8 магистрантов и 5 аспирантов). Из них 4 докладчика представляли Самарский национальный исследовательский университет, 1 – Московский государственный университет, 2 – Саратовский национальный исследовательский государственный университет, 5 – Самарский государственный социально – педагогический университет, 1 – Самарский филиал Московского городского педагогического университета, 1 – Елецкий государственный университет, 2 – Ульяновский государственный педагогический университет. Всего с докладами на заседании секции выступили 13 ее участников.

Первое место на секции за доклад «Деятельность Куйбышевского профсоюза рабочих коммунального хозяйства в 1946–1950 гг.» было присуждено А.А. Вишняковой, магистранту Самарского государственного социально-педагогического университета. Второе место получила аспирант Московского государственного университета А.Р. Садомцева за доклад «Реакция СССР на «Дело Каталины» 1952 г.». Третье место было присуждено бакалавру Самарского государственного социально-педагогического университета И.М. Кузину за доклад «Молодежное бунтарство в 1990-е гг. в Самаре: «Самарское Общество дураков».

Помимо того на Чтениях были представлены стендовые доклады (всего 21. В том числе 14 были подготовлены бакалаврами (1 доклад 2-мя авторами), 5 магистрантами, 1 курсантами (2 автора) и 1 аспирантом). Из них 8 – бакалаврами и магистрами Самарского национального исследовательского университета, 2 – Самарского государственного медицинского университета, 1 – Сыктывкарского государственного университета, 2 – Медицинского университета «Реавиз», 3 – Самарского государственного института культуры, 1 – Санкт-Петербургского государственного университета, 1 – Российского государственного педагогического университета, 1 – Ульяновского государственного педагогического университета, 1 – Военно-воздуш-

ной академии имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина (г. Воронеж) и 1 – Таврической академии КФУ.

11 декабря 2021 г. состоялось пленарное заседание XXVII Платоновских Чтений. К участникам конференции обратился председатель Оргкомитета профессор П.С. Кабытов. Он отметил высокий уровень состоявшейся конференции и необходимость дальнейшего совершенствования ее организации, расширения географии участников Чтений, повышения уровня докладов. Далее с приветственным словом выступил декан исторического факультета доцент Я.А. Голубинов. Затем на пленарном заседании были заслушаны отчеты руководителей секций о проведении секционных заседаний, возникших при обсуждении ряда тем дискуссиях и победителях секций, выдвинутых для участия в конкурсных выступлениях за звание Лауреата Чтений.

Вторая часть пленарного заседания была посвящена конкурсным выступлениям соискателей, занявших первые места на своих секциях. Доклады соискателей вызвали многочисленные вопросы присутствующих и были выслушаны с большим интересом. По ряду проблем, поднятых в докладах, развернулась научная дискуссия.

Коллегией профессоров звание лауреата XXVII Всероссийских Платоновских Чтений было присуждено аспиранту Иркутского государственного университета В.В. Ткачеву за доклад «Вклад купечества в формирование художественного пространства Байкальской Сибири во второй половине XIX – начале XX вв.».

Пленарное заседание завершилось награждением Лауреата, дипломантов и обладателей поощрительных премий, определившихся по итогам работы секций. В завершающей части пленарного заседания состоялся обмен мнениями о перспективах развития исторической науки в России, необходимости проведения всероссийских и региональных форумов научной молодежи. Участники заседания выступили с предложением оказать всемерное содействие закреплению уже сложившейся традиции молодежной конференции всероссийского уровня; посчитали необходимым повысить статус предстоящих в конце 2022 гг. XXVIII Платоновских Чтений до международного с приглашением зарубежных участников.

П.С. Кабытов, Э.Л. Дубман, М.М. Леонов, В.А. Тюрин

СЕКЦИЯ I. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ, ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ РОССИИ

Д.Б. Тягун

Самарский национальный исследовательский университет

ПАТРИАРХ ГЕРМОГЕН – ПИСАТЕЛЬ И КНИЖНИК КОНЦА XVI – НАЧАЛА XVII вв.

История – это наука, которая дарит возможность как исследователю, так и простому обывателю, по-новому взглянуть на развитие тех или иных событий. Разумеется, все это просто невозможно без необходимого багажа письменных и материальных источников. В данной статье я бы хотела обратиться к источникам религиозного характера, а именно – духовной литературе святейшего патриарха Гермогена, созданной им в конце XVI- начале XVII вв.; (в большей степени в период пребывания святителя митрополитом Казанской епархии).

Патриарх Московский и всея Руси Гермоген (в миру Ермолай), до этого, с 1589г., митрополит Казанский – духовный писатель и публицист русского Средневековья. Начало занятия книжностью в Казани во многом были обусловлены насаждением православия во вновь присоединенном крае. О его образованности и начитанности писали как почитатели, так и недруги [4, с. 18]. Так, например, описывает святителя автор Хронографа 1617 г., где мы находим одно из первых упоминаний о нем: «Бысть...словесен муж и хитроречив, сладкогласен, о божественных словесах всегда упражняшеся и вся книги Ветхаго Закона и Новая Благодати навывче» [9, с. 162]. По мнению С.Кедрова, среди родных Гермогена были и священники, и иноки, и посадские люди, т.е. он происходил из среднего класса. Вероятно, церковное образование он получил в одной из духовных школ, бывших при монастырях и домах духовных лиц. Это во многом объясняет его образованность и успехи на данном поприще, при этом, не умаляет версии о природном даре святителя [4, с. 7-9]. Возможно, большое влияние на Гермогена оказало знакомство с собранием сочинений духовной литературы, собранной архиепископом Казанским Германом для монастырской библиотеки. В ней были труды святителей Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоуста и других.

Начало общероссийскому духовному служению Гермогена положило одно из знаменательных событий в истории православной Церкви – явление в Казани иконы Божией Матери 8 июля 1579 г. Предполагается, что будущий патриарх служил клириком казанской церкви Святителя Николая Гостинного. Став участником обретения этой чудотворной иконы, он, по благословению архиепископа Казанского Иеремии, взял икону из земли и возглавил крестный ход, которым икона была перенесена в кафедральный Благовещенский собор [8]. Позже, в 1594 г., уже будучи в сане митрополита

Казанского и Астраханского, он составит «Повесть о честном и славном явлении образа Пречистой Богородицы в Казани...» — первое известное его духовное произведение [1, с. 163-164].

Кроме «Повести...», святитель Гермоген является автором «Жития Гурия и Варсонофия, казанских чудотворцев» с текстом службы на обретение их мощей, а также создателем новой редакции «Повести о Петре и Февронии» (автор текста Ермолай-Еразм) [10, с. 1-51]. Об этом извещает одно из старейших изданий «Повести...»: «Божиею милостию смиренный Ермоген, митрополит Казанский и Астраханский, потрудились написать мою брною рукою Житие благоверных князей Петра и Февронии, Муромских чудотворцев, от [7] 102-го лета и соверших 7103 в марте месяце». Своей редакцией Гермоген придал повести более серьезный, религиозный оттенок, так как до этого она была похожа на увлекательный приключенческий роман. Благодаря святителю, данная повесть стала выглядеть как трактат по этике и богословию православного супружества, построенный по сложной системе символов и ассоциаций [2, с. 46].

Что особенного было в творчестве митрополита Гермогена? Чем его сочинения отличались от произведений предшественников? Современники отмечали, что в своих текстах святитель не просто обозначал тот или иной факт, но и объяснял его, находил связующее начало событий. Из-за этого произведения святителя лишались риторической манеры, свойственной литературе тогдашнего времени. У святителя Гермогена риторика уступает место реальному изложению событий [5, с.193], т.е. опирается на сведения участников, или на традицию, которая считалась достоверным источником. К примеру, житийная литература опиралась на свидетельства людей, лично знавших святого или имевших сведения, которые передавались из первых уст [3, с. 321].

Кроме перечисленных трудов, святителем Гермогеном было написано послание Патриарху Иову, содержащее сведения о казанских мучениках (1591 г.), сборник, в котором рассматриваются вопросы Богослужения (1598 г.) и другие произведения.

При святителе Гермогене в Казани работала типография. Нет точных сведений, как она появилась, кто ее основал, и сколько она просуществовала. Бытует мнение, что, когда в Москве заработал Печатный двор (1553 г.), то часть его оборудования была отправлена в Казань. На это указывает большое сходство шрифтов книг, напечатанных в Москве и Казани. До нашего времени дошли лишь два экземпляра, причем разных изданий, книги — «Службы Казанской иконе Божией Матери», авторства святителя Гермогена, напечатанных в Казани на рубеже XVI—XVII веков [7].

Подводя итог, можно сказать, что святитель Гермоген сделал большой вклад в развитие духовной литературы. Будучи митрополитом Казанской епархии, он продолжил миссионерские труды своих предшественников, святителей Гурия и Германа. Его творения — это часть его работы. Кроме этого, он активно собирал книги и занимался их распространением во благо не только церкви, но и для увеличения уровня образованности и грамот-

ности среди населения, что лишний раз демонстрирует его радение за будущее российского народа. Но Гермоген велик и как публицист-патриот периода своего патриаршества. Среди его сочинений: патриотические грамоты и воззвания, обращенные к русскому народу (1606–1613 гг.) [6, с. 339]. При нем были изданы: Евангелие, напечатан «Большой Верховный устав» в 1610 году. Итак, можно сделать вывод, что святитель Гермоген был не только православным праведником, но и выдающимся писателем и публицистом конца XVI – начала XVII вв.

Библиографический список

1. Богданов А.П. Русские патриархи (1589-1700). М.: ТЕРРА; Республика, 1999. Т. 1. 495 с.
2. Володихин Д.М. Патриарх Гермоген. М.: Молодая гвардия, 2015. 300[4] с.: ил. (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1509).
3. Каравашкин А. В. Литературный обычай Древней Руси (XI– XVI вв.). М.: РОССПЭН, 2011. 544 с.
4. Кедров С. Жизнеописание святейшего Гермогена, патриарха Московского и всея России. М., 1912. 110 с.
5. Лихачев Д.С. Введение // История русской литературы X-XVII вв.: Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. № 2101 «Рус. яз. и лит.» / Л.А. Дмитриев, Д.С. Лихачев, Я.С. Лурье и др.; под ред. Д.С. Лихачева. М.: Просвещение, 1979. 462 с., ил.
6. Платонов С.Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. М.: Памятники исторической мысли, 1995. 624 с.
7. Поздеева И.В., Турилов А.А. Тетрати, печатаны в Казань // Журнал «Древняя Русь. Вопросы медиевистики». 2001. №4. URL: <http://www.nature.web.ru/db/msg.html?mid=1187131>
8. Православная энциклопедия URL: <https://pravenc.ru/text/190175.html>
9. Словарь книжников и книжности Древней Руси / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушк. Дом); Отв. ред. Д.С.Лихачев.Л.: Наука, ленингр. отд-ние, 1987 / Вып. 1. (XI – первая половина XIV в.), 1987. 492 с.
10. Творения святейшаго Ермогена, Патриарха Московскаго и всея России, с приложением чина поставления в Патриархи. Издание Церковной Комиссии по чествованию юбилейных событий 1612, 1613 и 1812 годов. М.: Печатня А. И. Снегиревой, 1912. 110 с.

Д.А. Кривова

Самарский национальный исследовательский университет

РОЛЬ КАБИНЕТА МИНИСТРОВ В ОРГАНИЗАЦИИ ОРЕНБУРГСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ (КОМИССИИ) В 1734–1737 гг.

Правительство Анны Иоанновны было заинтересовано в активизации политики России на окраинах. Одним из мероприятий в русле этой политики стала организация Оренбургской экспедиции. Поскольку высшим

органом власти в данный период являлся Кабинет министров, имеет смысл проанализировать, насколько эффективной была роль Кабинета в качестве координатора этого мероприятия.

Что касается историографических исследований по данной теме, здесь нужно сказать о работе Ю.Н. Смирнова «Оренбургская экспедиция (комиссия) и присоединение Заволжья к России в 30–40-е гг. XVIII века», автор которой рассмотрел процесс освоения Заволжья, а также роль самих руководителей экспедиции [9]. Также в процессе написания работы пригодилась монография Н.Н. Петрухинцева, который подробно проанализировал основные направления политики правительства Анны Иоанновны [2]. Источниковой базой исследования в основном послужили делопроизводственные материалы Кабинета министров, включающие в себя журналы Кабинета и приложения к ним [5, 6, 7, 8].

Как известно, инициатива создания и организации Оренбургской экспедиции принадлежала И.К. Кирилову — обер-секретарю Сената. Центральной идеей его проекта была мысль о строительстве города-крепости (будущего Оренбурга) на юго-восточных рубежах Российской империи. По его мнению, новый город-крепость необходимо было сделать главным опорным пунктом края, а от него построить крепости, которые составят пограничную линию. [1, с. 264-265]. Сам по себе проект удивлял масштабностью: предусматривал освоение Дальнего Востока, Чукотки и Камчатки, установление торговых отношений с Японией, присоединение к России почти всей Средней Азии. Для 1730-х гг. проект был довольно утопичен и потому подвергался критике [2, с. 420]. Тем не менее, правительство Анны Иоанновны проявило заинтересованность в проекте. Скорее всего, это связано с тем, что стабилизация положения, как при дворе, так и в государственном аппарате, после нескольких дворцовых переворотов 1725–1730 гг., позволила правительству обратить внимание на восточное направление [9, с. 23].

Представляется, что определенную роль в назначении Кирилова на пост начальника экспедиции сыграла поддержка фаворита Анны Иоанновны — Э.И. Бирона. Так, в письме курляндскому герцогу от 1 марта 1734 г. Кирилов писал: «... кроме вашего высокографского достоинства иной помощи не имею, дабы ваше, высокографское достоинство, старание о пользах Российской империи в бессмертной славе осталось, ибо ныне многим кажется неимоверно неоцененные пользы, объявленные в проэкте моем...» [4, с. 201]. Нельзя отрицать, что проект имел большое значение и для самой императрицы, бывшей весьма равнодушной к «славе Российской империи» и потому заинтересованной в осуществлении этой идеи [2, с. 426].

Итак, незадолго до официального учреждения Оренбургской экспедиции 18 мая 1734 г. был издан именной указ о пожаловании обер-секретаря Сената Ивана Кирилова в статские советники [5, с. 162]. Затем 24 мая того же года был издан указ Сенату о выдаче ст. советнику Кирилову и полк.

Алексею Тевкелеву (назначенного в помощь) не в зачет определяемого жалования, подъемных денег, на отправление в экспедицию [5, с. 175]. Видимо, протекция Бирона по-прежнему была важна для Кирилова, так как в следующем письме фавориту от 31 июня 1735 г., он сообщал: «Не что иное придало причину получить Всемилостивейшие нашей монархини указы, как вашего высокографского сиятельства милостивое сему новое дело признание» [4, с. 201-202].

На основании проекта Кирилова правительством была составлена инструкция, которая ставила долгосрочные планы по присоединению Казахстана, развитию среднеазиатской торговли, строительству порта на Аральском море и как самую реальную ближайшую задачу – строительство Оренбурга [2, с. 427]. Как гласила инструкция: «Во-первых, нужно, чтоб вышеупомянутый город сделать ... дабы могли с надеждой в том городе купечество селиться, и промыслы и торги порядочно и безопасно распространять...» [3, с. 323].

Но при проведении в жизнь этого обширного проекта руководство экспедиции столкнулось с рядом обстоятельств, затруднивших его реализацию. Небезызвестно, что финансовой базой экспедиции должна была послужить территория Башкирии – по проекту ее предполагалось содержать на довольно незначительные «уфимские прибылые доходы», составлявшие в 1735 г. и 1736 г. всего 5073 и 12495 р. Кроме того, уже само по себе возведение Оренбурга, стратегически запиравшего с юга-востока земли Башкирии, не могло не вызвать возмущения башкирской верхушки, опасавшейся усиления русской колонизации [2, с. 427]. Таким образом, строительство Оренбурга привело к совершенно неожиданному для Кирилова (не осознававшего всей сложности отношений в регионе) ожесточенному конфликту в Башкирии – масштабному башкирскому восстанию 1735-1740 гг. Последнее повлекло за собой резкое ограничение башкирской автономии, заставившее свернуть более «дальние» планы экспедиции [2, с. 422].

Документация Кабинета министров говорит о стремлении правительства установить контроль над данной ситуацией. По именному указу о доставлении в Кабинет ведомостей о «башкирских происхождениих и намерениях», а равно и принятии мер к успокоению башкир от 19 июля 1735 г. становится ясно, что первоначально правительство возлагает на Кирилова ответственность за происходящие события: «Повелеваем вам, о всех башкирских происхождениих и намерениях разведать подлинно...». Если башкирское восстание затевалось на самом деле, Кирилову следовало «в начале добрым способом успокоить и прекратить и отнюдь никакого расширения не допустить» [6, с. 267]. В связи с ухудшением ситуации Кабинет в августе 1735 г. принимает решение о назначении А. Румянцева главным командиром к укрощению башкирского возмущения, с повелением Кирилову вступить в сношение с Румянцевым и сообщить ему все сведения о башкир и способах к их усмирению [6, с. 329].

Любопытно, что несмотря на развитие башкирского конфликта, Кабинет по-прежнему оставался заинтересованным в осуществлении деятельности Оренбургской комиссии. В указе от 31 августа 1735 г. говорилось о продолжении построения им (Кириловым) близ реки Ори крепости и о возвращении их с войском в Уфу лишь в случае нужды по сношению с Румянцевым [6, с. 334]. Вероятно, на решение повлиял тот факт, что сама крепость уже была основана, и отказаться от новых приобретений правительство уже не могло [9, с. 27].

О дальнейшей поддержке правительства говорит и сообщение из Кабинета в Пр. Сенат о назначении ст. с. И. Кирилову и полковнику А. Тевкелеву двойного жалования и рациона, а равно в 1 т. рублей «для трактирования» башкир и прочих «тамошних народов» [7, с. 80]. Хотя во второй половине 1736 г. башкирское восстание было временно подавлено, Кабинет подчеркивал, что постоянно желал быть в курсе судьбы экспедиции — «В прочем, что у вас впредь происходить будет, в Кабинет Наш почасту рапортовать» [7, с. 304].

Сюда же стоит отнести и требование Кабинета от 14 марта 1737 г., объявленное в связи с полученными известиями Кирилова о набегах киргиз-кайсаков «чтобы отовсюду, где известно будет о воровских кайсаках, к нему (Кириллову) прямо присылали известия», учитывая, «что по прежним указам того не исполняли, с наижесточайшим выговором отправить строгие указы», а с тех указов, которые направляются к Кирилову «для ведома, сообщить копии» [8, с. 151]. В тот же день была подписана и резолюция кабинет-министров на «всеподаннейшем доношении из Сената об отпуске 50 тысяч рублей на Оренбургскую экспедицию на 1737 г» (столько же, сколько и за прошлый год), что говорит о том, что правительство по-прежнему оказывало финансовую поддержку [8, с. 152].

Кирилов умирает в апреле 1737 г., в результате чего экспедиция временно утрачивает единое управление. Однако до конца своих дней он продолжал работать — об этом говорит сообщение Кабинета в Сенат, переданное уже после его смерти, о посылке из Сената утвердительных указов о наряде людей по требованию ст. с. И. Кирилова, поскольку «хотя башкирские беспокойства уже и прекращены, ... однако для безопасности и исправления в строении вновь городков» для укрепленной линии нужно отправить людей [8, с. 242].

Итак, подводя итоги вышесказанному, можно сделать вывод, что Кабинет министров пытался координировать работу Оренбургской экспедиции, напрямую ведя сообщение с Кириловым, на которого главным образом была возложена задача по организации мероприятия. По мере ухудшения ситуации в связи с развертыванием башкирского восстания, Кабинет пытался пресечь конфликт при помощи военного давления, а также финансовой поддержки, без которой экспедиция не могла бы осуществлять свою дальнейшую работу.

Библиографический список

1. Носкова О.Л. Иван Кириллович Кирилов и его вклад в развитие Российской науки // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2011. Т. 13. № 1. С. 264-269.
2. Петрухинцев Н.Н. Внутренняя политика Анны Иоанновны (1730-1740). М., 2014.
3. Полное собрание законов Российской империи, изд.1. СПб., 1830. Т. 9.
4. Русская Беседа. 1862. № 2. Кн. 20.
5. СИРИО. Т. 108. Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны 1731–1740 гг. Т. 3. (1734 г.). Юрьев, 1900.
6. СИРИО. Т. 113. Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны 1731–1740 гг. Т. 4. (1735 г.). Юрьев, 1901
7. СИРИО. Т. 114. Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны 1731–1740 гг. Т. 5. (1736 г.). Юрьев, 1902.
8. СИРИО. Т. 117. Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны 1731–1740 гг. Т. 6. (1737 г.). Юрьев, 1904.
9. Смирнов Ю.Н. Оренбургская экспедиция (комиссия) и присоединение Заволжья к России в 30-40-е гг. XVIII века. Самара, 1997.

М.А. Бувеч

Самарский национальный исследовательский университет

УКРАИНСКАЯ ЛАНДМИЛИЦИЯ В XVIII в.: ИСТОРИЯ И ОСОБЕННОСТИ

Цель данной работы – проследить историю полков Украинского корпуса ландмилиции в XVIII в. и выявить их отличия от других ландмилицких соединений.

Следует отметить, что данная тема до последнего времени изучалась историками весьма поверхностно. О российской ландмилиции имеются лишь краткие упоминания в трудах, посвященных законодательству Петра I и Анны Иоанновны, фортификации (Ф.Ф. Ласковский и другие исследователи), в общих работах по истории армии. Первым специальным исследованием по этой теме на современном этапе развития исторической науки является статья В.В. Пенского «Украинский ландмилицкий корпус в XVIII веке» (2000 г.), описывающая формирование, расселение и функционирование полков и рот ландмилиции на Украинской линии [4]. Этой же проблеме посвящена диссертация Е.А. Гуковой [2]. Ряд вопросов, касающихся формирования ландмилиции как отдельного рода российских войск, раскрывают работы Н.Н. Петрухинцева [5, 6].

Формирование Российского государства проходило в тяжелейших условиях, одним из которых была постоянная угроза набегов кочевников из южных и юго-восточных степей. Для защиты от них издревле возводились сложные и грандиозные по своему размеру укрепленные засечные линии, оборона которых с XVI в. возлагалась на засечную стражу, состоявшую,

преимущественно, из служилых людей и жителей окрестных селений. Ситуация изменилась в ходе реформ Петра I, когда однодворцы были переведены в разряд государственных крестьян и лишены их податных привилегий. В результате, оборона границ фактически стала возлагаться на регулярные армейские части, что было весьма затратно для бюджета страны [5, с. 32]. Судя по всему, это послужило основной причиной для возникновения в 1711–12 гг. идеи новых для России войск – ландмилиции («земляного войска по примеру прочих государств»). Ее соединения изначально представляли собой временные полурегулярные военные формирования из местного населения. Они были призваны оборонять границы страны и создавались по образцу подобных частей в армиях Австрии и Швеции. Первый опыт образования подобных частей был проведен в 1711 г. в Петербургской губернии (начался набор личного состава), однако, видимо, он так и не был завершен до конца [5, с. 33].

Следующая попытка создания частей ландмилиции, проведенная на юге России, была инициирована обострением отношений с Турцией. В феврале 1713 г. был издан указ о формировании здесь (в Киевской губернии) 5 полков ландмилиции, порожденных в первую очередь «турецким кризисом». Однако уже летом 1713 г. с Турцией был заключен мир и сформированные полки были распущены по домам, формально существуя еще около года [5, с. 33–34].

Вновь к идее ландмилиции Петр вернулся в 1722–23 гг. В результате нового обострения русско-турецких отношений 4 апреля 1723 г. был издан указ о создании 6 уже, очевидно, постоянных ландмилицких полков, формирование которых закончилось к весне 1725 г. Финансирование их возлагалось на однодворцев через специальный 4-х гривенный сбор [5, с. 34].

В первые годы после смерти Петра в деле формирования ландмилиции, не произошло существенных изменений (хотя в 1727 г. она получила название Украинской). Только в 1729 г. было принято решение об увеличении этого рода войск до 10 полков. Но реализовать его до воцарения Анны Иоанновны не успели и проблема обороны южных границ стояла так же остро [5, с. 35].

При Анне Иоанновне (прежде всего, в 1730–31 гг.) была проведена реформа финансирования ландмилиции, благодаря чему ее численность была доведена до 24 полков. Они были привязаны к создаваемой по южным и юго-восточным границам системе пограничных линий. Так называемый, Украинский корпус разместили на Украинской и Царицынской линиях. Во второй половине 1730-х гг. были изменены штаты ландмилиции, а также учрежден новый мундир [4].

Жить солдаты ландмилиции (а также «помощники», призванные помогать им в земледельческих работах) должны были в специально построенных для них слободах при крепостях, защищенных системой вал-ров аналогичных укреплений основной линии. К каждой слободе примыжеыва-

лось определенное количество пахотной земли, с которой солдаты должны были кормиться [6, с. 124]. На территории слобод располагались, очевидно, однотипные жилые дома с двором и огородом. Кроме того, также участки отводились под храмы, полковые канцелярии, дома офицеров и священнослужителей [2, с. 99].

Украинский ландмилицкий корпус можно назвать эталонным. Другие соединения (полки Закамской ландмилиции) создавались по его образцу. При этом он имел ряд отличий от последних. В силу специфики театра военных действий украинская ландмилиция представляла собой более мощное соединение и имела наибольшую численность – 20 полков, собранных довольно быстро, по сравнению с Закамскими полками. Кроме того, украинская ландмилиция расселялась при крепостях. Закамские полки имели несколько иную систему наделения пахотной землей. Их расселяли также при фельдшанцах (свойственных линии в Закамье) и даже редутах [1, с. 242].

После смерти Анны Иоанновны и прихода к власти Елизаветы Петровны было принято решение, что Украинская ландмилиция обходится слишком дорого. В связи с этим большая часть полков распускалась по домам вместе с амуницией [4]. В строю остались лишь 9 полков, продолжавших нести службу вплоть до Семилетней войны 1756–1763 гг. При Петре III, фактически, начался процесс перевода ландмилицких войск в обычные армейские части, окончательно завершившийся при Екатерине II [4].

Библиографический список

1. Бувеч М.А. Поселения ландмилиции на Новой Закамской линии с археологической точки зрения // ЛП Урало-Поволжская археологическая конференция студентов и молодых ученых (УПАСК, Оренбург, 1-3 февраля 2021 г.): материалы Всероссийской (с международным участием) конференции [Электронный ресурс]. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2021. С. 242-244.
2. Гукова Е.А. Оборона южных рубежей России в XVIII веке: Украинская линия и Украинский ландмилицкий корпус (1710-1780 гг.): дис... канд. истор. наук. М., 2009.
3. Дубман Э.Д. Новая Закамская линия: судьба, проект, строительство. – 2-е изд., испр. и доп. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2005. 196 с.
4. Пенской В.В. Украинский ландмилицкий корпус в XVIII веке // Вопросы истории. № 10. 2000. С. 147-153.
5. Петрухинцев Н.Н. Основные этапы «ландмилицкой реформы» 1710-1730-х годов // Военное прошлое государства Российского: утраченное и сохраненное. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 250-летию Достопамятного зала, 13-17 сентября 2006 года. СПб., 2006. Ч. 3. С. 32-37.
6. Петрухинцев Н.Н. Царствование Анны Иоанновны: формирование внутривойско-политического курса и судьбы армии и флота 1730 – 1735 г. СПб.: Алетейя, 2001.

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ЕКАТЕРИНЫ II И ЕЕ ФАВОРИТА Г.А. ПОТЕМКИНА

История взаимоотношений Екатерины II и Григория Потемкина берет свое начало в 1774 г. С их складыванием Потемкин переезжает в Зимний дворец, и занимает покои, соседствующие с комнатами императрицы.

История любви императрицы и Потемкина окутана большим количеством тайн, домыслов и слухов. Достоверно не известно, к какому результату привели их отношения. По одной из версий, пожалуй, самой распространенной, возлюбленные тайно обвенчались.

Одним из первых исследователей вышеуказанного вопроса является П.И. Бартенев, который черпал сведения, в основном, у потомков представителей екатерининского поколения. Его записи были опубликованы в 1906 г., когда отменили цензурные ограничения относительно царской фамилии.

В своих заметках Бартенев поведал о давней беседе с министром графом Д.Н. Блудовым. «В один из вечеров осенью 1863 г., когда я уже начал утомляться слушанием, вдруг старик-граф как бы мимоходом сказал, что Екатерина II была замужем за Потемкиным» [1, с. 167]. П.И. Бартенев смог выяснить, что данной информацией располагал князь М.С. Воронцов.

В записках князя Ф.Н. Голицына сказано: «Один из моих знакомых, бывший при Павле I в делах и в большой доверенности, уверял меня, что императрица Екатерина вследствие упорственного желания князя Потемкина и ее к нему страстной привязанности, с ним венчалась в Петербурге у Самсония, что на Выборгской стороне. Она изволила туда приехать поздно вечером, где уже духовник ее был в готовности, сопровождаемая одною Марьей Савишной Перекусихиной. Венцы держали А.Н. Самойлов и Е.А. Чертков» [1, с. 145].

Граф А.А. Бобринский (внук Екатерины из рода Орловых) поведал Бартеневу: «Родной, по матери своей, внук графа Самойлова граф Александр Алексеевич Бобринский знал, по преданию, и передал мне, что когда совершалось таинство брака, Апостол читан был графом Самойловым, который при словах „Жена да боится мужа своего“ поглядел в сторону венчавшейся, и она кивнула ему головою, и что брачную запись граф Самойлов приказал положить себе в гроб» [1]. Можно порассуждать о достоверности приведенного факта. В его поддержку свидетельствует то, что его высказывают представители фамилии Орловых, известные своим ревностным отношением к Потемкину.

По мнению Бартенева, Екатерина II и Потемкин совершили венчание или осенью 1774 г., в это время завершилось восстание под предводительством Е. Пугачева и при императорском дворе наступило спокойствие, или в первые недели января 1775 г.

Уже в следующем XIX веке князь С. Голицын, собиравший и коллекционировавший предметы старины, приходившим в его дворец в Москве на улице Волконской, указывал на две иконы. По его заверениям, именно их Екатерина пожаловала в часовню княжеского дворца. Здесь по сохранившимся сведениям, императрица в 1775 г. и совершила венчание с Потемкиным.

Версию о том, что великая императрица и ее фаворит обвенчались подерживают многие историки: П.И. Бартенев, Я.Л. Барсков, В.С. Лопатин, Саймон Себаг-Монтефиоре, Исабель де Мадариага Удард, Н. Эйдельман, Анри Труайя, П. Маруси и другие.

Также многие исследователи сходятся во мнении, что у Екатерины и Потемкина были общие дети (дочь). По воспоминаниям современников, Григорий Александрович интересовался девочкой, часто ее навещал. Сама же императрица уделяла куда больше внимания сыну от Григория Орлова — Бобринскому.

Биограф Г. Потемкина отмечал, что: «Роман Потемкина и Екатерины II как будто закончился, но на самом деле он не завершался никогда. Он превратился в устойчивый брак. Супруги влюблялись и заводили себе любовников и любовниц, но их отношения между собой оставались для них важнее всего» [4, с. 248].

Екатерина была императрицей, правительницей огромной страны, и потому не могла проводить много времени с Г. Потемкиным, которого страстно любила. Поэтому их отношения продолжались в форме переписки. В письмах заверения любви соседствовали с обсуждениями государственных дел, придворными слухами, упреками и заботами о здоровье влюбленных.

Екатерина переживала из-за того, что ее возлюбленный носил ее маленькие записки в кармане, часто доставал их и перечитывал. Она боялась, что однажды он обронит одну из них и она попадет не в те руки. Потемкин же ревновал Екатерину к другим мужчинам, боялся ее возвращения к Григорию Орлову или одному из его многочисленных братьев.

Большая часть писем Потемкина к Екатерине не сохранилась: императрица их сожгла, когда их отношения стали приближаться к расставанию. Но из ее собственных писем можно понять точку зрения обеих сторон [2].

Екатерина пыталась проанализировать причины разлада, но не понимала их или не хотела понимать. Она, несомненно, желала видеть рядом с собой сильного и преданного человека, который был готов на многое пойти ради нее.

К концу июня 1776 г. отношения Екатерины и Потемкина подошли к разрыву. Императрица подарила Григорию Александровичу Аничков дворец, но Потемкин в нем никогда не жил, а через два года просто продал его.

Однако духовная связь между Екатериной и Потемкиным не обрывалась до самой смерти последнего. У императрицы появлялись новые увлечения, она никогда не забывала самого близкого и дорогого для себя человека. Потемкин благодаря ей сделал блистательную политическую карьеру.

еру, войдя в историю, прежде всего, как выдающийся государственный деятель Российской империи. Несомненно, что переписка императрицы Екатерины II и Потемкина стала памятником их любви и их отношениям, который сохранился до нашего времени.

Библиографический список:

1. Бартенев П.И. Новые показания о воцарении Екатерины Великой // Русский архив. 1890. Кн. 2. Вып. 6. С. 280-282.
2. Екатерина II и Г.А. Потемкин. Личная переписка 1769-1791. М.: Наука, 1997.
3. Из писем: Екатерина II – Вольтеру, 29 декабря 1766 – 9 января 1767 г.
4. Язык любви сто лет назад // Русская старина, № 7. 1881. С. 196-300. http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVIII/1780-1800/Potemkina_P_A/text2.htm

А.А. Агапова

*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»*

РОЛЬ ОБРАЗОВАНИЯ В БИОГРАФИИ ПИСАТЕЛЯ НА ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА

В XVIII веке выбор стратегии служебной и социальной мобильности выходцами из разных сословий был возможен благодаря системе Табели о рангах. Подготовка кадров для государственной службы стала предметом интереса правительства, выраженного в создании учебных заведений, открытых для способного юношества всех свободных сословий.

Во второй половине XVIII века можно наблюдать такую тенденцию в построении карьеры, когда в качестве «символического капитала» начинающий чиновник, помимо полученного образования, использовал еще и литературное творчество [1, с. 76]. Писательство в данном случае было обращено в сторону сановников-покровителей, которые в обмен на услуги сочинения и перевода старались о продвижении своего клиента по службе [2, с. 192]. Примечательно, что в числе студентов Академического и Московского университетов, которые затем стали писателями, было немало выпускников Киевской академии, например, В.Т. Золотницкий (1743–1796). Поступление выпускников академии в столичные учебные заведения, судя по всему, отвечало их интересу к службе в центральных государственных учреждениях: выходцы в основном из малороссийского духовенства приобретали личное дворянство на службе в Сенате, различных коллегиях и в Кабинете е. и. в., будучи при этом клиентами лиц из придворного круга. Таким образом, примерно с 1760-х годов «владение словом» становится символическим ресурсом, который мог быть конвертирован в чины и место в придворном круге.

Мы полагаем, что служебная биография В.Т. Золотницкого отвечает подобной стратегии. Сын священника, будущий писатель окончил семь из восьми классов Киевской академии и в 1760 году поступил в Московский университет, откуда в чине XIV-го класса и статусе личного дворянства был переведен преподавателем немецкого языка в Сухопутный корпус. Всего за время обучения Золотницкий освоил латынь, французский и немецкий языки и получил знания в области естественного права. В период обучения Золотницкий опубликовал перевод четырех басен в университетских журналах М.М. Хераскова «Полезное увеселение» и И.Г. Рейхеля «Собрание лучших сочинений к распространению знания и к произведению удовольствия...». По мнению исследователей, тот круг иностранных авторов, переводы которых появлялись в университетских журналах, составлял содержательные практические занятия студентов в университете.

Начиная с 1763 года, автор с целью приобретения покровительства на службе публикует собственные произведения и посвящает их высокопоставленным лицам, при этом адресатами оказываются люди из ближайшего окружения Екатерины, принимавшие участие в перевороте в ее пользу. Сопоставление хронологии чиновничества с посвящениями позволяет заключить, что Золотницкий быстро достигает цели, поступая в 1764 г. к родственнику Паниных Б.А. Куракину в Коллегию экономики, а затем в штат П.И. Панина. Наконец, в 1787 г. автор был награжден орденом Св. Владимира IV степени, что позволило ему быть записанным в родословную книгу дворян Екатеринославской губернии [3, с. 161].

Образовательный и литературный опыт Золотницкого и его современников может быть проанализирован не только с точки зрения стратегии мобильности, но также интеллектуального «багажа» государственного служащего екатерининской эпохи.

Библиографический список

1. Осповат К. А. Придворная словесность: институт литературы и конструкции абсолютизма в России середины XVIII века. М., 2020.
2. Бекасова А. В. Семья, родство и покровительство в России XVIII века: «домовое подданство» графа П. А. Румянцева: дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2006.
3. Заруба В. Н. Родословник екатеринославских дворян. Днепр, 2017.

Е.А. Светлова

Санкт-Петербургский государственный университет

К ВОПРОСУ О ХАРАКТЕРЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ИМПЕРАТОРА ПАВЛА I СО СВОИМИ ДЕТЬМИ

Отношения императора Павла I со своими детьми были весьма сложными и многогранными, поскольку на протяжении жизни императрицы Екатерины II у Павла Петровича не было возможности по-настоящему

заботиться о своих сыновьях и дочерях. Царственная бабушка не подпускала Павла Петровича к воспитанию своих внуков. После же смерти императрицы в 1796 г., уже выросшие старшие дети Павла I были ему фактически чужими. Так, на момент восшествия Павла I на престол, его старшие сыновья были сформировавшимися личностями: Александру было 18 лет, а Константину 17, и оба уже были женаты. Соответственно, император относился к обоим братьям как к взрослым и, более того, порой чрезмерно требовательно, вследствие чего и Александр, и Константин побаивались своего отца. К 1801 г. отношения императора и его сыновей накалились до предела: сыновья откровенно боялись отца, а Павел I явно подозревал сыновей в неверности к себе. Факт этих отношений подтверждается записками командира эскадрона Конного полка Н. А. Саблукова, который стал свидетелем одной из последних семейных сцен 11 марта 1801 г.: «великий князь Александр вышел из двери <...> прокрадываясь, как испуганный заяц <...> В эту минуту <...> вошел император <...> и направился к нашей группе <...> Александр поспешно убежал в собственный апартамент; Константин стоял пораженный, с руками, бьющимися по карманам, словно безоружный человек, очутившийся перед медведем» [3, с. 104]. Однако, несмотря на подобные сложные отношения, все-таки некоторые современники в своих воспоминаниях открыто заявляли, что, хоть у императора и был сложный характер, но своим сыновьям он бы ничего не сделал. Вот, что пишет Август Коцебу: «Сомнительным представляется рассказ о том, будто Павел хотел заключить в крепость обоих великих князей. <...> Конечно, легко могло бы случиться, что в порыве гнева он приказал бы арестовать обоих великих князей на несколько дней. Но трудно допустить, чтобы ему когда-либо пришло в голову сослать их совершенно, ибо он всегда был и оставался нежным отцом» [2, с. 283].

О взаимоотношениях императора Павла I с его четырьмя дочерьми говорить весьма сложно, т.к. «старшая пара» — Александра и Елена к моменту восшествия на престол своего отца также считались уже вышедшими из детского возраста: Александре было 13 лет (в последние месяцы жизни Екатерины II ее уже сватали за шведского короля), а Елене почти 12. Через три года, в 1799 г. обе девушки были выданы замуж и покинули Россию. Со своим отцом они больше никогда не виделись. Следующим дочерям императора, Марии и Екатерине, на момент 1796 г. было 10 и 8 лет. При бабушке их тоже воспитывали как взрослых девушек, и их общение с отцом было минимальным.

В результате описанных выше особенностей в семье Романовых, настоящему Павлу I смог стать отцом только для своих младших детей — Анны, Николая и Михаила. Старшая из троих, Анна Павловна пишет об их отношениях следующее: «Мой отец любил окружать себя своими младшими детьми и заставлял нас, Николая, Михаила и меня, являться к нему в комнату играть, пока его причесывали, в единственный свободный мо-

мент, который был у него. В особенности это случалось в последнее время его жизни. Он был нежен и так добр с нами, что мы любили ходить к нему. Он говорил, что его отдалили от его старших детей, отобрав их от него с самого рождения, но что он желает окружить себя младшими, чтобы познакомиться с ними» [5, с. 12]. Если верить словам Анны Павловны, то император относился к младшим детям с большой любовью и, кроме того, желал, так сказать, наверстать упущенное и хотя бы для младших детей действительно стать отцом.

У младшего брата Анны, Николая детских воспоминаний об отце и его внимании к ним было намного больше. Говоря о чувствах отца, Николай I пишет: «Отец мой нас нежно любил» [1, с. 72]. Отношение же Анны, Николая и Михаила к отцу было взаимным: «мы очень любили отца и обращение его с нами было крайне доброе и ласковое» [1, с. 76]. Поступки же императора Павла I по отношению к своему сыну Николаше также говорят сами за себя: «однажды, когда мы приехали в <...> Павловск <...> я увидел его (императора – Е. С.), идущего ко мне на встречу со знаменем у пояса, <...> он мне его подарил; другой раз Обер-Шталмейстер граф Ростопчин, от имени отца, подарил мне маленькую золоченую коляску с парой шотландских вороных лошадок и жокеем» [1, с. 72]. Как и сестра, Николай также весьма ярко описывает желание своего отца видеть детей в те свободные минуты: «Мы спускались регулярно к отцу в то время, когда он причесывался <...> Нас, т. е. меня, Михаила и Анну впускали в комнату <...> и отец с удовольствием нами любовался, когда мы играли на ковре» [1, с. 76-77].

Помимо свидетельств младших детей императора до наших дней дошли и свидетельства третьих лиц. Пожалуй, самый интересный эпизод оставил комендант Михайловского замка Николай Осипович Котлубицкий: «В последний день своего царствования <...> он (император – Е. С.) приказал позвать детей к себе; когда их привели, <...> Павел сбросил шпагу и, бросивши на пол с дивана подушку, играл с ними на полу. Потом, когда он их отпустил, воротил опять великую княжну Анну Павловну: «Аннушку ко мне!» – закричал он. И когда няня принесла ее опять, государь снял со стены небольшой образ Пресвятой Богородицы, <...> перекрестил ее несколько раз образом и, положив его ей за пазуху, отпустил» [4, с. 300-301].

Таким образом, наибольшая сложность в вопросе взаимоотношений императора Павла I со своими детьми заключается в их минимальном общении. Павел I не имел возможности в полной мере проявлять свои отцовские чувства к старшим детям. Поэтому его внимание и любовь в полной мере достались трем самым младшим детям.

Библиографический список

1. Воспоминания о младенческих годах Императора Николая Павловича, записанные Им собственноручно // Николай Первый и его время: Документы, письма,

дневники, мемуары, свидетельства современников и тр. Историков. Т. 1 / [Сост., вступ. ст. и коммент. Б.Н. Тарасова]. М., 2000.

2. Записки Августа Коцебу. Неизданное сочинение Августа Коцебу об императоре Павле // Трагедия русского Гамлета / [Н.А. Саблуков и др.]. М., 2011.

3. Записки Н. А. Саблукова // Трагедия русского Гамлета / [Н.А. Саблуков и др.]. М., 2011.

4. Павел I глазами современников: [антология / сост., предисл., коммент. Е.И. Лелиной]. СПб., 2016.

5. Стрижак В. Н., Соколов А. Р., Раскин Д. И. Анна Павловна. Русская принцесса на Голландском троне. СПб., 2003.

Г.А. Чернов

Пензенский государственный университет

К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ СОЦИАЛЬНОГО СТАТУСА НЕЗАКОННОРОЖДЕННЫХ ДЕТЕЙ ДВОРЯН В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В КОНЦЕ XVIII в.

В последние годы все больший интерес в научном историческом сообществе привлекают микроисторические исследования. Данный подход позволяет взглянуть на предмет исследования под новым углом, что особенно актуально при изучении истории повседневности.

Проблема правового и социального положения дворянских внебрачных детей изучена недостаточно. Как отмечает П.Л. Полянский, в дореволюционной историографии господствовало мнение о том, что незаконнорожденный ребенок в Российской Империи приобретал социальный статус своей матери [3, с. 47]. Подобная точка зрения выражалась и в работах постсоветского периода [4, с. 149]. Однако, на практике так было не всегда. Как справедливо полагает А.А. Крылова, комплексный подход к исследованию данной проблемы требует привлечения обширного круга источников: от метрических книг до материалов судебных разбирательств. Целью же нашей работы является введение в научный оборот одного из таких источников, а именно – материалов ревизии Пензенской палаты уголовного суда дела, поступившего из Городищенского уездного суда в 1787 г., о незаконном владении крепостными князем Никитой Темировым [1, оп. 2. д. 273. л. 460–469].

Дело поступило в нижнюю земскую расправу в результате ревизии, в ходе которой открылось, что среди крепостных князя Темирова есть трое молодых людей, сыновей его дворовой девки Ирины Максимовой, которые «не показаны ни наличными, ни убылыми, ни прибылыми» [1, оп. 2. д. 273. л. 460–469]. Из показаний свидетелей, среди которых была супруга Темирова, Устинья Ивановна и священник, Семен Андреев, суд определил, что несколько лет назад князь Темиров повредился умом. Дела же

были поручены старосте, Никите Михайлову, уже год как умершему. Таким образом, ответственного за учет крепостных, суд не нашел.

Следующая инстанция — земский суд. Делопроизводство нижней расправы было признано «недостаточным и весьма негодным», поскольку не было определено «кем прижиты» и воспитаны сыновья девки Максимовой, а сама она не допрошена. Земский суд снова допросил свидетелей: все они, кроме Максимовой показали, что отец братьев неизвестен, а воспитаны они были самим князем по благородному побуждению. Однако, Ирина Максимова показала, что прижиты три ее сына были с самим князем Темировым, подтвердил это и ее старший сын. В дореформенном судопроизводстве Российской Империи противоречия между показаниями свидетелей разрешались очень просто — знатный свидетель имел преимущество перед незнатным, мужчина перед женщиной, клирик перед мирянином [2, с. 71]. Земский суд приказал Ирине Максимовой и старшему ее сыну «за ложный донос и напрасное поклепетание учинить им обоим на теле наказание», младшего и среднего братьев отправить в холопство к господину без наказания, поскольку показаний они не давали, а также взыскать с Темирова подушную подать за всех троих крепостных за 5 лет [1, оп. 2. д. 273. л. 464].

К тому моменту, как дело дошло до ревизии в уголовной палате, князь обратился к суду с письмом, в котором признал всех троих незаконных сыновей и просил для них определения в приказное звание. Имея ввиду ментальное нездоровье князя, члены палаты не могли принять в расчет его заявление, однако, решение нижестоящего суда не было утверждено в силе. Не были заслушаны и последние свидетели — дочери и наследницы Темирова, Татьяна Романова и Марья Архипова, что в первую очередь и было исправлено уголовной палатой. Дочери единогласно показали, что отец их, еще будучи в здравом уме, под клятвой приказывал к сыновьям от Максимовой «относится как к братьям и в крестьяне не причислять». Последние показания решили дело — воля князя была исполнена, сыновья его получили вольность, а Ирина Максимова вернулась «вотчину князя без всякого наказания» [1, оп. 2. д. 273. л. 469].

Таким образом, рассмотренное дело подтверждает тезис П.Л. Полянского о том, что государство вмешивалось в отношения, касающиеся устройства незаконнорожденных детей дворян в тех случаях, когда это затрагивало государственные интересы: рекрутская повинность, подушная подать и т.д. [4, с. 150]. Совсем не обязательно в этих ситуациях детям сообщался сословный статус матери. В данном примере интересы незаконнорожденных детей князя защитить удалось, однако, этому предшествовала волокита. Кроме того, материалы рассмотренного судебного дела, иллюстрируют особенности ревизионной формы дореформенной судебной системы Российской Империи.

Библиографический список

1. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. 23.
2. Карнишина Н.Г. Судебная система Российской империи накануне проведения реформы 1864 Г. (к 150-летию принятия судебных уставов) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2014. № 1(29).
3. Нижник Н.С. Правовое регулирование семейно-брачных отношений в русской истории. СПб., 2006.
4. Полянский П.Л. Определение правового статуса незаконнорожденных детей в России в XVIII–XIX вв. // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2013. № 1.

В.Д. Иудин

Санкт-Петербургский государственный университет

К ВОПРОСУ О РАКУРСАХ ОЦЕНОК СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ФИНЛЯНДИИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX вв. В КОНТЕКСТЕ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ И СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Вхождение Финляндии в состав Российской империи, получившее правовое оформление в рамках Фридрихсгамского договора от 17-го сентября 1809 года и явившееся одним из ключевых итогов русско-шведской войны 1808–1809 гг., ознаменовало начало нового этапа развития первой. Имперский контекст формирования финской государственности породил не только разветвленную политическую и законодательную системы, но и совершенно иные условия социально-экономического развития новоиспеченной автономии. Прежний «патрон» финской территории, в лице Шведского королевства, использовал оную лишь в качестве ценного ресурсного придатка, о чем свидетельствовал, к примеру, советский исследователь В.В. Похлебкин [5, с. 31]. Показательно, в этом отношении, то, что подавляющее большинство исследователей, представленных ниже, акцентировали внимание на аналитико-статистической оценке раскрытия экономического потенциала Великого княжества Финляндского. Ниже освещены отечественные историографические ракурсы применительно к оценке социально-экономического развития Финляндии на рубеже XIX–XX вв. и выделены соответствующие индикаторы.

Честь вписывания проблематики истории Финляндии в контекст русской историографии принадлежит дореволюционным исследователям К.Ф. Ордину (1836–1892), П. Морозову, М.А. Лялиной (1838–1910) и М.М. Бородину (1852–1919). Двухтомный труд Ордина «Покорение Финляндии», увидевший свет в 1889 году и удостоенный престижной Макарьевской премии, представлял собою первый опыт фундаментального исследования ранней финской истории и политических процессов, определивших статус Финляндии в 1809 году [4]. Социально-экономическая сторона не нашла места в работе Ор-

дина. В 1895 году вышла публицистическая работа П. Морозова, посвященная состоянию торговли и промышленности Великого княжества во второй половине XIX века [3]. Он выявил несоответствие между темпами развития земледелия и демографического роста, указав на девятикратное увеличение суммарной площади обработанной земли (со 100 тыс. до 909176 га) и пятикратное — численности населения (с 450 тыс. до 2415135 чел.) с середины XVII века до 1892 года [3, с. 5]. Спустя три года были изданы «Очерки» Лялиной, охватившие, в отличие от работы Ордина, не только период до 1809 года, но и развитие автономии в последующие годы [2]. Лялина обратила внимание на завершение процесса выкупа земель помещиков для последующей продажи крестьянам, пришедшегося на первые годы XX века и обошедшегося финскому правительству в 17 млн. марок (4,25 млн. рублей) [2, с. 255–256]. Ею же были заложены основы анализа проблемы торпарей — финских безземельных, разрешение которой увязывается Лялиной с созданием в 1902 году комиссии по освоению заболоченных земель [2, с. 300]. Бородин, посвятивший один из трудов новейшей финской истории, указал на значительный потенциал развивающегося железнодорожного хозяйства Великого княжества, принесшего в 1898 году валовый доход в 22 млн. марок (5,5 млн. рублей — по начальному курсу) [1, с. 160]. Своего рода итог дореволюционных историографических оценок подвел Д.С. Тризна: по его свидетельству, промышленная составляющая финской экономики достигла колоссального прогресса в лице 300-кратного показателя производства 1840 года [7, с. 54].

Советская историография социально-экономического развития Финляндии последних дореволюционных десятилетий представлена именами таких исследователей, как: В.В. Похлебкин, Л.В. Суни. В.В. Похлебкин, в контексте фундаментального труда, посвященного истории Финляндии имперской поры, заострил внимание на том обстоятельстве, что объем финского бюджета возрос, в период с 1868 по 1908 гг., на 47,5 млн. рублей — с 9,5 до 57 [5, с. 42]. Один из ведущих советских и российских специалистов в сфере истории Финляндии Л.В. Суни рассмотрел социально-экономическое развитие княжества сквозь призму Торговых положений 1858 и 1885 гг., а также тенденции к росту степени востребованности финской промышленной продукции — чугуна, железа, стали и соответствующих изделий [6]. Суни выразил убежденность в том, что имперско-финские положения создали благоприятные условия для поставки ресурсов и изделий из автономии и, следовательно, заметно улучшили общее состояние социально-экономического положения княжества [6].

Подводя итоги нашим рассуждениям, заметим: дореволюционная и советская традиции породили ряд уникальных ракурсов анализа и оценки социально-экономического развития Финляндии на рубеже XIX–XX вв., как-то: хозяйственно-демографический, земельный, финансово-промышленный, бюджетно-статистический и торгово-политический. В фундамен-

тальных сочинениях, на наш взгляд, данные ракурсы разветвляются и, при этом, сохраняют очертания: в одном из наиболее известных трудов Суни, к примеру, представлено раскрытие проблематики социально-экономического развития Финляндии сквозь призму торгово-политического ракурса. В работах дореволюционных авторов доминируют хозяйственно-демографический, бюджетно-статистический, земельный и финансово-промышленный ракурсы, которые отвечали общественным запросам той поры.

В заключение следует указать на то, что в основу настоящей работы положены тезисы, которые в дальнейшем подвергнутся концептуальному углублению и вписыванию в более широкий контекст.

Библиографический список

1. Бородин М. Из новейшей истории Финляндии. Время управления Н.И.Бобрикова. СПб.: 1905. 200 с.
2. Лялина М.А. Очерки истории Финляндии от древнейших времен до начала XX столетия. СПб.: Изд. В. Березовский, 1908. 302 с.
3. Морозов П. Финляндия в торгово-промышленном отношении. СПб.: Тип. Б. Брауде, 1895. 91 с.
4. Ордин К.Ф. Покорение Финляндии. Опыт описания по неизданным источникам / [соч.] К. Ордина. СПб.: тип. И. Н. Скороходова, 1889. 2 т.
5. Похлебкин В.В. СССР-Финляндия. 260 лет отношений. 1713-1973. М., 1975. 406 с.
6. Суни Л.В. Финляндско-русские торговые отношения во второй половине XIX века (1858-1885). Тарту: Тартуский университет., 1963. 169 с.
7. Тризна Д. С. Финляндия за 100 лет в составе России (1809-1909). СПб.: тип. В.Ф. Киршбаума (отд-ние), 1911. 73 с.

А.Е. Михайлова

Самарский национальный исследовательский университет

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА САМАРСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XIX-НАЧАЛЕ XX вв.

Развитие торгово-промышленного предпринимательства в Самарском крае на рубеже веков продолжалось согласно утвердившимся в середине XIX в. традициям, заключающимся в сельскохозяйственной специализации региона с преимущественной занятостью в хлебной отрасли. Этому способствовал ряд факторов: удачное географическое расположение края, благоприятные климатические условия, а также современная транспортная инфраструктура, в которую входили сеть железных дорог и компании волжского пароходства. К тому же во второй половине XIX в. стала функционировать финансовая инфраструктура, в которой были представлены кроме государственных банков частные кредитные учреждения [4, с. 207].

К концу XIX в. наметилась тенденция перехода от торговли хлебом, которая превалировала в середине XIX в., к переработке зерна. Это было связано с сооружением паровых мукомольных мельниц. Новым явлением стало то, что предприниматели стали сочетать торговлю и переработку зерна [1, с. 88]. Стоит отметить и то, что для самарского предпринимательства была характерна многоотраслевая торгово-промышленная деятельность. Так, «Торговый дом Д.Е. Чельшов с сыновьями», специализировался на строительстве, занимался содержанием бань, хлеботорговлей и добычей асфальта [8, с. 302].

Динамично развивались предприятия, занятые переработкой сельскохозяйственной продукции: пивоваренное, сахарорафинадное, маслостойное и винокуренное производство. Кроме того, на рубеже XIX – XX вв. в Самаре появились макаронная фабрика и кондитерский завод [4, с.209]. Стали развиваться и новые отрасли промышленного производства: металлургическая, химическая, строительная. Так, в 1883 г. в с. Ширяево производили огнеупорный кирпич, изразцы, керамические трубы и мелкие гончарные изделия [11].

На рубеже XIX – XX вв. произошел рост числа фабрик и заводов губернии. Так, в 1900 г. их было 112 [9, с. 10], в 1902 г. – 150 [6, с. 197], а уже в 1904 г. количество фабрик и заводов в губернии достигло 1410 [10, с. 8]. Укажем, что численность промышленных заведений постоянно колебалась и зависела от многих факторов, в первую очередь, от хозяйственной конъюнктуры, урожая и цен на сырье.

Большое значение для развития предпринимательства имело принятое в 1898 г. «Положение о государственном промысловом налоге». Согласно нему, право на занятие предпринимательской деятельностью могли получить представители различных сословий, раньше привилегия принадлежала купечеству [2, с. 5-6]. Следствием этого стало то, что к началу XX в. изменилась социальная база регионального предпринимательства: купцы стали терять ведущее положение, уступив мещанам и крестьянам, с 1902 г. фиксируется снижение численности купеческого сословия [7, с. 13].

Продолжая анализ социального состава регионального предпринимательства, стоит отметить интерес иностранцев к формирующемуся бизнес-пространству губернии. В пивоваренную отрасль инвестировал австриец фон Вакано [5, с. 11], в нефтедобычу и нефтепереработку – Нобели [12]. Экономически активными были евреи. В Самаре они основали колбасное производство, составляли конкуренцию в кондитерской промышленности, содержали магазины и лавки [3, с. 157].

Итак, в качестве основных тенденций развития торгово-промышленного предпринимательства Самарского края в конце XIX-начале XX вв. отметим: переход от торговли хлебом к переработке зерна, совмещение функций торговли и производства в руках предпринимателя, развитие отраслей промышленности, зависящих от сельского хозяйства, зарождение химичес-

кой, металлургической индустрии. Произошли изменения и в социальном составе предпринимателей: сократилась доля купцов, возросло влияние мещан, крестьян и иностранцев. Но, несмотря на новые тенденции, Самарская губерния по-прежнему оставалась аграрным регионом, отрасли тяжелой промышленности развивались очень медленно.

Библиографический список

1. Алабин П.В. Трехвековая годовщина г. Самары (1586-1886 гг.). Самара, 1887. 228 с.
2. Высочайше утвержденное 8 июня 1898 г. мнение государственного совета. Ст. 964. Об утверждении положения о государственном промысловом налоге. Вятка, 1898. 86 с.
3. Гончаров Ю.М., Шайдунов В.Н. Евреи Самарской губернии и губерний Западной Сибири второй половины XIX – начала XX в.: компаративный анализ адаптационных практик общин «вне черты»// Вестник Томского государственного университета. 2021. № 71. С.155-161.
4. История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней/под ред. П.С. Кабытова и др. В 2 т. Самара, 2020. В 2 т. Т.2. 480 с.
5. Казарин В.Н. Пивной король и наследники (1880-1929). Самара, 2001. 96 с.
6. Календарь и памятная книжка Самарской губернии на 1903 г./ под ред. Протопопова И.А. Самара, 1902. 443 с.
7. Макитрин К.М. Самарское купечество в конце XIX-начале XX вв.: социально-демографическая характеристика: автореф. дис. ... канд.истор.наук. Самара,2005. 23 с.
8. Морозов В. Ю. Челышovy// Самарское купечество: вехи истории /под ред. Е.П. Бариновой. Самара, 2006. С.299-303.
9. Обзор Самарской губернии за 1900 г. Самара, 1901.35 с.
10. Обзор Самарской губернии за 1904 г. Самара, 1905. 62 с.
11. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф.222. Товарищество химических заводов и каменоломен при с.Ширяеве на Волге П.К.Ушакова и Ко. Оп.1.
12. ЦГАСО. Ф.157. Товарищество нефтяного производства братьев Нобелей. Оп.1.

П.П. Федотов

Саратовский государственный исследовательский университет

ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ И САРАТОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ СГУ)

Как и все предшествующие модернизационные преобразования в России, сталинская модернизация имела характер «революции сверху». При этом индустриальный рывок проходил в атмосфере высоких плановых показателей в короткие временные рамки. Это означало жесткий поворот к нормам командно-административной системы, отказ от принципов НЭПа.

Если в середине 20-х гг. большевики могли позволить себе долгую экономическую дискуссию о путях достижения нового промышленного уровня, то с началом «Великой депрессии» стало очевидно, что экономический кризис открывает благодатную почву для реализации решений XIV съезда ВКП(б).

В декабре 1925 г. партией был провозглашен переход к «социалистической индустриализации» [3, с. 424]. Под этим понималось обеспечение преимущественного развития тяжелой индустрии и быстрого роста производства материальной базы промышленности. СНК РСФСР в 1927 г. предложил Саратовскому губисполкому осуществить индустриализацию в первую очередь по линии разрешения и укрепления отраслей по переработке сельскохозяй сырья, развития металлообрабатывающей, машиностроительной, а также мукомольной и маслобойной промышленности [6, с. 207]. Масштабные перемены в экономике закономерным образом привели к структурным социальным изменениям. Произошел рост удельного веса занятых в городской индустрии, что породило потребность в квалифицированных кадрах. Обучение новых кадров осуществлялось медленнее, чем происходил прирост промышленных показателей. Это могло стать тормозом в реализации планов индустриализации. Потребовались реорганизация работы в вузах.

Основные задачи, которые определили характер перемен, были сформулированы на пленуме ЦК ВКП(б) в июле 1928 г. [2, с. 358]. Ими стали: 1) установление связи университета с производством; 2) рост уровня квалификации специалистов; 3) ускорение темпов выпуска новых кадров университетом. Досрочные выпуски в СГУ давали 800 новых специалистов в год. На всех факультетах устанавливался триместровое деление учебного года. Делалось это для максимально эффективного размещения в расписании наиболее важных учебных предметов. Произошло изменение в соотношении между теорией и практикой в сторону второго [4, с. 1].

Помимо организационных затрагивались и политические аспекты жизни университета. Централизация в экономической жизни закономерно привела к унификации идеологических взглядов в стенах СГУ. Университетские кафедры подвергались смотрам. «Выясняется, что кафедры в том виде, как они сейчас существуют, не только не приспособлены к выполнению решений партии, не только стоят в стороне от этого, но иногда олицетворяют собой настоящую силу сопротивления. Оторванность от организаций пролетарского студенчества, бесконтрольность работы, недопущение пролетарского студенчества к подготовке научных кадров из его среды, оторванность от нашей идеологии, проповедь антинаучных, антимарксистских представлений — все это должно быть ликвидировано» — писали университетские газеты [1, с. 1]. Часто на практике критике подвергались любые попытки переосмыслить марксизм вне сталинской линии.

Подготовка квалифицированных специалистов связывалась с улучшением жизни студентов. Активно критиковалась сухая статистика, где не

отражались проблемы каждого отдельного студента. С одной стороны, начало 30-х годов ознаменовалось подавлением любого инакомыслия, но с другой – призывами партийных организаций научиться видеть нужды студенчества, контролировать уровень условий проживания в общежитиях и питание в столовых [5, с. 1].

Таким образом, процесс индустриализации напрямую повлиял на внутреннюю обстановку в СГУ. Был преобразован образовательный процесс, предпринята попытка приблизить теоретическую академическую подготовку к будущей практической деятельности, повысить профессиональную квалификацию студентов-выпускников и их условий жизни.

Библиографический список

1. К смотру кафедр // За пролетарские кадры. Саратов, 1930. 4 апреля. № 2.
2. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898-1988). Т. 3. М., 1984.
3. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898-1988). Т. 4. М., 1984.
4. Нужен решительный поворот // За пролетарские кадры. Саратов, 1930. 18 марта. № 1.
5. О работе партийных организаций в вузах // За научные кадры. Саратов, 1934. 28 декабря, № 4.
6. Очерки истории Саратовского Поволжья. (1917–1941). Т. 3. Ч. 1. Саратов, 2006.

М.С. Кирдяшев

Самарский филиал Московского городского педагогического университета

ОКАЗАНИЕ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ ИНОСТРАННЫМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ ГОЛОДАЮЩЕМУ НАСЕЛЕНИЮ БУЗУЛУКСКОГО УЕЗДА САМАРСКОЙ ГУБЕРНИИ В НАЧАЛЕ 1920-х гг.

Голод, постигший Самарскую губернию в начале 1920-х гг., недостаточность врачебной помощи и медикаментов, породили громадную заболеваемость населения и увеличение количества инфекционных заболеваний, особенно сыпного и возвратного тифа. Одной из главных задач иностранной гуманитарной миссии стало восстановление системы здравоохранения.

Во время первого визита в Россию в 1921 г. квакеры обнаружили, что система здравоохранения находится в плачевном состоянии, кругом царит антисанитария, не хватает сотрудников, практически отсутствуют медикаменты, нужное медицинское оборудование устарело.

Доктор Хорсли Гантт, один из ведущих медиков в составе спасательной миссии АРА во время голода 1921–1923 гг., писал: «несмотря на то, что

8 процентов россиян всегда питались плохо, равно как и бедное население других стран..., а нехватка продовольствия наблюдалась, начиная с 1916 г., голода, как такового, не было до небывалой засухи 1921–1922 гг. ... Некоторые другие факторы способствовали распространению болезней — отсутствие одежды, грязь, перенаселенность жилых помещений и необходимость переездов в другие регионы из-за близости военных действий. Из-за отсутствия горячей воды и мыла, мытье в бане осуществлялось крайне нерегулярно... Перенаселенность жилых помещений также представляет серьезную проблему... Уровень смертности вырос с обычных для России 25 процентов до 85 процентов». Он отмечал, что в этих условиях эпидемии достигли своего апогея и полагал, «...что в соответствии с западными стандартами, примерно половина российского населения сегодня нуждается в госпитализации» [1, с. 108-109].

В письме от Английской и Американской группы ОДК от 7 июля 1923 г. Уполпреду Карклину говорится, что Общество Друзей заинтересовано не только в спасении голодающих людей от смерти, но и в поднятии экономического благосостояния, в улучшении быта и в общем подъеме русского народа. Квакеры имели в своем распоряжении продукты и предметы снабжения для восстановления хозяйства России. В распоряжении ОДК имелись 19 тракторов и 21 плуг, 1 700 лошадей, а также медикаменты, закупленные в Англии и Америке, на сумму 25 000 долларов. Для улучшения благосостояния Бузулукского уезда были разработаны программы медицинской помощи, помощи детским домам, покупке и продаже лошадей и по обработке земли тракторами [4, оп. 1. д. 166. л. 119-126].

Многие районы оставались еще без должного медицинского оснащения. В апреле 1923 г. региональный руководитель Американской группы ОДК Уолтер Уайлдман писал Уилбуру Томасу: «Крайняя нужда в медицинской помощи сохраняется... В России не хватает грамотных специалистов, а также медикаментов и препаратов. Думаю, они [Советское правительство] не будут возражать против нашей работы в сфере медицины, если только речь не пойдет о какой-то особенной деятельности, требующей их внимательного рассмотрения... Они рады, тем не менее, получить от нас как можно больше медикаментов» [1, с. 161].

На заседании Президиума Самгубсполкома от 15 марта 1923 г. было отмечено, что АРА принимает серьезные меры по ликвидации эпидемии малярии и отпустила большую партию хинина. Было поручено всем иностранным организациям, работающим в Самарской губернии, активно принять участие в борьбе с эпидемией. В этой связи английская и американская секция (группы) ОДК приняла решение активно включиться в данную программу [3, оп. 1. д. 7. л. 22-23].

Мелвилл Маккензи и Элфи Графф, врачи, входившие в состав миссии квакеров, совместно с Уолтером Уайлдманом составили подробный план по реализации медицинской программы в Бузулукском уезде, предусмат-

ривающий увеличение количества врачей и медсестер, обеспечение дополнительных мест в стационарах для больных туберкулезом, малярией и венерическими заболеваниями и поставку новых партий медикаментов и препаратов. Реализация этих предложений зависела от возможности получения дополнительного финансирования из Лондона и Филадельфии и согласования с Советским правительством продолжения работы совместно с русскими врачами и московскими специалистами, готовыми переехать в Бузулук [1, с. 161-162].

Осуществляя благотворительную поддержку голодающему населению Тоцкого района, Нэнси Бабб развернула несколько масштабных проектов, одним из которых было строительство больницы в селе Тоцком. На протяжении 1920-х гг. квакеры использовали модель, реализованную Нэнси Бабб в селе Тоцком, главное внимание уделяя просвещению населения в вопросах здравоохранения и учреждению медицинских пунктов и санаториев.

По мере ослабления угрозы голода, большевистское правительство стало постепенно отказываться от помощи иностранных организаций, за исключением тех, которые занимались вопросами здравоохранения. К концу своей миссии квакерами контролировалось 44 малярийных диспансера, в которых раздавалось 85 000 таблеток хинина для 20 000 больных [1, с. 163]. В отчетах квакеров отмечалось что осуществлялась работа по контролю родильных домов и медицинских амбулаторий, где лечились больные малярией и туберкулезом [1, с. 108-109]. Также приводились данные об обслуживании в поликлиниках Бузулукского уезда в конце 1923 — начале 1924 гг. На обеспечении больницы находилось 24 298 пациентов, из них 2 658 детей. В Сорочинском открыли пренатальную клинику. Работал детский лагерь для больных туберкулезом [2, с. 380].

Медицинская помощь, осуществляемая иностранными организациями, носила вспомогательный характер и заключалась в поставке медицинских препаратов, строительстве больниц и проведении просветительских мероприятий среди населения. Методами работы в рамках оказания медицинской помощи были санитарно-гигиенический контроль, лечение населения, профилактика распространения эпидемий и медикаментозная помощь.

Библиографический список

1. Макфадден Д., Горфинкел К. Советская Россия 20-х гг. глазами Друзей / под ред. С.А. Никитина; пер. с англ. Л.В. Радченко. Самара: ООО «Издательство Ас Гард», 2010. 270 с.
2. Никитин С.А. Как квакеры спасали Россию. М.: Новое литературное обозрение, 2020. 408 с.
3. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. Р-79.

**РЕАЛИЗАЦИЯ ПОЛИТИКИ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ
В СЕЛЕ САБАКАЕВО УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ**

В конце 1920-х гг. перед руководством СССР стояла задача о кооперации крестьян в большие хозяйства. Н.И. Бухарин и А.И. Рыков выдвигали программу, согласно которой кооперация должна была быть основана на добровольном кооперировании с опорой на крепкие хозяйства. В 1927 г. различными формами кооперации было охвачено свыше трети крестьянских хозяйств. В с. Сабакаево и д. Аврала в 1928 г. было образовано 2 сельхозартели по совместной обработке земли: «Восход» (чув. часть) и «Октябрь яктасы» (тат. часть) [2, Оп. 1. Д. 99; 1].

Сталинская группа предлагала курс на сплошную насильственную коллективизацию с раскулачиванием крепких хозяйств с опорой на государственные машинно-тракторные станции (МТС). Это программа и была выбрана. Этому способствовал и хлебный кризис, разразившийся в 1927 г. На XV съезде ВКП(б) в декабре 1927 г. приняли резолюцию о вопросе работы в деревне, в которой наметился «Курс на коллективизацию». Партийное руководство страны объявляло целью коллективизации установление социалистических производственных отношений в деревне, устранение мелкотоварного производства для разрешения хлебных затруднений и обеспечения страны необходимым количеством товарного зерна.

За два года количество коллективных хозяйств выросло, но в основном с помощью применения административных мер и приказных методов. К лету 1929 г. в колхозы было вовлечено 3,9 % крестьянских хозяйств. В 1929 г. крестьянские хозяйства в селе по совместной обработке земле — артель «Восход» и «Октябрь яктасы» объединились в колхоз «Согласие». На заседании бюро ячейки ВКП(б) при колхозе «Согласие» председателем был выбран И.Г. Ендурев коммунист, участник гражданской войны [2, оп. 1. д. 99; 1].

Движущей силой проведения коллективизации и раскулачивания в деревне была сельская беднота, а также рабочие из городов — «двадцатипяти-тысячники». В Мелекесский район прибыло 25 коммунистов, из них 4 являлись местными. Большинство из них не обладали знаниями о ведении сельского хозяйства. Исходя из их характеристик через полгода работы, только 6 человек были оставлены в селах на руководящих должностях. Один самовольно уехал в Москву, трое покинули села по болезни. Остальные заняли мелкие должности чиновников. В с. Сабакаево был послан Белов Георгий. Из его характеристики за 1930 г. следует: «Старательный работ-

ник. К делу относится с любовью. На работе не ноет. Постепенно превратится в хорошего руководителя крупного хозяйства. Оставить в районе председателем колхоза» [2, оп. 1.д. 105].

В ноябре 1929 г. вышла статья И.В. Сталина «Год великого перелома». В ней И.В. Сталин писал о «коренном переломе в развитии нашего земледелия от мелкого и отсталого индивидуального хозяйства к крупному и передовому коллективному земледелию»[4]. ЦК ВКП(б) в январе 1930 г. принял постановление «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству». В основном политика на местном уровне проводилась насильным путем: уклонение от вступления в колхозы считалось преступлением, имущество сопротивляющихся конфисковалось. В колхоз «Согласие» было согнано 63 % крестьян [3, оп.1. д.4]. Принудительная коллективизация и раскулачивание, выселение крестьян из родных мест, сокращение посевов и поголовья скота ввергли советскую деревню в глубокий экономический кризис. Коровники, телятники, овчарни в селе начали строить только в конце 1930-х г. Ситуация усугубилась тем, площадь, обрабатываемой земли колхоза «Согласие» была огромной, управлять ею из одного центра было невозможно. Часть земли осталась не использована, не засеяна, а сельхозналог собрали по площади земель, независимо от ее обработки. К весне 1930 г. и в Сабакаево наступил голод. Той же весной произошло выступление женщин, приходящих в районный исполнительный комитет на демонстрацию, с требованием хлеба [2, оп. 1. д. 205а].

Колхоз «Согласие» так и не справлялся с налаживанием производства, меняя руководство, ситуация не изменялась. Огромные площади земли не засеивались. Следствием этого явилось разделение в 1931 г. «Согласия» на три колхоза. «Согласие» (д. Аврала), председателем был выбран Борисов В.И., «Вперед к социализму» (рус. часть села), председателем был выбран Кутилин К.П. «Алга» (тат. часть села) председателем стал Фахрутдинов Н. Развитие трех колхозов шло до 1961 года. После они объединились в единый с наименованием им. В.И.Ленина.

Библиографический список

1. Азбуханов Н. Так мы начинали и назвали колхоз «Согласие» //Знамя труда. 1989. №63. С.2.
2. Государственный архив новейшей истории Ульяновской (ГАНИ УО). Ф.31.
3. ГАНИ УО.Ф.1437.
4. Сталин И.В. Год великого перелома. Ленинград: Гос. изд-во, 1929. 32 с.

Е.В. ШПАКОВА КАК ТИП СОВЕТСКОЙ ЖЕНЩИНЫ-РУКОВОДИТЕЛЯ

В современной исторической науке значительное внимание уделяется изучению гендерных преобразований в советском обществе, результатом которых стало радикальное изменение социального статуса женщины. Созданные советской властью условия для занятости и трудоустройства женщин и уравнивание их в правах с мужчинами обеспечили возможность профессионального и карьерного роста и привели к появлению феномена советской женщины-руководителя. Страна узнала имена Е.В. Виноградовой [1], Т.Т. Фокиной [9] и многих других.

Целью данной работы является определение главных характеристик советской женщины-руководителя на основе изучения фактов биографии директора Куйбышевской шоколадной фабрики «Россия» Е.В. Шпаковой и ее производственной и общественной деятельности.

Елена Васильевна Шпакова родилась 18 марта 1925 г. в деревне Федюкино Смоленской области. После окончания Московского технологического института пищевой промышленности в 1948 г. она была распределена в г. Куйбышев на кондитерскую фабрику [7]. Четыре месяца Елена Васильевна проработала начальником ОТК, затем была переведена на должность начальника кондитерского цеха — самого большого на фабрике [8].

В 1957 г. Елену Васильевну назначают директором кондитерской фабрики. Она проявляет себя как талантливый руководитель: за короткое время предприятие под руководством Е.В. Шпаковой было модернизировано и приобрело свое фирменное лицо. Были переоборудованы старые цеха, появились современные производственные линии, начался выпуск новых сортов конфет [8]. Фабрику в качестве передовой стали показывать официальным делегациям, приезжающим в регион, а ее директор Елена Васильевна Шпакова получила за свою работу Орден Ленина.

В середине 1960-х гг., во многом благодаря настойчивости Е.В. Шпаковой и отличным показателям предприятия, было принято решение строить в г. Куйбышеве современную шоколадную фабрику. 20 апреля 1970 г. фабрика «Россия» отпартовала о выработке первых 50 т продукции [2]. В конце 1970-х гг. по объемам производства фабрика стала одним из крупнейших предприятий Европы.

Важной чертой Елены Васильевны как руководителя являлось то, что она значительное внимание уделяла своему коллективу и комфорту рабочего процесса: добилась постройки большого корпуса, где разместились просторные раздевалки для персонала, столовая, дегустационный и конференц-залы, были построены профилакторий, база отдыха, детские сады, жилые дома.

Производственную деятельность Елена Васильевна успешно совмещала с активной общественной работой. В течение ряда лет она избиралась депутатом Куйбышевского областного Совета народных депутатов, являлась членом партбюро фабрики, членом Кировского райкома и Куйбышевского обкома КПСС, избиралась делегатом XXV съезда КПСС, XV съезда ВЦСПС, четыре года возглавляла женсовет г. Куйбышева [4]. Во многом Е.В. Шпакова воплощала идеальный образ советской женщины – труженицы, матери и общественницы [3].

Во многих исследованиях подчеркивается, что женщины остаются женщинами, даже выбирая «мужскую» стезю [3]. Обращаясь к кадрам документальной хроники [6], можно заметить, что большой рабочий кабинет Е.В. Шпаковой, с одной стороны, по-мужски деловой, с большим письменным столом с бумагами. С другой стороны, кабинет наполнен женским уютом – все пространство заполнено большим количеством цветов. Большое значение имел и внешний вид руководителя: Елена Васильевна всегда выглядела безупречно, аккуратно и женственно [5], являясь образцом для своих работниц.

Проведенный анализ позволяет выделить основные черты советской женщины-руководителя. В первую очередь, это личностные качества: сильный, волевой характер, умение брать на себя ответственность, способность сплотить вокруг себя коллектив, наличие активной гражданской позиции и высоких ценностных ориентиров. И, конечно, советская женщина-руководитель, наравне со своими профессиональными обязанностями, оставалась хранительницей домашнего очага, заботливой женой и матерью. Такой была Е.В. Шпакова, выдающаяся женщина, сумевшая сплотить команду единомышленников, добиться высоких результатов и вывести Куйбышевскую шоколадную фабрику «Россия» в ведущие предприятия страны.

Библиографический список

1. Евдокия Виноградова – ткачиха-рекордсменка, директор текстильной фабрики и депутат Верховного Совета. URL: <https://tstealth1.livejournal.com/290584.html> (дата обращения: 02.11.2021).
2. Елена Шпакова. Жизнь как горький шоколад // Самарские судьбы. 2015. 6 марта. URL: <https://samsud.ru/journal/heroes/elena-shpakova/page-1.html> (дата обращения: 04.11.2021).
3. Кирьянова О.И. Конструирование образа советской женщины в номенклатурных практиках второй половины 1940-х – первой половины 1950-х годов (по материалам журналов «Работница», «Крестьянка» и «Советская женщина»). URL: http://elis.pstu.ru/index.php?a=9&pod3_id=174&pod_id=34 (дата обращения: 02.11.2021).
4. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. Р-5222. Оп. 1. Д. 22, 26, 27.
5. ЦГАСО. Ф. Р-5222. Оп. 1. Д. 83, 88, 89, 92, 94.
6. Шоколад, шоколад. Куйбышевская студия кинохроники. 1974. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=I04iAEXb7xs> (дата обращения: 12.11.2021).

7. Шоколадная королева. Герой Социалистического Труда Елена Васильевна Шпакова // Самарские судьбы. 2014. 30 апреля. URL: <https://samsud.ru/journal/memoirs/elena-shpakova/page-1.html> (дата обращения: 12.11.2021).

8. Шпакова Е.В. «Россия» — любовь моя». Самара, 2014.

9. Ярославский край в XX веке. Кто есть кто? Предприниматели, руководители промышленно-производственного комплекса. Историко-биографический справочник. Ярославль, 2007.

Д.А. Рамм

Самарский национальный исследовательский университет

ВОЛЖСКИЙ АВТОМОБИЛЬНЫЙ ЗАВОД 1960-1980-х гг. В КОНТЕКСТЕ ВЗГЛЯДОВ ЕГО РУКОВОДИТЕЛЕЙ

Волжский автомобильный завод задумывался как опытное предприятие для апробации модели всеобъемлющего производства полного цикла. По мнению генерального директора ВАЗа (1988–2005) В.В. Каданникова ВАЗ явился своеобразным широкомасштабным вторжением рыночного хозяйства на территорию советской экономики, что выразилось в новой культуре быта, появлении общества потребления, а также вызвало коммунальную революцию в стране, изменения в планировании градостроительства, способствовало развитию социальной и городской инфраструктуры. Волжский автозавод стал «первой в советской истории стройкой, где вместо барачков для рабочих сразу же возводилось комфортабельное жильё» [5, с. 9-10].

В.В. Каданников связывает нововведения положительного свойства с личностью первого генерального директора В.Н. Полякова, который, отличаясь компетентностью, требовательностью и аполитичностью [2, с. 180], передал свой характер целому поколению работников [3, с. 102]. Р.А. Киселева в биографии заместителя главного конструктора Б.С. Поспелова отмечает, что В.Н. Поляков сформировался в сталинское время, когда руководитель нес полную профессиональную ответственность за мельчайшие огрехи производства. При создании завода он, лоббируя интересы нового города, отказался от экономии на жилищном строительстве и выступил в роли проводника устремлений автостроителей к культурной жизни [8, с. 142].

Современник В.Н. Полякова Б.М. Кацман, первый начальник плано-экономического отдела, считал, что ВАЗ оказался принципиально новым явлением для советской действительности с точки зрения методов проектирования, строительства и запуска объектов, методов комплектования коллектива, форм управления, социальной и экономической организации завода, опыта широкой кооперации с зарубежными странами и т.д. На ВАЗе возникли совершенно новые типы рабочего, инженера и руководителя, которые выкристаллизовались в борьбе за воплощение новаторских решений [6, с. 365].

В.Н. Поляков окружил себя личностями, разделяющими авторитарные способы управления коллективом. Подобно директору Б.С. Поспелов требовал от подчиненных незамедлительного исполнения поручений, отличаясь напористостью и нетерпеливостью в делах [8, с. 21-22], что соответствующим образом сказывалось на микроклимате подведомственного подразделения. Воспоминания А.К. Тихонова – бывшего советника по науке вице-президента ОАО «АВТОВАЗ» – содержат упоминания о нехватке времени на побочные активности, связанные с выполнением основной работы. При описании зарубежных командировок А.К. Тихонов подчеркивает приспособляемость работников ВАЗа к изменяющимся условиям окружающей обстановки [10].

Первый председатель производственного совета И.А. Барышкин был убежден в уникальности ВАЗа, которую он доказывал на примере высокой интенсивности труда, не встречавшейся среди других предприятий автомобильной промышленности. Таким образом, он мотивировал необходимость особого, более внимательного отношения министерств к ВАЗу [9, с. 131]. Аналогично И.А. Барышкину, первый главный инженер завода Е.А. Башинджагян запомнил ВАЗ как прогрессивное, но недооцененное министерскими чиновниками предприятие, чей неординарный опыт в высших кругах властной элиты был воспринят как заслуга приглашенных итальянских специалистов [1, с. 236-237].

Бывший заместитель генерального директора (1969-1985) П.М. Кацура связал рождение АВТОВАЗа со смягчением внутренней политики, вызванной периодом «оттепели» и желанием советского правительства расширить возможности для приобретения свободно конвертируемой валюты. По мнению П.М. Кацуры АВТОВАЗ не сумел полностью осуществить поставленные задачи по причине падения экспортного потенциала, вызванного отказом правительства СССР от открытой торговой политики в начале 1970-х гг. и переходом к свертыванию международных торговых связей со странами капиталистического блока [7, с. 169]. Рыночные элементы, обеспечивавшие ВАЗу первенство среди предприятий отрасли оказались несовместимы с централизованной системой планирования, обязательствами по вложению средств в развитие социальной инфраструктуры, отсутствием крупного и мелкого специализированного производства и гигантоманией – «упором на строительство заводов-гигантов с законченным циклом производства и создание вокруг него множества весьма разветвленных социальных функций, включая градообразующую» [4, с. 108].

Подводя итоги взаимоотношений первых руководителей АВТОВАЗа с профильными министерствами и ведомствами, отметим их специфику. Директорат завода стремился доказать уникальность предприятия и требовал повышенного к нему внимания. В то же время причины отдельных ошибок и неудач руководители завода видели во внешних факторах: разбалансировка советской экономики, низкое качество комплектующих материалов, недобросовестная зарубежная конкуренция.

Библиографический список

1. Башинджаган Е.А. Идея обретает колеса / под ред. А.А. Шаврина. Тольятти: ДИС ОАО «АВТОВАЗ», 2008. 296 с.
2. Березин В.С. Поляков. М.: Молодая гвардия, 2007. 335 с.: ил. (Жизнь замечательных людей).
3. В.Н. Поляков глазами современников / ред.-сост. А.А. Шаврин. Тольятти: ДИС ОАО «АВТОВАЗ», 2003. 400 с.
4. Журавлев С.В., Зезина М.Р., Пихоя Р.Г., Соколов А.К. АВТОВАЗ между прошлым и будущим. История Волжского автомобильного завода. 1966-2005 гг. / под ред. Р.Г. Пихои. М.: Изд-во РАГС, 2006. 720 с., ил.
5. Каданников В.В. История ВАЗа и его роль в экономике страны: уроки и современность // История ОАО «АВТОВАЗ»: уроки, проблемы и современность. Материалы I Всероссийской научной конференции 26-27 ноября 2003 г. / отв. ред. А.Э. Лившиц, П.А. Нахманович. Тольятти: ДИС ОАО «АВТОВАЗ», 2003. С. 9-15.
6. Кацман Б.М. Завод без компромиссов. Очерк истории Волжского Трудового Красного Знамени автомобильного завода имени 50-летия СССР. 1965-1975 гг. / гл. ред. П.А. Нахманович. Тольятти: ДИС ОАО «АВТОВАЗ», 2007. 400 с.
7. Кацура П.М. АВТОВАЗ и его время. Тольятти: ДИС ОАО «АВТОВАЗ», 2009. 215 с.
8. Киселева Р.А. Борис Поспелов. Тольятти: ДИС ОАО «АВТОВАЗ», 2006. 175 с. (Творцы АВТОВАЗа).
9. Моховикова Л.Л. «Был и остаюсь вазовцем»: И.А. Барышников. Тольятти: ДИС АО «АВТОВАЗ», 2001. 144 с.
10. Тихонов А.К. Мои зарубежные командировки. Тольятти: ДИС ОАО «АВТОВАЗ», 2005. 263 с.

СЕКЦИЯ II. ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО В ИСТОРИИ РОССИИ

О.К. Сухова

*Самарский государственный
социально-педагогический университет*

ГУБЕРНСКАЯ ВЛАСТЬ И ОХРАНА АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ В ПЕНЗЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Статья публикуется при поддержке гранта РФФИ № 18-09-40115 (Древности)

Первоначальными мерами в системе охраны памятников археологии в XIX веке являлись фиксация находок и сбор информации о древностях.

Во многих регионах России сведения о памятниках старины целенаправленно собирали статистические комитеты, ученые архивные комиссии, учителя, священники, но большой массив находок – случайные обнаружения кладов. Обязанность пересылки найденных предметов в Санкт-Петербург в Императорскую Археологическую комиссию (ИАК) ложилась на губернаторов с 1859 г., но и до этого времени губернаторы были ключевым звеном в системе охраны древностей.

В 1820 г. попечитель Казанского учебного округа М.Л. Магницкий просит пензенского губернатора через исправников собрать сведения о городищах. Все исправники, кроме инсарского и керенского, рапортуют, что древностей на подведомственной им территории нет [1, лл. 1-9].

В 1869 г. министерство внутренних дел предписывает губернатору доставить в Техническо-строительный комитет МВД описание и чертежи памятников, крепостей и т.п. Опираясь на рапорты уездных исправников, губернатор отвечает, что «никаких памятников и замечательных зданий древности... не имеется» [2, лл. 1-18].

30 мая 1896 г. земский начальник 4-го участка Нижнеломовского уезда передает Пензенскому губернскому статистическому комитету кость, найденную крестьянином села Покровской Варезки, и сообщает, что неподалеку от места находки есть курганы. Его интересует «не найдет ли возможным Комитет поручить кому-либо их исследование» [3, л. 5].

В 1901 г. в Пензе открылась губернская ученая архивная комиссия (ПУАК), и губернатор стал ее непременным попечителем.

Член ПУАК С.Н. Мартынов 26 апреля 1902 г. сообщает правителю дел Комиссии В.П. Попову о том, что в окрестностях с. Кадыковки Наровчатского уезда, в кургане, крестьянин нашел 50 серебряных слитков новгородского типа. С.Н. Мартынов просил наровчатского уездного исправника

«учредить охрану этого кургана», а В.П. Попова — командировать кого-либо для производства дальнейших раскопок. Слитки были отправлены через полицию ПУАК, далее переданы губернатором в ИАК, которая за находку назначила крестьянину вознаграждение в сумме 500 руб. Гривны поступили в Императорский Эрмитаж, Императорский Российский Исторический музей и Пензенский музей. Часть продали [4, лл. 26-28; 8, с. 51; 9, с. 126, 168; 11, с. 12].

15 марта 1913 г. ИАК просит ПУАК организовать надзор за работами при постройке железнодорожных ветвей в Нижнеломовском и Чембарском уездах. Надзор поручили осуществлять уездным исправникам, станковым приставам, урядникам и стражникам [5, лл. 1-5, 10, 31; 10, с. 133, 134]. Губернатор требовал «...иметь неослабный контроль за тем, чтобы ничто из обнаруженного при производстве выемок не было скрыто или расхищено... О всех случаях обнаружения предметов древности, кладов, а в особенности могильников Вы должны немедленно по телеграфу сообщить мне и употреблять все меры к охранению найденных предметов...» [5, л. 5].

Хранитель музея Пензенского Селиверстовского художественного училища В.М. Терехин в мае 1913 г. просит председателя ПУАК В.Х. Хохрякова разрешить ему провести раскопки около с. Паево Инсарского уезда. Непременный попечитель ПУАК губернатор А.П. Лилиенфельд-Тоаль ходатайствует перед ИАК о выдаче открытого листа В.М. Терехину [6, лл. 16-16об.]. Раскопки так и не состоялись [10, с. 134].

Заведующий мокшанским высшим начальным училищем А.Г. Промашев в своем сообщении ПУАК от 5 апреля 1915 г. выражает надежду, что Комиссия «озаботится сохранением “вала” (сторожевой черты), проходящего около г. Мокшана, так как жители последнего раскапывают вал и увозят землю из него на свои огороды». Он отмечает, что это делается ежегодно, так как со стороны города вал виден «как будто в целости», а другая сторона вала почти вся увезена [7, л. 1]. ПУАК и исполняющий должность губернатора поручают мокшанскому уездному исправнику через подведомственных ему чинов полиции установить «неослабное наблюдение» за валом [7, лл. 2-2об.].

Подводя итог вышесказанному, отметим, что по данным неопубликованных и опубликованных источников было выявлено минимум 148 свидетельств XIX — начала XX вв. о случайно найденных в Пензенской губернии древностях. В большинстве случаев информацию о находках собирали местные власти, а губернатор являлся связующим звеном между находчиками, губернскими ведомствами и столичными научными обществами.

Библиографический список

1. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. 5. Оп. 1. Д. 783.
2. ГАПО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 4320.
3. ГАПО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 627.

4. ГАПО. Ф. 131. Оп. 1. Д. 9.
5. ГАПО. Ф. 131. Оп. 1. Д. 39.
6. ГАПО. Ф. 131. Оп. 1. Д. 41.
7. ГАПО. Ф. 131. Оп. 1. Д. 57.
8. ИИАК. Вып. 5. Приб. СПб., 1903. 98 с.
9. ОАК за 1902 г. СПб., 1904. 199 с.

10. Первушкин В.И. «Быть неутомимыми работниками на пользу родной исторической науки...»: История Тамбовской, Саратовской и Пензенской губернских ученых архивных комиссий. Пенза, 2008. 191 с.

11. Спицын А.А. Древности Пензенской губернии // Труды Пензенского общества любителей естествознания и краеведения». Вып. VII. Пенза, 1925. 23 с.

А.В. Павлов

Самарский национальный исследовательский университет

**БОГОХУЛЬСТВО КАК ЭЛЕМЕНТ «КАБАЦКОЙ КУЛЬТУРЫ»
В САМАРСКОМ ПОВОЛЖЬЕ В КОН. XIX – НАЧАЛЕ XX вв.
(НА МАТЕРИАЛАХ ФОНДОВ САМАРСКОЙ ДУХОВНОЙ КОНСИСТОРИИ
И САМАРСКОГО ОКРУЖНОГО СУДА)**

В современной исторической науке утвердилось мнение, что в пореформенной России наблюдается «медленная секуляризация массового сознания» [8, с. 410-411]. Ее сопровождали и нарушения постов, и редкие походы в церковь, и нарушения благочиния в церквях. Вместе с тем, росло и число оскорбительных и непочтительных использований имени Бога [16, с. 186], поруганий словом или делом объектов религиозного почитания [5, с. 5] или коротко говоря, богохульств. Богохульство как практика – это крайне агрессивный способ общения со святыми и в отличие от большинства других он непр provокативен [1, с. 15], то есть не ставит целью получение благодати от Всевышнего. Суть в обратном – наказать за равнодушие.

Как рождается ситуация, в которой богохульник считает уместным грубо высказаться об объекте культа? Какие факторы способствуют его агрессии? Считает ли богохульник свои действия чем-то аморальным, неправильным?

Для ответа на эти вопросы стоит обратиться к архивным материалам – фондам Самарской духовной консистории и Самарского окружного суда. В одном из дел читаем следующее: в 1910 году в селе Хворостянка в доме крестьянина Дмитрия Босырева встретились Федор Манаков и Андрей Тимофеев Иванищев. Последний был «сильно выпивши» и стал просить деньги на водку у Манакова. Когда тот отказал, то обругал его площадной бранью. «Негоже браниться перед большим праздником», – сказал Манаков, на что Иванищев ответил: «Мать твою ети, и с Воскресеньем, и с церковью», после чего обругал скверноматерными выражениями Бога и Богородицу [11, л. 2].

Этот пример интересен тем, что содержит в себе большинство факторов, порождающих богохульство: здесь есть и нетрезвое состояние богохульника, и конкретная фраза, вызывающая, в данном случае, словесную агрессию. Дополнить эти данные можно и другим примером: В мае 1890 года в деревне Алешкиной решался вопрос о выделении денег на украшение храма в селе Кроткове. Один из крестьян, не желая платить говорил: «Не знаю когда эта церковь провалится сквозь землю», после чего обругал ее скверноматерными словами [15, л. 4].

Итак перед нами есть следующие составляющие: 1) нетрезвое состояние обвиняемого в богохульстве; 2) сквернословие; 3) богохульство как реакция на проявление сакрального мира в профанном.

Сразу обращает на себя внимание именно нетрезвое состояние богохульника. Как правило, в состоянии опьянения человек «говорит много и громко, не стесняясь подчас в выражениях» [6, с. 75]. Его поведение достаточно вызывающе, кроме того, пьяный стремится выразить свою агрессию на чем-либо, находящемся рядом. Отчаявшийся человек шел служить кабаку: «Гнетущая скука жизни при крайней скудости духовных интересов, столь свойственная нашим уездным захолустьям», вела прямоком в кабак [3, с. 170].

Схожий акт богохульства произошел и у общественного магазина села Жестянки, где произошел спор о вере между мещанином города Николаевска Филиппом Ивановым Шаховым и церковным старостой Андреем Буруновым. Во время разговора мещанин был «сильно выпивши» и позволил себе сказать «мать его ети отца Серафима» [11, л. 2].

В то же время и сам факт пьянства мог становиться поводом для агрессии – например, в 1891 году в с. Курумоч случилось чаепитие в одном из домов. На нем присутствовали крестьяне Федор Киреев и Владимир Капустин. Последний на чаепитие принес бутылку водки. Его супруга, Аксинья Фомина, увидев бутылку, разбила ее об стол и швырнула осколками в икону Иоанна Предтечи, попав и в портрет царя. На фразу «что ты делаешь? разбила и царя и икону!» она ответила: «Черт с вами, с царями и иконами вашими!» [13, л.2-5].

Второй фактор – скверноматерная брань. Ее употребление известно достаточно широко – нередко речь простонародья была «настолько насыщена непристойностями» [7, с. 46], что упоминания Бога и святых то и дело перемежались с матерщиной. Кроме того, сам мат это и средство «адаптации к сверхсложным условиям» [4, с. 14].

Третий фактор – агрессия на синонимичное «побойся Бога!» выражение. Здесь важно то, что богохульник часто говорит об этом аффективно, явно не осознавая смысла сказанного им. Типичный тому пример: 20 января 1909 года в селе Родионовка в одном из домов было застолье. Неожиданно на него ворвался крестьянин Иван Кириллов Руднев и стал браниться на сидящих в избе. Один из участников собрания, Иван Мишин. заме-

тил ему: «Иван Кирилыч, ты бы сперва шапку снял, да Богу помолился», на что Руднев сказал: «Да мать вашу ети, и с вашим Богом» [10, л.2].

Так, мы видим, что Богохульство с психоэмоциональной точки зрения — это реакция раздосадованного, выведенного из нормального состояния человека на «раздражитель»-Церковь или различные ее составляющие, упоминаемые в разговоре. Богохульство в таком понимании можно характеризовать как кабацкий текст, не только формально (пьянство, ругань), но и внутренне, где важно настроение, состояние: «жуть, грустно и обидно» [2, с. 205].

Подводя итог, отметим, что в представленных делах в первую очередь виден отчаявшийся человек, который своим эмоциональным порывом выражает горечь от несоответствия ожиданий действительности. Наносся оскорбления Богу (не всегда осознанно), человек тем самым наказывал его за его безучастность в своей жизни. Соответственно, согласно типичной для русской культуры дуальности, человек, если и не может найти надежду на благодать вне церкви, то может найти источник утешения вне ее — в том же кабаке, пространстве, функционально противоположном церкви, одной из форм мира «черной культуры» [9, с. 86]. Кроме того, проявляется и агрессия в отношении церкви, святых, предавших веру в них простого человека. Агрессия эта так же обращена и в адрес того, кто вызывает к совести бранящегося — того, чья вера в святого еще была велика. Таким образом, обида на святого выливается в наиболее низкий вариант общения с сакральным — собственно фамильярное избиение святого, непр provokativная агрессия, богохульство, происходящее с еще более низкого уровня, где присутствует пьянство, ругань, неуважение и неразумие.

Библиографический список

1. Антонов Д.И. Два «тела» иконы: общение с образом как апроприация силы // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 7 (40). С. 9–34.
2. Гавриков В. А., Кихней Л.Г. «Кабацкий локус» в русской поэзии XX века: статья вторая // Новый филологический вестник. 2020. №2 (53).
3. Горюшкина Н.Е. «Пошел так, попал в кабак»: о причинах распространения питейных домов после винной реформы 1863 года. // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11. № 3. С. 166-176.
4. Лотман Ю.М. Не-мемуары // Лотмановский сборник. М., 1995. Вып.1.
5. Лукьянов С.А. Богохульство как вид религиозного преступления в древнерусском и российском законодательстве в X — начале XX вв. // Вестник Московского университета МВД России. М., 2013. №9.
6. Каннель В.Я. Алкоголизм и борьба с ним. М., 1914.
7. Колоницкий Б. «Трагическая эротика»: Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М., 2010.
8. Миронов Б.Н. Российская империя. От традиции к модерну: в 3 т. Т. 3. СПб., 2015.
9. Успенский Б. Этюды о русской истории. СПб., 2002.

10. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. 8. Оп. 2. Д. 6376.
11. ЦГАСО. Ф. 8. Оп. 2. Д. 6494.
12. ЦГАСО. Ф. 8. Оп. 2. Д. 6500.
13. ЦГАСО. Ф. 8. Оп. 2. Д. 7892.
14. ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 2. Д. 232.
15. ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 2. Д. 389. Л.4.
16. Щербина Ю. «Ощущаем и неверующим в него». Заметки о богохульстве. // Нева. СПб., 2017. №7.

Д.Ф. Графова

Казанский (Приволжский) федеральный университет

АГРАРНЫЙ ВОПРОС В ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ НАЧАЛА XX ВЕКА: БЕЗ КРЕСТЬЯН

Первое десятилетие XX века отмечено в истории России расширением, как поля политики, так и состава субъектов политического процесса, решительно вышедшего за рамки семейных склок эпохи старого порядка. Энергично разводя по периметру пространства власти, традиционно скреплявшие его институты патримониальной монархии, либеральные сообщества создавали угрозу обрушения всей имперской конструкции, принуждая правительство наполнить его новыми органическими элементами, роль которых должны были сыграть политические партии.

Модернизация архитектуры государственного строя в октябре 1905 года направила креатив общественных движений в область пропаганды и электоральной агитации, где конкурируя за благосклонность избирателей, они вынуждены были формулировать и представлять свои аграрные программы, являвшиеся – по мнению одного из наиболее авторитетных сталинских интеллектуалов, – в истории русской революции одним из стержневых вопросов, у всех сколько-нибудь серьезных политических организаций [5, с. 483–492].

Так, партия народной свободы в своей программе упирала на проведение таких реформ, как национализация большей части помещичьих земель и распределении их среди крестьян на правах пользования. В отличие от социалистов, которые не имели конкретного плана решения аграрного вопроса, они предлагали более долгий, но и более спокойный путь изменений российского общества. Довольно заманчиво для крестьянства должны были выглядеть программы октябристов и эсеров. Не брезговали политтехнологи начала века и черным пиаром. Широкое распространение получили такие приемы, как подброс противоправительственных брошюр и прокламаций на заводах [1, оп.2. д.4. л.3; оп.2. д.8. л.4], в селах [1, оп.2. д.4. л.4] и в учебных заведениях (гимназии) [1, оп.2. д.4. л.1], в которых совершивших

преступление против существующей власти людей называют героями [1, оп.2. д.4. л.1], а императора критикуют и всячески показывают безвольным, нерешительным и ведомым человеком, вместо которого государством правят чиновники, держащие народ в темноте, затрудняя его образование [1, оп.2. д.4. л.5]; распространение антиправительственных брошюр, прокламаций и газет путем отправки их по почте на любые адреса: крестьянам [1, оп.2. д.4. л.2. л.15], чиновникам [1, оп.2. д.4. л.28] и полицейским [1, оп.2. д.4. л.30]; а также распространением слухов от разных людей, которые часто рассказывали в деревнях о том, что скоро вся земля перейдет крестьянам в бесплатное пользование, и потому они напрасно платят деньги на землю [1, оп.2. д.4. л.22].

Как известно, наибольший отклик политическая пропаганда получила в среде студентов, к которым, однако, не применяли особенно жестких мер, [2, оп.2. д.5. л.2-3, л.13], а вот крестьяне, в чей адрес были направлены эти призывы, не проявили интереса к политической борьбе, нередко выдавая полиции агитационные материалы вместе с агитаторами.

Избранные в I Государственную Думу представители крестьянских обществ, получив возможность выразить свое негодование по поводу попранных прав, не умели, да и не имели особого желания, разбираться в государственной машинерии. Определяя себя, по наитию, трудовиками (группа эта была настолько разношерстной, что основным критерием принадлежности к ней была, кажется, неспособность сколь-нибудь внятно определиться с политическими предпочтениями), чье политическое кредо ограничивалось констатацией того, что мужику живется скверно, ему нужны земля и воля [3, с. 81], они, по свидетельству доброжелательного наблюдателя, пьянствовали по трактирам и скандалили [3, с. 93]. Однако дальше экспрессивных презентаций дело, как правило, не шло: во многом потому, что сама суть крестьянского вопроса для большинства оставалась непонятной, а крестьяне, избранные в состав Государственной Думы, не могли определить его содержания. В конечном итоге, так ничего и не добившись от земледельческого сословия правительство предпочло наладить диалог непосредственно с представителями уже сложившегося к тому времени политического класса.

На фоне этой фантазмагии «призываемой, приближаемой, изо всех интеллигентских сил нагнетаемой революции — симуляции революции» [2, с. 23], между тем, набирало силу рабочее движение, отягченное и агрессивное, локализованное вблизи жизненных центров империи, оно представлялось куда более эффективным инструментом в дискуссиях на политическом поле, очерченном уже строками Манифеста Семнадцатого октября. Примерно в то же время и наиболее смелые оппозиционеры переключились на работу среди пролетариев, забросив на некоторое время не оправдавшего либерально-социалистических надежд мужика. Проглядев, в конечном итоге, пугачевщину. Каковой, кажется, и не подозревал, что своими повседневными трудами должен был бросать вызов тому социально-

политическому укладу, плоть от плоти которого он всегда оставался. Впрочем, не удивительно.

Крестьянство, как основа тяглого сословия, оставалось органическим элементом «целого строя аграрных отношений» [4, с. 78], определявших исторически сложившуюся в России организацию хозяйства и экономическую действительность, относительно которой к началу Великой войны, — по признанию одного из лучших экономистов России, — все еще отсутствовали «реальные и реалистические представления» [4, с. 77]. Поэтому, принимая во внимание то обстоятельство, что объективное содержание аграрного вопроса было сформулировано, — по мнению А.В. Чаянова, — в 1913–1918 годах, логично было бы поинтересоваться источником тех аграрных программ, на важности которых настаивали большевики, а также степенью корреляции их содержания с реальными нуждами крестьянства и возможностями правительства.

Библиографический список

1. Государственный архив Республики Татарстан (ГА РТ). Ф.89.
2. Солженицын А. И. Красное колесо. Узел II. Октябрь шестнадцатого. М.: Время, 1984. 313 с.
3. Соловьев К. Самодержавие и Конституция. Политическая повседневность в 1906–1917 годах. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 352с.
4. Струве П. Б. Крепостное хозяйство. Исследования по экономической истории России в XVIII и XIX в.в. [1913]/ред. М. А. Колерова. М.: Модест Колеров, 2021. 368 с.
5. Шестаков А. (Никодим) Аграрные программы в истории русской революции // Большая советская энциклопедия. Т.1/ ред. О. Ю. Шмидт. М.: Советская энциклопедия, 1926. 562 с.

Ю.А. Зиновьева

Самарский национальный исследовательский университет

ЖЕНЩИНЫ НА ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЕ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

К началу XX века проблема женского равноправия не была новым явлением для Российской империи. Так называемый «женский вопрос» закрепился в общественной повестке с середины XIX века и привлек внимание к положению женщин в социальном, правовом, экономическом, а с повышением революционных настроений и политическом поле. Обострение отношений между обществом и властью требовало со стороны последней решения проблемы гендерного диспаритета.

Государственная служба как одна из опций трудовой занятости стала доступна женскому населению Российской империи во второй половине

XIX века. К началу XX столетия правовая регламентация данной сферы деятельности для женщины не изменилась значительно. О ее исключительном положении на этом поприще свидетельствует издание в 1901 г. сборника постановлений и распоряжений, определяющих права и обязанности русских женщин по службе, под редакцией А.П. Полянского [4].

Основные принципы, определяющей права женщины на службу, были закреплены в ст. 157 Устава о службе гражданской. Данная статья содержала указания о характере работ, к которым могут привлекаться женщины, а также ограничения их приема на службу рядом учреждений и ведомств. Доступными были женские заведения Ведомства императрицы Марии, женские лечебные заведения, учреждения Государственного Контроля, Управление казенных железных дорог министерства путей сообщения, Управление земледелия и Государственных имуществ, Министерство юстиции и канцелярия Правительствующего сената [6, с. 40-42].

Преимущественно задействованные в работе «по письменной и счетной частям», женщины не допускались до позиций предусматривающих принятие решений. Более того, женщины занимали должности «без предоставления им каких-либо прав и преимуществ, государственной службой приобретаемых, а равно и права замещения штатных должностей» [6, с. 41], т.е. по вольному найму. Фактически, законодатель первоначально не предоставлял им статуса «полноценного» государственного служащего.

Условия приема на службу имели особые критерии, касающиеся семейного положения и возраста. Например, для почтово-телеграфного ведомства идеальными кандидатами представлялись вдовы и незамужние женщины в возрасте от 18 до 25 лет. Вмешательство в личную жизнь выражалось в запрете на вступление в брак или в принуждении к нему с лицами того же ведомства. Подобные ограничения личных и семейных прав были закреплены законодательно, а иногда носили характер предписаний на губернском уровне. Исследователем А.И. Громовой были выделены две категории женщин-служащих, подвергавшихся наибольшему ограничению — телеграфистки и учительницы [1]. Тем не менее, женщины обращались к данным профессиям несмотря на все сложности.

Постепенно законодательно пересматривалось положение женщин-служащих. В частности, с 1904 г. почтово-телеграфным чиновницам были даны возможности повышения разряда и получения квартирного довольствия. Женщины могли занимать должности начальников почтовых и почтово-телеграфных отделений [3, с. 477-478]. Женщинам-врачам в свою очередь предоставлялись все права государственной службы, наравне с мужчинами, однако не предусматривалось чинопроизводство и награждение орденами [6, с. 41]. Позже аналогичное «признание» получили сотрудницы и иных ведомств, к примеру Государственного банка [5].

В контексте кадровой политики государственных учреждений важно упомянуть указ «Об отмене некоторых ограничений в правах сельских обы-

вателей» 1906 г. [2], согласно которому доступ к государственной службе был потенциально открыт для выходцев из крестьянства и мещанства. Так, при должном уровне образования представительницы этих сословий могли конкурировать в вопросе трудоустройства с женщинами привилегированного происхождения.

Включение женщин в систему государственных органов и учреждений стало отражением важных процессов, продолжавших менять социально-экономическое положение женщин Российской империи. Свою роль сыграл и курс на прагматизм в кадровой политике самих государственных структур, столкнувшихся с оттоком квалифицированных кадров. Для них периоды внутривластной нестабильности стали временем восполнения недостатка служащих на низших эшелонах государственного управления.

Отношение отечественного законодателя к женщинам-служащим в начале XX в. характеризуется противоречивостью. С одной стороны, регламентация этого особого типа занятости по-прежнему предусматривала ряд ограничений и дискриминационных положений в отношении женской половины кадрового состава. С другой стороны, постепенно пересматривались служебные права и появлялись преимущества, которые государственная служба могла предоставить женщинам, что вело к улучшению их положения. Однако важные управленческие решения по-прежнему находились вне сферы их деятельности. Женщины не были допущены к значимым позициям в аппарате государства, так и не получили должного представительства в Государственной думе. Следовательно, государство не решалось дать женщинам равное с мужчинами признание.

Библиографический список

1. Громова А.И. Общественно-политическое регулирование частной жизни женщин-служащих в российской империи рубежа XIX-XX веков // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. № 3 (55). 2020. С. 51-64
2. Об отмене некоторых ограничений в правах сельских обывателей и лиц других бывших податных состояний: Именной Высочайший указ 5 октября 1906 г. // 3 ПСЗ. Т. 26. № 28392. Собрание узаконений. 1906. 6 октября. Отд. I. Ст. 1700. [Электронный ресурс]: Электронная библиотека исторических документов. URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/8418-ob-otmene-nekotoryh-ogranicheniy-v-pravah-selskih-obyvateley-i-lits-drugih-byvshih-podatnyh-sostoyaniy>
3. Полное собрание Законов Российской империи. Собр. 3. Т. XXIV. 1904. СПб, 1907. 1257 с.
4. Полянский А.М. Русская женщина на государственной и общественной службе: сборник постановлений и распоряжений правительства / Сост. Полянский А. М.: Изд. Скирмунта С., 1901. 499 с.
5. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1276. Оп. 20. Д. 99.
6. Свод законов Российской империи: в 5 кн. / под ред. И. Д. Мордухай-Болтовского. СПб.: Русское книжное товарищество «Деятель», 1912. Т. 3. 404 с.

**ПОЛИТИЧЕСКОЕ УЧАСТИЕ ПРОЛЕТАРИАТА
В РЕВОЛЮЦИОННЫХ СОБЫТИЯХ 1917 г.**

Изучение рабочего класса особенно актуализировалось в настоящий момент. Современные историки анализируют законодательное регулирование трудовых отношений, факторы социального, политического и экономического развития рабочего класса, психологию массового сознания рабочих [8, с. 91-93]. Большое внимание уделяется структуре рабочего класса.

Большинство современных российских исследователей как правило делают вывод о том, что к 1917 г. не было массового класса пролетариев. Рабочие достаточно часто приписывали себя к различным сословиям, не имея внутреннего единства [3, с. 24-25]. Согласно данным переписи 1897 г. [4], следует что большинство рабочих относили себя ко всевозможным классам: крестьяне, солдаты, мещане, дворяне, духовенство, цеховые, почетные граждане, кантонисты, иностранцы, купцы и т.п. Более половины рабочих не были потомственными, они были выходцами из других социальных групп, сохраняя их черты, что говорит о том, что данный слой еще не был состоявшимся классом [7].

Состав российских рабочих в 1917 г. был, конечно, неоднородным. Он включал в числе себя особо «интеллигентную» часть, которая интересовалась политической жизнью в стране, изучая в свободное время необходимую литературу и последние новости. Кроме того имелось значительное количество рабочих, которые были в большинстве своем неграмотны, политически индифферентны, не имели четкого представления о таких понятиях, как «социализм» или «социалистическое общество». Представители пролетарской революционной партии, используя различные методы идеологического воздействия, добивались подписания рабочими их наказов и петиции. В то же время, рабочие оставались массовой силой, которая могла серьезно повлиять на ход событий. Умелые агитаторы были способны направить класс пролетариев таким образом, как было нужно руководителям революционного движения. Рабочие, практически не обладая критическим мышлением, легко поддавались провокациям, не имея контраргументов против агитаторов.

Тем не менее, нельзя умалять роль рабочих в революционных событиях 1917 г. К этому времени у них уже были сформированы основные требования: восьмичасовой рабочий день, повышение заработной платы, улучшение условий труда [6, с. 410]. Активность рабочих хорошо прослеживается в степени их участия в забастовочном движении, высокой криминальности и низком уровне дисциплины [1, с. 46-47]. За период Первой мировой войны в России прошло более 5 800 стачек, в которых приняло участие около 3 млн 240 тыс. рабочих. 899 политических стачек и 732 тыс. их участников пришлось на Петроград в период с 23 по 28 февраля 1917 г. [1, с. 216].

Большая часть рабочих поддерживала Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов, с подозрением относясь к Временному правительству. Быстро организовавшись, они создали также «Исполкомы фабрично-заводских учеников» [5, с. 30-31]. Главной задачей их состояла в необходимости защиты своих экономических интересов, правового положения и ведение культурно- просветительной работы среди молодежи.

Весной 1917 г. рабочие склонялись к поддержке эсеров, меньшевиков и кадетов. Появлялись различные просветительские общества, по типу петроградского «Труд и свет». На заводах появлялись агитаторы и уполномоченные, целью которых была организация на местах новой власти. Благодаря этому, 10 марта 1917 г. был введен 8-ми часовой рабочий день.

Однако вскоре началась новая волна забастовок, стачек и демонстраций. Недовольство правительством во время Апрельского кризиса, слабые меры в экономическом секторе, апрельские демонстрации, в ходе которых были потасовки и перестрелки накалили ситуацию. На заводах и фабриках хозяева различными способами пытались тянуть с повышением заработной платы. Однако рабочие в этот период продолжали повсеместно поддерживать эсеров и меньшевиков. Большевики не могли добиться располложения рабочего класса, особенно были им враждебны полиграфисты, традиционно более грамотные и зажиточные рабочие.

Июльский кризис Временного правительства способствовал тому, что большинство рабочих перешло к поддержке большевиков. Большим ударом по лояльности пролетариата стал корниловский мятеж, который абсолютно не соответствовал интересам рабочих. «Берите власть, сукин вы сын, когда вам ее дают» [2, с. 202] – эта цитата, прозвучавшая на одной из июльских демонстраций, ярко характеризует то отчаянное положение, в котором находились трудящиеся в 1917 г.

Активная агитационно-массовая работа большевистской партии, и в то же время инертность действий эсеров и меньшевиков привели к повышению революционной активности пролетарского класса. К Октябрьской революции рабочие подошли с полным доверием по отношению к партии большевиков. Большевики со своей социалистической программой в данной ситуации оказались той партией, которая полностью удовлетворяла интересы и потребности пролетариата. Завершающим актом революционных событий 1917 г. стало низложение Временного правительства и захват власти большевиками 25 октября (7 ноября) 1917 г.

Российский пролетариат стал одной из движущих сил революции, во многом благодаря своей массовости и наличию требований, которые они выдвигали в ходе забастовок и стачек. Они защищали, прежде всего, свои интересы и поддерживали ту политическую партию, которая предлагала наиболее выгодные экономические условия. Большевистской партии с ее умелой пропагандой, а также налаженной организационной работой удалось мобилизовать пролетариат и совершить Октябрьскую революцию.

Библиографический список

1. Кирьянов Ю.И. Социально-политический протест рабочих России в годы Первой мировой войны (июль 1914 – февраль 1917 гг.). М., 2005.
2. Мандель Д. Петроградские рабочие в революциях 1917 года (февраль 1917 г. – июнь 1918 г.). М., 2015.
3. Миронов Б. Н. Рабочие в революции 1917 г.: субъект истории или пушечное мясо? // Социологические исследования. М., 2017. № 2.
4. Первая Всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. Под ред. Н.А. Тройницкого. Т.1. Общий свод по Империи результатов разработки данных Первой Всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года. СПб., 1905. [Электронный ресурс]: URL: <https://www.prlib.ru/item/433585> (дата обращения: 10.11.2021).
5. Пушкарева И.М. Изучая «рабочую историю» периода Первой мировой войны // Научные ведомости. Белгород. 2014. № 21 (192). Вып. 32.
6. Сидоров А. Л. Экономическое положение России в годы первой мировой войны. М., 1973.
7. Тройницкий Н.А. Численность и состав рабочих в России на основании данных Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г.: Т. 2. [Электронный ресурс]: URL: <https://www.prlib.ru/item/462837> (дата обращения: 07.10.21).
8. Хазиев Р.А. Революционная Россия: ожидания и реалии жизни рабочих и крестьян в 1917–1921 гг. // Развитие гуманитарной науки в регионах России: Материалы Международной научной конференции, посвященной 85-летию Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН. Уфа, 2017.

И.В. Луховицкий

*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»*

А.И. АРТЕМЬЕВ О СТАТИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ НАКАНУНЕ ВЕЛИКИХ РЕФОРМ

Окончательное оформление системы государственной статистики в Российской империи приходится на середину XIX в. и хронологически совпадает с началом эпохи Великих реформ. Ключевым органом, ответственным за проведение статистических работ, еще с начала века было Министерство внутренних дел. Однако вплоть до начала 1850-х гг. его успехи на этом поприще были довольно скромны. Ситуация начала меняться в 1852 г., когда был образован Статистический комитет МВД. Еще через 6 лет он получил название Центрального с соответствующим преобразованием штата. Увенчалась эта серия преобразований реформой 1863 г., закрепившей за ЦСК независимый статус в структуре министерства и дополнившей его межведомственным по составу Статистическим советом при МВД [2, с. 27, 38, 40].

Считается, что повышение интереса высшей бюрократии к статистике было продиктовано необходимостью получать достоверную информацию о ситуации в стране в условиях начавшейся подготовки Великих реформ [1, с. 115-116]. Такое объяснение выглядит правдоподобно, однако когда и кем именно была осознана эта необходимость? Кем и в каких обстоятельствах разрабатывалась программа статистических работ МВД, если она в тот период вообще существовала? Постановка подобных вопросов требует обратиться к анализу источников, проливающих свет на механизмы принятия решений внутри министерства. Одним из таких источников являются дневники чиновника Статистического комитета МВД А.И. Артемьева за 1855-1860 гг., хранящиеся в его личном фонде №37 в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки [4, д. 156-164].

Значимость этих дневников для изучения статистической деятельности МВД в интересующий нас период невозможно переоценить. Вплоть до 1858 г. автор фиксировал в них мельчайшие подробности собственной жизни, останавливаясь на таких событиях, которые не могли найти отражения в официальных документах: неформальных совещаниях между чиновниками и устных распоряжениях руководства. Более того, А.И. Артемьев зачастую переписывал в дневник составлявшиеся им бумаги, а затем внимательно отслеживал их судьбу и указывал вносившиеся в них впоследствии правки [4, д. 160, л. 44-45 об., 53 об.-54, 55-55 об.]. Это открывает нам доступ к той части министерского делопроизводства, которая могла не отложиться в других архивных фондах.

Изучение дневников А.И. Артемьева позволяет сделать несколько важных предположений о характере статистической деятельности МВД в 1850-е гг.

Во-первых, в этот период у министерского руководства не существовало, по-видимому, общей программы статистических работ. Каждый из «просвещенных бюрократов», немалое число которых занимало в министерстве важные посты, обладал собственным взглядом на этот вопрос, и примирить их зачастую было не просто в силу как идейных расхождений, так и личных конфликтов [4, д. 160, л. 87 об.; д. 161, л. 17 об., 39].

Во-вторых, реализация каждого такого мероприятия становилась результатом стечения целого ряда обстоятельств. В МВД служило немалое число людей, которые постоянно старались активизировать его статистические работы и поставить их на «правильную» основу, однако удавалось это преимущественно в те моменты, когда перед министерством вставали более масштабные задачи, часто не связанные со статистикой. Например, А.И. Артемьев указывает, что в мае 1858 г. министр С.С. Ланской, до того проявлявший мало интереса к статистике, вдруг начал торопить своих подчиненных с изданием «Статистических таблиц» [4, д. 163, л. 23]. Можно предположить, что министр рассчитывал представить Александру II собранные и обработанные чиновниками МВД точные сведения о ситуации в стране вместе с ежегодным отчетом, что должно было укрепить в глазах

императора его позиции, пошатнувшиеся в условиях начала открытой подготовки крестьянской реформы [2, с. 96, 100].

В-третьих, активизация статистических работ министерства была результатом не только внутреннего, но и внешнего давления на его руководство. Важную роль играло в этом Русское географическое общество, заинтересованное в использовании ресурсов правительства для проведения собственных исследований [4, д. 160, л. 36 об.- 37]. Однако и другие ведомства, испытывая все возрастающую потребность в сведениях о стране и ее населении, обращались за ними именно в МВД [4, д. 160, л. 30 об.; д. 161, л. 69 об.; д. 162, л. 11].

Все выделенные сюжеты, безусловно, требуют дальнейшего изучения. Следующим шагом должен стать анализ делопроизводственных материалов из фонда Центрального статистического комитета МВД в РГИА. Разработка этой темы позволит прояснить механизмы работы не только статистического ведомства, но и всего Министерства внутренних дел в эпоху Великих реформ.

Библиографический список

1. Дмитриев А.Л., Елисеева И.И. Правительственная статистика России в конце XIX – начале XX в.: проблемы и реформы // Вестник СПбГУ. Экономика. 2019. Т. 35. Вып. 1. С. 113-152.
2. Захарова Л.Г. Самодержавие и отмена крепостного права в России 1856-1861. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. 256 с.
3. История российской государственной статистики: 1811-2011. М.: ИИЦ «Статистика России», 2013. 143 с.
4. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 37. Оп. 1.

Т.Н. Хасанов

Казанский (Приволжский) федеральный университет

ПЕРЕВООРУЖЕНИЕ И ОСНАЩЕНИЕ РОССИЙСКОЙ АРМИИ В ХОДЕ ВОЕННОЙ РЕФОРМЫ АЛЕКСАНДРА II

Неоценимое влияние на ход военных действий и положение армии на войне оказывает уровень вооружения и его техническая составляющая. Ведение победоносных войн без снабжения ее передовым оружием во второй половине XIX века для российской императорской армии стало невозможным. Крымская война обнажила проблему отсталости российской оружейной промышленности, что обуславливало низкий уровень материально-технического снабжения армии. Приобретение оружия за рубежом обходилось казне в большую сумму денег. Подобная ситуация приводила к постоянному дефициту военного бюджета и неспособности государства в необходимой мере снабдить армию. Поэтому вопрос перевооружения стал одним из важнейших в грядущей военной реформе.

Осознавая возможность будущих войн, российское военное министерство, уже в 1862 г. приступают к реализации программы перевооружения армии. Ее общие задачи были сформулированы в докладе военного министра Д.А.Милютину императору от 15 января 1862 г. Целью программы перевооружения ставилось достижение единого уровня развития вооружения с европейскими странами и всеобщее развитие отечественной оружейной промышленности вплоть до полного отказа от закупок извне. Как писал военный министр в докладе: «Война эта привела нас к сознанию необходимости в самых деятельных мерах к снабжению наших войск современным оружием... Мы должны теперь откровенно признаться, что в материальном состоянии артиллерии и вооружении войск мы отстали от других европейских государств» [1, с. 135]. Основные идеи данного доклада будут реализовываться вплоть до 1885 г.

После окончания Крымской войны армия все еще продолжала снабжаться гладкоствольным оружием. С 1856 по 1862 гг. включительно для вооружения войск было отпущено 286331 ударное гладкоствольное ружье [4, с. 246]. Они стояли на вооружении вплоть до 1885 г. и использовались в некоторых пехотных и конных полках. Однако, уже в 1856 г. была разработана передовая шестилинейная нарезная винтовка, которая все еще заряжалась с дула. Она позволила увеличить ряд показателей стрельбы. К 1862 г., т.е. к началу военных реформ, шестилинейной винтовкой были вооружены уже 260106 человек [1, с. 136].

Принятие на вооружение российской армии передовой шестилинейной нарезной винтовки способствовало разработке новых видов винтовок. Уже в период перевооружения шестилинейными образцами проходили испытания и различные новые системы ружей, такие как винтовки, заряжающиеся с казенной части. Они широко принимались на вооружение в западноевропейских странах. Так, военный министр Д.А. Милютин писал: «Только что успели мы закончить перевооружение всей нашей армии шестилинейными нарезными винтовками, как уже во всех государствах поднят был вопрос о ружьях, заряжаемых сзади с металлическим патроном» [5, с. 328].

Следует отметить, что перевооружение не носило планомерного характера. В это время разрабатывались различные модели винтовок, которые постепенно принимались на вооружение, не заменяя предыдущие образцы. Изжившие себя модели использовались на протяжении длительного времени, несмотря на устарелость. Подобная неструктурная система перевооружения отрицательно влияла на снабжение армии, поскольку у дивизий на вооружении находились винтовки разных систем и стран производства.

Вторым этапом в перевооружении Российской армии стал переход к винтовкам, заряжающимся с казенной части, при сохранении на вооружении винтовок старых образцов. Основную работу в производстве и оснащении этими винтовками сыграло сотрудничество русских компаний с немецкой фирмой Крупп [7, с. 151].

В 1869 г. на вооружение вновь принимается новый образец — малокалиберная винтовка системы Бердана в 4,2 линии. Первоначально эта винтовка была разработана американским полковником Хайремом Берданом. В России она была кардинально усовершенствована. Русские офицеры — полковник А.П.Горлов и капитан К.И. Гуниус переконструировали ее на калибр 4,2 линии и разработали к ней патрон с цельнотянутой гильзой. Винтовки этой системы стали быстро приобретать популярность в Российской империи и в Америке. Наибольший прицел этой винтовки достигал 1500 шагов при очень большой ударной силе [3, с. 177]. В 1868 г. государством был заказано около 30000 винтовок этой системы, названные Бердана №1. После небольших переработок, внесенных после полевых испытаний, была выпущена более совершенная модель Бердана № 2.

К началу 1870-х гг. винтовки системы Бердана № 2 были приняты в пехотных стрелковых, казачьих, кавалерийских и драгунских дивизиях. Особенно ускоренно процесс принятия малокалиберных винтовок начался в 1875–1876 гг., когда правительство осознало приближение войны с Османской империей. Так, к началу 1877 г. было изготовлено и принято на вооружение около 480 000 винтовок [3, с. 178]. На Петербургском патронном заводе было также налажено производство патронов, на котором к 1876 г. в год изготавливалось 80 миллионов патронов.

Обеспечение боеприпасами и оружием Российской армии стало одной из главных мероприятий в Военной реформе. К началу Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на вооружении русской армии стояло несколько типов оружия: остатки гладкоствольных ружей, 6-линейные винтовки системы Карле и Крнка, а также 4,2-линейные винтовки системы Бердана №2. Поставка патронов и снарядов в армию была хорошо отлажена. Благодаря отечественному производству и закупке боеприпасов у иностранных заводов нехватки на фронте не ощущалась. Оснащение всей армии современными образцами оружия способствовало паритету в вооружении с Османской империей и европейскими странами.

Библиографический список

1. Всеподданнейший доклад по Военному министерству 15-го января 1862 года // Столетие военного министерства. 1802–1902. Приложение к историческому очерку развития военного управления в России. СПб.: Тип. П.Ф. Пантелеева, 1902. 200 с.
2. Всеподданнейший отчет о действиях Военного министерства за 1864 г. СПб.: Тип. Гогензельда и Ко, 1866. 737 с.
3. Зайончковский П.А. Военные реформы 1860-1870 годов в России. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1952. 371 с.
4. Исторический очерк деятельности военного управления в России. Т. 2. СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1879. Т.2. 371 с.
5. Милютин Д.А. Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. Томск: Издание Военной академии, 469 с.

6. Милютин Д.А. Дневник Д.А. Милютина. Т. 2. М.: Гос. Библиотека СССР им. В.И. Ленина. Отдел рукописей, 1949. Т. 2. 292 с.

7. Krupp, 1812-1912. Zum 100 JhrligenBestehenderFirmaluppundderGusstahlfabrikzu Essen—Ruhr. Essen: VerlagKrupp, 1912. 416 s.

В.В. Евпалов

Самарский национальный исследовательский университет

К ПРОБЛЕМЕ ИЗУЧЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ

Ни для кого не секрет, что события, произошедшие в XX веке, сильно повлияли не только на развитие российского общества, но и на специфику и структуру отечественной историографии.

Одной из центральной общенаучной проблематики российской истории XX–XXI веке можно выделить в качестве методологической проблематики, т.к. за XX век в России сменились три государственных строя: монархический, социалистический и либеральный. Во всех трех случаях в науке доминировали определенные парадигмы сознания и, соответственно, проблемы решались в рамках определенной методологии: в Российской империи по преимуществу исторические принципы старались подводить под европейские традиции, в период СССР доминировал марксистский метод, в Российской Федерации во многом происходит методологическая эклектика. Таким образом, перед исторической наукой встает вопрос о создании методологии, которая есть «совокупность базисных установок, которые определяют некоторый вид деятельности» [2, с. 23]. Действительно, определить научную проблему, уметь правильно разбираться в структурах научного знания, а также выбирать правильные методы в исследовании — очень важно, т.к. это благоприятствует не только поиску истины, но в долгосрочной перспективе повышением благосостояния общества и общим культурным развитием страны.

В рамках изучения российской истории в последнее время актуальными и востребованными являются исследования края, так называемое краеведение и история повседневности, которая появилась из-за смены парадигм, как считает самарский философ В.А. Конев и развилась в рамках антропологической научной парадигмы: «Антропологическая парадигма формируется в европейской философии в середине XIX века и начинает определять движение философской мысли в XX веке» [1, с. 32]. В таком случае особенно важно проводить исторические исследования, направленные не только на общие и типичные объекты исследования, но и обращаться в нетривиальные научные поиски. Наиболее перспективными являются исследования в области повседневности в рамках провинциальных городов, изучение которых представляют с собой определенные сложности, связанные с методологией.

Одной из самых больших трудностей исследования российской провинции является недостаточность архивных данных, которые могут быть еще не доступны в архивах, как это было по данным муниципальных реформ регионов. Помимо данной проблемы в изучении провинции возникают различные когнитивные деформации источников, связанные с обыденной жизнью, т.к. некоторые источники уничтожались или видоизменялись для встраивания в ту или иную политическую модель.

Таким образом, можно выделить общенаучную проблему в истории России XX–XXI, которая может быть не очевидна для рядовых историков, однако именно она может являться причиной неправильных выводов и ошибочность тех или иных исторических исследований. Как показывает научная практика, несмотря на такую философскую нагруженность проблематики, именно историки, а не философы способны и должны проводить фундаментальные и междисциплинарные исследования.

Библиографический список

1. Конев В.А. Социальная философия: учеб. пособие. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2006. 287 с.
2. Ушаков Е.В. Введение в философию и методологию науки: Учебник. Москва, 2005. 528 с.

М.П. Гераськина

Самарский национальный исследовательский университет

«ПЕДАЛИ» ПОМОЩИ: ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ САМАРСКОГО ВЕЛОСИПЕДНО-САНИТАРНОГО ОТРЯДА ДОБРОВОЛЬЦЕВ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Первая мировая война — одно из крупнейших вооруженных столкновений в истории человечества. Самарская губерния, находившиеся глубоко в тылу, не знала ужасов военных действий, но на ее долю выпала не менее важная роль оказания помощи раненым. Одной из первых возникших проблем в оказании оперативной помощи пострадавшим, стала их доставка с железнодорожного вокзала в госпитали. Часть раненых могли передвигаться пешком, но большинство входили в категорию тяжелораненых, и транспорта для их перевозки не хватало, несмотря на предоставленные личные автомобили жителей города в государственное пользование. С этой целью, по инициативе главы губернского жандарма Самары полковника Михаила Познанского, был организован отряд санитаров-велосипедистов.

О создании в Самаре велосипедно-санитарного отряда добровольцев было объявлено в середине августа 1914 года. Любой, у кого был собственный велосипед, мог стать участником. Уже с первых дней образования,

вступить в отряд изъявили желание следующие самарские велосипедисты: Г.Я. Лейтман, В.В. Красильников, В.П. Наумов, Н.М. Васильев и другие. Были и те, кто добровольно изъявили желание отправиться на театр военных действий, например, В.В. Красильников и А.И. Вилькович [1, с. 3]. В Центральном государственном архиве Самарской области сохранилась финансовая смета необходимого оборудования, фиксирующая первоначальные траты на организацию велосипедного отряда в составе 22 человек [3, л. 67].

К изготовлению и оборудованию велосипедной команды подготовка шла быстро и успешно. Первые десять носилок планировали завершить уже к 20 августа 1914 год [1, с. 3]. Местное общество и учреждения отнеслись к организации велосипедно-санитарной помощи весьма сочувственно. Для изготовления многих необходимых деталей были оказаны бесплатные услуги в мастерских и магазинах Башкирова, Когана, Мерина и Полесова. Пошив подушек, простынь и одеял взяла на себя Ольгинская община. Недостаток ощущался лишь в самих велосипедистах-добровольцах. Для успешного функционирования перевозок, подразумевалось участие хотя бы 40-60 человек [1, с. 3].

Для сборки санитарной «тележки» требовалось два велосипеда. Между их рамами были укреплены специальные широкие носилки, на которые укладывали раненых. Весь процесс сборки занимал около 2 минут. Согласно архивным данным с 22 августа 1914 года по 12 ноября 1915 года отряд Михаила Познанского перевез 2567 раненых. Велосипедисты-санитары работали в любое время дня и ночи и при любой погоде, за что были удостоены благодарности от самарского губернатора Н.В. Протасьева [2].

Велосипедно-санитарный отряд работал без перебоев, что в свою очередь, помогло наладить транспортировку и оказать своевременную помощь раненым. Всего было перевезено по данным старшего велосипедиста – две тысячи пятьсот шестьдесят семь человек, что составляло в среднем по 160 человек в месяц [3, л. 430].

Необычный отряд Михаила Познанского имел большую поддержку среди населения Самары. Те, кто не мог принять участия лично, помогал другим способом. К сожалению, подробностей о действиях работы санитаров-велосипедистов на фронте и их дальнейшей судьбе не сохранились.

Библиографический список

1. Волжское слово. 1914. 15 августа.
2. Краснова М.Е. К вопросу о деятельности духовников, сестер милосердия и санитаров-велосипедистов Самарской губернии в годы Первой мировой войны // Человек и общество в условиях войн и революций. Самара, 2014. Вып. 1. С. 60-63.
3. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. 689. Оп. 1. Д. 1.

**ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ВЫБОРОВ В УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ
В РЕГИОНАХ (НА ПРИМЕРЕ РАБОТЫ УЧАСТКОВЫХ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ
КОМИССИЙ МЕШОВСКОГО УЕЗДА КАЛУЖСКОЙ ГУБЕРНИИ)**

Временное правительство весной 1917 г. начало активную работу по подготовке нормативной базы для выборов во Всероссийское Учредительное собрание (далее – Учредительное собрание). Созванное с этой целью Особое совещание по подготовке закона о выборах выработало «Положение о выборах в Учредительное собрание», ставшее одним из самых прогрессивных избирательных законов своего времени. Выборы были назначены на 12–14 ноября.

В конце сентября Калужской окружной по выборам в Учредительное собрание комиссией (далее – Окружная комиссия) было объявлено, что Калужский избирательный округ, территориально совпадающий с Калужской губернией, разделен на 722 участка; территория Мещовского уезда была разделена на 21 участок [2, с. 290]. В распоряжении исследователей есть сведения о результатах проведения выборов в городах губернии, протокол выборов по всем участкам Мещовского уезда, остальные же сведения представлены в общих цифрах по всему Калужскому округу.

В фонде 1128 Государственного архива Калужской области представлены материалы заседаний Мещовской уездной по выборам в Учредительное собрание комиссии (далее – Мещовская комиссия) и подробные результаты голосования по уезду. Одно из дел представляет особый интерес, так как в нем описана процедура выборов на первичном уровне – на волостном избирательном участке. В деле имеется два документа: один из них обозначен как черновик и представляет собой рукописный текст с некоторыми исправлениями, второй обозначен как копия и является машинописным текстом [1, оп. 2. д. 4. л. 5].

С 14 по 17 ноября 1917 г. в Мещовскую комиссию поступали протоколы участковых комиссий и избирательные записки. По протоколам каждой из них проходило совещание, в итоге был составлен общий протокол по уезду. По каждому участку давалась следующая информация: общее число избирателей, внесенных в список, количество поданных избирательных записок, количество недействительных записок с указанием причины признания их таковыми. Далее указывалось количество избирателей, отдавших свои голоса за определенный избирательный список. Несколько комиссий отметили факты бесчинств во время проведения выборов, а именно: угрозы и беспорядки с целью срыва выборов, агитацию на избирательных участках за партию большевиков [1, оп. 2. д. 4. л. 2–3].

В Мещовском уезде приняло участие в выборах 35 220 человек или 57 % от общего числа зарегистрированных избирателей. В целом по Калужскому округу — 389 889 человек. В ходе работы Мещовская комиссия признала 4 715 избирательных записок недействительными. Уездной комиссией регистрировались следующие причины, обозначенные в избирательном законе: подача дублирующих друг друга записок в одном конверте, помарки на полях записки, надписи. Около 90 % от числа недействительных записок были отнесены комиссией к таковым из-за некорректного составления итогового протокола выборов Гостынской участковой комиссией (см. таблицу 3). Избирательные записки, доставленные из с. Тарасово (Щелкановская волость), были признаны недействительными, так как подавались без ведома и участия участковой комиссии. Выборы в селе происходили на основании приговора сельского общества, запечатанные конверты от избирателей отбирал местный сельский староста [1, оп. 2. д. 4. л. 5]. Исследователи отмечают, что подобная практика встречалась и в других губерниях России [3, с. 155].

Выборы по Мещовскому уезду были признаны состоявшимися. Большая часть избирателей проголосовала за партию большевиков, что соответствует результатам голосования в целом по Калужской губернии (см. таблицы 1, 2).

Таким образом, материалы выявленного архивного дела позволяют рассмотреть особенности ведения выборного делопроизводства и процедуры выборов на первичном уровне. На волостном уровне в ходе выборов выявилась недостаточная подготовка участковых избирательных комиссий к их проведению. Самой распространенной проблемой стало несоответствие формы итогового протокола выборов требованиям избирательного законодательства. Не все комиссии смогли провести разъяснительную работу с избирателями, что привело к использованию крестьянами традиционных для них методов голосования — приговоров сельских обществ.

Таблица 1

**Результаты выборов в Учредительное собрание
по Калужскому избирательному округу***

	№ избирательного списка						
	1, Народно-социалистическая (трудовая) партия	2, партия социалистов-революционеров	3, партия народной свободы	4, христиане-старобрядцы	5, РСДРП (м)	6, белорусская народная громада	7, РСДРП (б)
Калужский округ (%)	0,15	33	6,19	1,13	1,79	0,27	57,81

*Протасов Л.Г. Всероссийское Учредительное собрание... С. 363.

Таблица 2

Результаты выборов в Учредительное собрание по Мещовскому уезду**

	№ избирательного списка						
	1	2	3	4	5	6	7
Мещовский уезд (%)	0,15	36,26	7,73	0,36	0,37	0,22	53,17

**Составлено по: ГАКО, Ф-1128, оп. 2, д. 4, л. 1-5.

Таблица 3

Избирательные записки, признанные недействительными***

Общее количество	Протоколы не соответствуют закону	Испорчено избирателями (рисунки, надписи)	По приговору сельского общества
4715	4286 (90,9 %)	254 (5,39)	175 (3,71)

***Составлено по: ГАКО. Ф-1128. Оп.2. Д. 4. Л. 1-5.

Библиографический список

1. Государственный архив Калужской области (ГАКО). Ф-1128.
2. Общество и революция. Калужская губерния в 1917 году / Сост. И.В. Зайцев, В.В. Луговой. Калуга, 1999. 432 с.
3. Протасов Л.Г. Всероссийское Учредительное собрание: История рождения и гибели. М., 1997. 362 с.

М.Р. Неманова

Самарский филиал Московского городского педагогического университета

МЕРЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРОБЛЕМЫ НЕГРАМОТНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ В ВОПРОСАХ СОХРАНЕНИЯ СОБСТВЕННОГО ЗДОРОВЬЯ В ГОДЫ НЭПА (1921–1929 гг.) НА ПРИМЕРЕ САМАРСКОГО УЕЗДА: ОЖИДАНИЯ И РЕЗУЛЬТАТЫ

Проблема массового распространения различного рода инфекционных заболеваний в 1920-е годы поставила вопрос об учреждении полноценной системы для борьбы с заболеваниями. Сам процесс организации и развития советской системы здравоохранения основывался на лозунге «Охрана здоровья трудящихся – дело самих трудящихся» [5, с. 7]. Однако, как показывала практика борьбы с эпидемией холеры 1921–1922 годов в Самарском

крае, работа в сфере санитарного просвещения населения предстояла весьма огромная. Зная о бушующей в г. Самаре эпидемии, люди по-прежнему при встрече пожимали друг другу руки. Холерные больные перевозились в основном на обывательских подвозах [6, л. 21], а похороны таких больных производились в открытых гробах, при соблюдении традиционных ритуалов: это и покрытие холерного трупа ризой, и целования «с изливанием всех родственных чувств» [4, с. 2]. Людям необходимо было объяснить прерогативу сохранения собственного здоровья над другими выгодами жизни.

Помимо инфекционных заболеваний в годы НЭПа появилась проблема повсеместного распространения социальных девиаций, влияющих на состояние здоровья советского общества (проституции, алкоголизма, наркомании). Такие девиации наряду с инфекциями получили название «социальных болезней».

Для удобства и системной проработки проблемы просвещения широких масс в медицинских вопросах был сформирован Санпросвет – специализированный орган при Самгубздраве, организовывавший работу санитарных врачей. Санитарные врачи выполняли прямую работу с населением: осуществляли выезды по районам с целью выяснения санитарного состояния населенных пунктов и общественных мест; чтение лекций и организация инсценировок санитарных судов [7, л. 8]. Популяризация правил здорового образа жизни проходила через постановку театральных пьес, показ кинолент, проведение лекций, организацию санитарных судов и спортивных секций.

Отметим, что не каждой социальной болезни уделялось должное внимание, и что разрыв пропагандистской кампании по сохранению здоровья граждан в городе и деревне был достаточно большим. Именно поэтому результаты деятельности Санпросвета в г. Самаре и в волостях Самарского уезда были различны.

В сельской местности важнейшей проблемой являлась практика подпольных абортов и родов. В деле санитарного просвещения населения медики сталкивались с травлей, организованной представителями нетрадиционной медицины [3, с. 45]. Развеесть миф о «преступниках в белых халатах», как правило, помогало проведение санитарных судов. Вопрос об оказании консультаций в селе стоял весьма остро: в целом к 1927 году лечебная помощь по Самарской губернии в сельских местностях удовлетворяла потребности населения лишь на 22–24 % [2, с. 151–153]. Приезжие из города специалисты обычно старались не задерживаться в деревнях. Проработав положенный срок, они уезжали обратно, в город, для работы в более комфортных условиях труда, отчего в устах местных жителей получили прозвище «рекруты» [4, с. 1].

В Самаре на протяжении рассматриваемого периода серьезного улучшения ситуации с санитарным состоянием общественных точек не произошло: за июль–август 1924 года санитарными врачами за антисанитарию

было составлено 186 протоколов и закрыто 31 предприятие [4, с. 1]; в 1928 году за октябрь-декабрь было оформлено 144 протокола с взысканием штрафов в сумме 2110 рублей [8, л. 25]. На базарах и рынках люди все также пренебрегали элементарными правилами гигиены.

Тотального недоверия населения к врачам не наблюдалось: так, в городских больницах и амбулаториях ежедневно происходили конфликты между посетителями ввиду наличия больших очередей. Людям приходилось занимать очередь с позднего вечера или с раннего утра, чтобы попасть на прием к врачу [9, с. 52-53]. Рабочие заводов не могли попасть на прием из-за больших очередей. Во вторую смену на заводах первая медицинская помощь в случае получения травм работникам не оказывалась, так как санитарным врачам платили только за работу в первую смену. Жалобы рабочих на плохое самочувствие, как правило, игнорировались руководством [8, л. 43, 47, 133].

Подводя итоги, следует заметить, что самых ощутимых результатов в деле привития народу привычки соблюдения правил здорового образа жизни добился Совет по физической культуре. Уже к 1925 году Совет физической культуры мог похвастаться стремительным увеличением числа физкультурников в г. Самаре. На тот год по Самаре имелось 2091 физкультурника. Самое широкое распространение и популярность у спортсменов получил баскетбол – на момент 1925 года в Самаре действовало до 46 баскетбольных команд [1, с. 1].

Библиографический список

1. Голос молодежи. 1925. 25 сентября. № 196.
2. Захарова Л.Б. Концепция социальной политики Советской власти: теория и практика (1920-е годы). Самара: Издательство СамГТУ, 2012. 214 с.
3. Климовский В. Елховский врачебный участок // Вопросы Здравоохранения Средне-Волжской Области. 1928. №3. С. 45.
4. Коммуна. 1921. 28 июня. (№ 757).; 1924. 2 сентября. (№ 1712).; 1927. 12 января. (№ 2452).
5. Семашко Н. А. Десятилетие Октябрьской революции и охрана здоровья крестьян. – М.: изд-во Наркомздрава РСФСР., 1927. – 40 с.
6. Центральный государственный архив Самарской области (далее – ЦГАСО). Ф. Р-158. Оп. 5. Д. 55.
7. ЦГАСО. Ф. Р-158. Оп. 8. Д. 24.
8. ЦГАСО. Ф. Р-2148. Оп. 1. Д. 5.
9. Якобсон С.Н. К предстоящему районированию амбулаторной помощи // Вопросы Здравоохранения Средне-Волжской Области. 1928. №2. С. 52-53.

ВЫБОРЫ В МЕСТНЫЕ СОВЕТЫ В СРЕДНЕМ ПОВОЛЖЬЕ В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД

В рассматриваемый нами период выборы в местные советы проходили трижды (21 декабря 1947 г., 17 декабря 1950 г. и 22 февраля 1953 г.).

Предвыборная кампания активно освещалась в центральных и местных периодических изданиях [8, 9]. Широкой публикации подвергались «Положение о выборах», списки кандидатов в депутаты местных Советов и указы кандидатам от избирателей. Опубликованное 10 октября 1947 г. «Положение о выборах» во многом повторяет конституционные нормы [5, 6] о выборах (впоследствии положение было переиздано в 1950 г. перед очередными выборами в местные советы, но концептуально смысл их не изменился). «Положения» были единственными правовыми документами, регулируемыми институт местных советов и созданными в послевоенный период [7, с. 23].

Согласно избирательному закону, выборы проводятся одновременно в областные, районные, городские, сельские и поселковые советы депутатов трудящихся. Выборы депутатов в местные советы производился на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования по избирательным округам. Право выставления кандидатов в местные Советы депутатов трудящихся, обеспечивается за общественными организациями и обществами трудящихся, коммунистическими партийными организациями, профессиональными союзами, кооперативными организациями, организациями молодежи и культурными обществами [8, с. 1]. В ходе утверждения списков кандидатов в депутаты местных Советов были случаи отвода кандидатов в депутаты на более высоком уровне, например: Астрамамовский райком партии рекомендовал кандидатом в депутаты областного Совета по Архангельскому избирательному округу № 57 доярку промсовхозкомбината №3 Ометову, как лучшую производительницу. За два дня до проведения собрания трудящихся по утверждению кандидатов в депутаты было установлено, что Ометова в 1940 г. привлекалась к уголовной ответственности за хищение хлеба. Вместо Ометовой кандидатом в депутаты областного Совета подобрана и выдвинута т. Галкина – лучшая колхозница колхоза «Новая жизнь» [2, оп. 10. д. 244. л. 34].

Важным компонентом в ходе подготовки к выборам являлась агитационно-пропагандистская работа среди трудящихся. В каждом регионе действовало большое количество агитационных пунктов и агитбригад. Только в одной Куйбышевской обл. в 1950 г. работало свыше 40 тыс. агитаторов: в Куйбышеве 15054, в Сызрани – 3758, в Чапаевске – 2037, в сельских районах – 21033 агитатора. Было проведено 560472 беседы, которыми было охвачено подавляющее большинство избирателей [10, оп. 80. д. 306. л. 99а].

В агитационно-пропагандистской работе в период подготовки к выборам в местные органы власти активное участие принимала молодежь. Тематика выступлений в основном касалась тем, связанных с разъяснением населению закона о выборах, повествованием преимуществ политического строя Советского Союза, часто освещались основные положения сталинской Конституции 1936 г., а также вопросы внешней политики СССР. Тематика лекций и докладов для комсомольцев и молодежи утверждалась РК ВЛКСМ, в частности, в Радищевском районе Ульяновской обл. в списке, утвержденном секретарем РК ВЛКСМ, имеются такие темы: «Избирательная система СССР – самая демократическая в мире», «Депутат – слуга народа», «Советское государство – самое демократическое государство в мире» и др. [3, оп. 1. д. 991. л. 17].

Явка на выборах была довольно высокой. Следует признать, что первые выборы стали действительно большим событием в СССР после окончания войны [7, с. 19]. В Ульяновске 17 декабря 1950 г. уже к 14.00 проголосовало 93, 3 % избирателей из 103783 избирателей, проголосовало 96791. По Володарскому району проголосовало 96, 7 %, Ленинскому – 92, 6 % [2, оп. 8. д. 291. л. 11-13]. Всего по г. Мелекесу Ульяновской обл. в выборах участвовало 99, 99 % избирателей от общего числа зарегистрированных. Всего за кандидатов блока коммунистов и беспартийных голосовало 99, 69 % от общего числа избирателей. Против кандидатов в депутаты проголосовало 0, 31 % избирателей. Все бюллетени признаны действительными [2, оп. 8. д. 290. л. 22]. На выборах в следующий созыв 22 февраля 1953 г. всего по Ульяновской обл. было включено в списки избирателей 630192 человека. На 24.00 часа приняло участие в голосовании 630171 избиратель или 99, 99 %.

Были и те, кто отказывался от участия в выборах, так большинство избирателей, не принявших участие в голосовании, отказались явиться на избирательные участки по религиозным убеждениям (баптисты) [1, оп. 10. д. 244. л. 52-55].

Советские выборы были практически безальтернативными. В них единолично принимали участие только кандидаты от блока коммунистов и беспартийных. М. Джилас, отвечая на вопрос, почему коммунисты не могут обойтись без выборов, никак не влияющих на расстановку политических сил, приводит ряд причин, благодаря которым выборы были сохранены в Советском государстве. «Кроме причин пропагандистских, внешнеполитических и иже с ними существует обстоятельство, которое не в силах обойти ни одна, в том числе и коммунистическая, власть: все должно быть узаконено». Кроме этого, Джилас отмечает скрытый смысл, который заключается в том, что каждое коммунистическое правительство вынуждено считаться с общественным мнением партии – коммунистическим общественным мнением.. [4, с. 250-251]. Каждый кандидат подбирался тщательно с учетом многих обстоятельств: заслуги, род деятельности, партийность и т.д.

В советской историографии часто отмечались преимущества советской политической системы перед политическими системами Запада. Основными аргументами выступали наличие в советском государстве самых честных выборов, большого количества представителей в органах власти, наиболее близко связанных с удовлетворением нужд трудящихся. На деле самые честные выборы были ограничены одним сталинским блоком коммунистов и беспартийных. Выборы были полностью под контролем партийных организаций, как в центре, так и на местах.

Библиографический список

1. Государственный архив новейшей истории Ульяновской области (ГАНИУО) Ф. 8.
2. ГАНИУО. Ф. 8.
3. ГАНИУО. Ф. 1927.
4. Джилас М. Лицо тоталитаризма. М.: Новости, 1992. 544 с.
5. Конституция РСФСР 1937 г. М.: Госюриздат, 1950.
6. Конституция СССР 1936 г. М.: Госюриздат, 1947.
7. Местные Советы депутатов трудящихся в послевоенное время (1945-1953гг.): организационно-правовые основы формирования и деятельности / Звягольский А.Ю., Турицын И.В., Упоров И.В., Епифанцев А.А. М.: НИИ ИЭП, 2016. 131 с.
8. Положение о выборах // Волжская коммуна. 1947. № 200.10 окт. С. 1-3.
9. Положение о выборах // Ульяновская Правда. 1947. № 199. 10 окт. С. 1-3.
10. Самарский областной государственный архив социально-политической истории (СОГАСПИ). Ф. 656.

В.Б. Романова

Самарский национальный исследовательский университет

ОСНОВНЫЕ ТРУДОВЫЕ ПРАКТИКИ ЭМИГРАНТОВ «ПЕРВОЙ ВОЛНЫ» В ПАРИЖЕ

Октябрьская революция 1917 г. в России породила волну беженцев из страны, значительная часть которых осела в столице Франции – Париже. Перед эмигрантом вставала сложнейшая задача обустройства на новом месте. У любого эмигранта одни и те же проблемы: перемена социального статуса, трудности экономического выживания, социальная и культурная дискриминация, борьба за рабочие места, эрозия идентичности [6, с. 8, 14; 10, с. 16].

Самым важным для эмигранта было найти работу. Работа занимала все бытие эмигранта, нужно было тяжело трудиться, чтобы заработать достаточно для жизни средств.

Большая часть эмигрантов нашла себе место заводских рабочих в пригородах Парижа (автомобильные заводы – «Рено» и «Пежо»). Рабочими

заводов становились средние слои офицерства, казаки, интеллигенция. Помощь в устройстве оказывали русские эмигрантские организации. Практиковалась распространение виз на работу от французского правительства [1, с. 48, 72, 76]. Оказалось, что русские рабочие отлично обучаемы, работоспособны и дисциплинированы. Коллеги также примечали эти черты характера [11]. Многие военные, особенно казаки, работая, стремились сохранить полувоенные формы организации [5, с. 142]. Работодатели часто шли навстречу таким рабочим, например, давали помещения для устройства школы или церкви, таким образом, прикрепляя рабочих на свое предприятие [9]. Стоит отметить, что работа была не из легких [4].

Особой статьей заработка эмигрантов было такси. «Крутили баранку» в основном офицеры и солдаты, казаки, интеллигенция. Устроиться в службу такси было трудно, но русских водителей спасали их знания, хорошие манеры и воспитание, которые очень импонировали французским хозяевам гаражей, а также их клиентам [7, с. 9]. В период 1920-1930-х гг. в Париже на такси работали приблизительно 2.5 тыс. русских эмигрантов» [12, с. 9].

Сложно было найти работу людям умственного труда [2, с. 45-46]. Иностранцам французское законодательство запрещало частную практику. Многие находили выход из положения, заключая соглашение с французским врачом или юристом, где числились помощником специалиста. Нередки были случаи полулегальной практики для помощи своим соотечественникам [8, с. 388].

Тяжело приходилось находить работу людям творческих профессий. Они теряли связь с родной средой. Немногим удалось найти работу по призванию, в основном «артисты хора сидели за рулем легковых такси, чинили в подворотнях парижских домов самопишущие ручки, сторожили по ночам дворцы парижских богачей; артистки обслуживали в качестве проходящей прислуги французское среднее мещанство, пришивали петли и пуговицы к платьям...; кордебалет расходился по парижским ночным дансингам; солисты шли на ресторанную эстраду и в ночные кабаки» [1, с. 225-228, 236].

Работая не по профессии на низкооплачиваемых и непрестижных работах, эмигранты остро переживали потерю своего социального статуса и страдали раздвоением личности. Но они воспринимали свое бедственное положение достойно, считая это испытанием, которое нужно преодолеть, не растеряв своих положительных качеств [14, с. 283].

Таким образом, проигрывая в конкурентной борьбе с коренным населением, лучше защищенным законом, эмигранты трудились в основном на низкооплачиваемых и непрестижных работах. Работа была способом существования эмигранта и отнимала все его время.

Библиографический список

1. Александровский Б.Н. Из пережитого в чужих краях. Воспоминания и думы бывшего эмигранта. М.: Мысль, 1969. 372 с.

2. Волошина В.Ю. Трансформация в Зарубежье дореволюционной «профессорской культуры» // Метрополия и диаспора: две ветви русской культуры. V Культурологические чтения «Русская эмиграция XX века» (Москва, 29–31 марта 2013 г.): сборник докладов. М., Дом-музей Марины Цветаевой, 2015. С. 43–52.

3. Гессен И.В. Годы изгнания. Жизненный отчет. Paris: YMCA-PRESS, 1979. 268 с.

4. Гнутов А. Трудовой день в Париже // Возрождение. 1926. 5 апреля. № 307. С. 5. URL: [Vozrozhdenie 5 April 1926 – Historical Periodicals \(princeton.edu\)](http://Vozrozhdenie.5.April.1926-Historical.Periodicals.princeton.edu) (дата обращения: 22.02.2022)

5. Ипполитов С.С., Недбаевский В.М., Руденцова Ю.И. Три столицы изгнания: Константинополь, Берлин, Париж. Центры зарубежной России 1920–1930-х гг. М.: Спас, РГУ, 1999. 206 с.

6. Левин З.И. Менталитет диаспоры (системный и социокультурный анализ). М.: КРАФТ+, 2001. 176 с.

7. Менегальдо Е. Русские в Париже. 1919–1939. / пер. с фр. Н. Поповой, И. Попова. М.: Наталья Попова, Кстати, 2001. 247 с.

8. Мирский М.Б. Российское медицинское зарубежье // Культурное наследие российской эмиграции: 1917–1940. В 2-х кн. Кн. 1. / под ред. Е.П. Чельшева, Д.М. Шаховского М.: Наследие, 1994. С. 383–397.

9. Новая Церковь в Биянкуре // Возрождение. 1930. 30 июля. № 1884. С. 3. URL: [Vozrozhdenie 30 July 1930 – Historical Periodicals \(princeton.edu\)](http://Vozrozhdenie.30.July.1930-Historical.Periodicals.princeton.edu) (дата обращения: 22.02.2022)

10. Поляков Ю.А. Адаптация и миграция – важные факторы исторического процесса // История российского Зарубежья. Проблемы адаптации мигрантов в XIX–XX вв. М.: ИРИ, 1996. С. 5–18.

11. Русские в Париже // Возрождение. 1927. 7 декабря. № 918. С. 3. URL: [Vozrozhdenie 7 December 1927 – Historical Periodicals \(princeton.edu\)](http://Vozrozhdenie.7.December.1927-Historical.Periodicals.princeton.edu) (дата обращения: 22.02.2022)

12. Успенский В.В. Воспоминания парижского шофер такси // Диаспора. новые материалы. Вып. 1. Paris; СПб.: Athenaeum–Феникс, 2001. С. 7–30.

13. Юсупов Ф.Ф. Мемуары в двух книгах. М. Захаров, 2017. 432 с.

Е.Ю. Сурдина

Самарский национальный исследовательский университет

А.Я. БАСС КАК ТИП СОВЕТСКОЙ ЖЕНЩИНЫ – РУКОВОДИТЕЛЯ

В исторической науке на современном этапе исследователи уделяют значительное внимание гендерным аспектам советской истории. Советская эпоха оставила в истории множество имен женщин, чья профессиональная деятельность вызывает уважение и является примером, достойным восхищения для многих наших современников. Благодаря уравниванию в правах с мужчинами влияние на общественную жизнь женщин, и особенно женщин, занимавших руководящие посты, было довольно велико. Женщины-руководители были особенно популярны, так как представляли перед обществом в новой социальной роли, ранее им не свойственной.

Культура советского периода предлагала систему женских образов, которые создавали совершенно новые поведенческие и эмоциональные модели, где на первый план выступали такие качества, как инициативность, работоспособность, требовательность к себе и другим.

Несомненно, образ женщины-руководителя олицетворяет и героиня нашего исследования – Аннэта Яковлевна Басс, которая не только внесла большой вклад в развитие музейного дела, но сумела включить наш город в пространство мировой художественной культуры.

На должности младшего научного сотрудника она проработала в Куйбышевском городском художественном музее всего 5 лет, а в апреле 1958 г. стала самым молодым в стране директором художественного музея [1]. Аннэта Яковлевна организовывала зарубежные выставки, приглашала известных мастеров, чтобы познакомить с их работами куйбышевскую публику [3, с. 161]. Деятельность А.Я. Басс сыграла важную роль в повышении культурного престижа г. Куйбышева (Самары) на мировой арене: из Европы и США сюда стали приезжать художники, коллекционеры, любители искусства и искусствоведы.

Благодаря колоссальному труду А.Я. Басс Куйбышевский художественный музей существенно расширился. В 1989 г. музей переехал в здание на улице Куйбышева, д. 92, а в 1990 г. ему была передана усадьба Шихобаловых по улице Венцека, д. 55. В 1976 г. музеем были приобретены в селе Ширяево два исторических памятника: усадьба крестьянина И. Алексева (дом, где художники И.Е. Репин и Ф.А. Васильев жили и работали летом 1870 г.) и дом поэта А. Ширяевца. Открылись и другие филиалы в области: в 1987 г. была открыта Тольяттинская картинная галерея, а в 1964 г. – Новокуйбышевский выставочный зал, который из библиотеки в подвальном помещении превратился в настоящую художественную галерею [3, с. 161].

В 1990-е гг., когда музей находился на грани гибели из-за отсутствия средств, Аннэта Яковлевна пошла на отважный шаг: по телевидению в прямом эфире она обратилась к руководству, общественности и жителям города с просьбой о помощи музею.

Аннэта Яковлевна была профессионалом своего дела, истинным музейщиком, человек любящим свою работу от чистого сердца. Она покупала картины, скульптуры, вела переговоры с лучшими музеями страны об обмене экспонатами. Именно благодаря ей, талантливому руководителю и искусствоведу, были приобретены ценные работы великих русских живописцев и портретистов. А.Я. Басс наладила профессиональные и дружеские отношения с московскими коллекционерами, собирателями, с реставраторами, с Третьяковской галереей, главным художественным музеем страны.

Выдающегося руководителя, культуролога, достойного гражданина своего города не стало в 2006 г. Но наследие Аннэты Яковлевны живет, и память о ней бережно хранится в музее и в сердцах жителей нашего города.

Аннэта Яковлевна, являясь душой музея, сделала его доступным для всех. Многие годы неустанного, поистине титанического труда пошли на благо Самары и самарцев. Именно поэтому сегодня Самарский художественный музей – один из лучших художественных музеев России, а А.Я. Басс и по сей день воплощает в себе образ советской женщины-руководителя. Период ее работы вошел в историю музея как «эпоха Басс».

Библиографический список

1. Молок Н. Аннэта Яковлевна Басс. Некролог // Известия. 2006. 23 января. URL: <https://iz.ru/news/310487> (дата обращения: 20.11.2021).
2. СамКульт // История, которую надо знать. 2015. URL: <https://samcult.ru/heritage/> 2395 (дата обращения: 20.11.2021).
3. Элиты Самарской (Куйбышевской) области в 1960 – 1990-е годы. Очерки истории: коллективная монография / П.С. Кабытов, Г.Е. Козловская, В.В. Рябов [и др.]; под ред. П.С. Кабытова. Самара, 2014.
4. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. Р-3590. Оп. 1. Д. 48.
5. 10 лет со дня смерти Басс // Другой город. URL: <https://drugogorod.ru/anettabass/> (дата обращения: 20.11.2021).

А.М. Хамченко

Самарский филиал Московского городского педагогического университета

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МОЛОДЕЖНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА И СОВРЕМЕННОСТИ

Молодежная политика занимает одно из важнейших мест во взаимоотношениях государства и общества. Государство должно разрабатывать стратегию и тактику в воспитательной деятельности молодежи, выбирая формы и методы работы с ней. Молодежь – это «резерв» общества и от степени ее лояльности и социализации зависит жизнеспособность государства.

Особенность молодежной политики СССР состояла в том, что компартия ставила перед собой цель овладеть всей массой молодежи, заключив ее в обусловленные организационные рамки при помощи подконтрольных партии организаций. Одна из политических установок партии гласила: «Главное в работе с молодежью – усилить коммунистическое воспитание» [1, с. 21]. В своих основополагающих документах она ставила задачу формировать из молодежи эрудированных специалистов, активистов научно-технического прогресса, убежденных марксистов, пропагандистов политики партии, при этом обладающих навыками организации и управления коллективом [4, с. 1]. Для реализации этих целей создавались молодежные и комсомольские организации, добровольные общества, посредством них

юноши и девушки принимали активное участие в жизни государства, помогая строить новое общество.

Одним из главных организационных институтов по воспитательной работе с молодым поколением на протяжении существования СССР был Всесоюзный ленинский коммунистический союз молодежи (ВЛКСМ), влиявший на все стороны жизни страны. В ряды комсомола мог вступить молодой человек в возрасте 14 – 28 лет, признающий устав ВЛКСМ, активно участвующий в строительстве коммунизма, работающий в одной из комсомольских организаций [8, с. 3]. Всей работой руководил Центральный Комитет ВЛКСМ, избирающий Бюро и Секретариат [8, с. 4]. В отношениях партии и комсомола следует отметить верность поговорки: «Партия сказала – надо, комсомол ответил – есть!».

В военно-патриотической работе с молодежью ведущую роль заняло Всесоюзное добровольное общество содействия армии, авиации и флоту (ДОСААФ СССР) [5]. Членами общества могли быть все граждане СССР, достигшие 14-летнего возраста, признающие Устав Общества, состоящие в одной из первичных организаций и уплачивающие членские взносы, а с 18 лет участник мог быть избран в руководящие органы ДОСААФ [10, с. 2]. Главной задачей оборонного Общества стало патриотическое воспитание трудящихся и молодежи, подготовка их к военной службе, содействие в организации и проведении мероприятий гражданской обороны. Например, оно стало опорной площадкой для проведения военно-патриотических игр: «Зарница», «Игры надежды» и «Орленок» и множество других спортивных мероприятий [3, с.93].

Движение студенческих отрядов начиналось как всесоюзная трудовая программа ЦК ВЛКСМ. Главная причина поддержки начинавшегося движения – стремление СССР в короткие сроки решить продовольственную проблему в стране [2, с. 3]. Членами отряда могли быть студенты, успешно выполняющие учебную программу, не имеющие медицинских противопоказаний для работы в отряде, прошедшие обучение техники безопасности, признающие и соблюдающие Устав. Студенческие отряды формировались в ВУЗах, а также в средних специальных учебных заведениях [7, с. 8]. Главным руководящим органом ССО являлся штаб, отвечающий за всю работу студентов в трудовом семестре. Отправляясь на целину, ребята работали на объектах, занимались военно-патриотической, спортивной и просветительской деятельностью среди местного населения и молодежи [10, с.17, 41]. Студенческие отряды стали «школой гражданской и трудовой зрелости» молодежи, которая постоянно находилась в центре внимания Коммунистической партии и Советского правительства, ВЛКСМ.

Важную роль в воспитательной деятельности советских молодежных организаций играет культурное направление, разделившиеся в 1960-х на два лагеря. Первый лагерь – это организации и молодежные объединения, которые следовали программе КПСС в области культуры и досуга, а второй –

неофициальные, связанные с диссидентами и неформалами, стилями и рок-движением. При этом второй не поощрялся в обществе. Невозможность выбора и загнанность молодежных организаций в определенные идеологические рамки в плане воспитательной деятельности отразится кризисом в молодежной политике СССР, начавшейся в 1980-е годы.

С периода распада СССР и до недавнего времени отсутствовал четкий запрос, формулирующий систематическое гражданско-политическое воспитание молодого поколения. В настоящее время молодежные общественные организации развиваются на другом уровне, начиная от охвата участников и заканчивая социальной активностью. основополагающим документом молодежной политики РФ стала «Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года», принятая в 2015 году [6]. Основная задача, стоящая перед молодежными организациями сейчас это: «развитие высоконравственной личности, разделяющей российские традиционные духовные ценности, обладающей актуальными знаниями и умениями, готовой к мирному созиданию и защите Родины» [6].

Современные организации многочисленны и разнообразны по целям, направлениям деятельности, структуре и форме. Остались «приемники» молодежных объединений, существовавшие в СССР и появились новые, отвечающие запросам молодежи. В нынешних условиях четко сформировать и охарактеризовать их проблематично, так они неустойчивы и подвержены быстрым темпам изменений. Свою деятельность они выстраивают с опорой на государственную политику и на новые ориентиры молодежи.

Библиографический список

1. Ильинский М.И. Государственная молодежная политика в СССР. М.: Издательство МГУ, 2017. 432 с.
2. Кириленко В.Н. Летопись движения студенческих отрядов Куйбышевской области 1956-1991. Самара, 2015. 532 с.
3. Комсомол и школа. Док. съездов, конф. комсомола, пленумов, Бюро и Секретариата ЦК ВЛКСМ (1919-1985) / Сост. Шмитков В. и др. М.: Молодая гвардия, 1986. 334 с.
4. Липицкий В.С. Трудовой семестр и коммунистическое воспитание студентов. М.: Издательство Московский университет, 1975. 71 с.
5. ДОСААФ России. История организации. URL:<http://www.dosaaf.ru/about/history/>.
6. Правительство России. Документы. Об утверждении стратегии развития воспитания на период до 2025 году. URL:<http://government.ru/docs/18312/>
7. Студенческая целина: Сб. статей. Ростов-на-Дону: «РИСИ», 1974. 139 с.
8. Устав Всесоюзного ленинского коммунистического союза молодежи: Устав ВЛКСМ 1962 года. URL:<https://ru.wikisource.org/wiki/1962>.
9. ДОСААФ России. Документы. Устав ДОСААФ СССР. URL:<http://www.dosaaf.ru/documents/>.
10. Фалеристика Всесоюзного студенческого отряда: 1959-1992 годы/ под ред. Е.И. Белозерцева. СПб.: «Александр ПРИНТ», 2009. 96 с.

СЕКЦИЯ III.

ИСТОРИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ И ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ, ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ, ОБЩЕСТВЕННЫХ ДВИЖЕНИЙ И ОРГАНИЗАЦИЙ

И.Д. Ерофеев

Московский государственный университет

АЛЕКСАНДР I И ПОЛЬСКИЙ ВОПРОС В ПЕРВЫЕ ГОДЫ ЕГО ПРАВЛЕНИЯ

Говорить о четкой преемственности в политике в отношении поляков между Екатериной II, Павлом I и Александром I трудно, это заслуживает отдельного исследования. В каких-то аспектах они все вели одну линию — интеграция польской шляхты в российское дворянство. Но Александр, например, в начале своего правления сделал несколько шагов навстречу польским дворянам [1, с. 170-195].

В историографии принято ставить Александра I в один ряд с его предшественниками и преемниками, пускай и с небольшими оговорками. Это делается обычно для того, чтобы показать неизменность политики России в отношении присоединенных земель. На мой взгляд, это принципиально неправильно (речь идет про первые годы правления императора) и является слишком большим упрощением.

В чем причины такой политики царя? Первый, и очевидный ответ, это либеральный настрой первых лет правления, что выразалось и в польском вопросе.

Во-вторых, конкретных причин для недоверия полякам у Александра не было. После подавления восстания Костюшко поляки вряд ли могли рассчитывать на борьбу за независимость в ближайшие годы, поэтому поначалу у Александра не было травмирующего опыта во взаимоотношениях с ними.

В третьих, для молодого царя, интересующегося либеральными идеями, польские просветители могли быть во много образцом и примером. Обратившись к вопросу образования, мы увидим, что в основу образовательной реформы легли наработки Эдукационной комиссии. Необходимо также упомянуть про освобождение и лояльность в отношении Гуго Коллонтая.

Наконец, решающим фактором было влияние Адама Чарторыйского, с которым еще до воцарения у императора сложились дружеские отношения. Общественно-политическим взглядам Чарторыйского также следует посвятить отдельные исследования, однако мы знаем точно, что в нем присутствовали отголоски «сарматизма» и особого представлений о роли Польши в европейской истории. Чарторыйский считал Россию варварской страной по сравнению Речью Посполитой [2, с. 39-42]. В 1806 г. Александр при-

бывает в резиденцию Чарторыйских, которую он будет неоднократно посещать в дальнейшем. Польское общество ждало от него шагов навстречу, и оно их получало. В 1811 г. во время своей речи в Вильно император заявляет о своем намерении восстановить Польшу. Внимание к польской проблематике, да еще и в таком позитивном ключе, трудно было бы представить без Адама Чарторыйского. Эти заявления о своих планах сами по себе поднимали польский национальный дух, подогревая процесс полонизации.

Ухудшение отношений с польской партией, на мой взгляд, начинается после 1807 г. Возможно, еще Аустерлиц подорвал уверенность императора в своих действиях и политике, но Тильзитский мир и создание Герцогства Варшавского, изменили взгляд центральной власти на поляков. В Западном и Юго-западном крае прошла волна конфискации, росло недоверие к польской шляхте на фоне антифранцузской реакции [1, с. 195-207].

Война и создание Царства Польского изменили расклад сил на политической арене. Вильно перестал быть единственным культурным и политическим центром поляков в России, но все еще оставался очень влиятельным. Пик осложнений в отношениях между Александром и поляками придет на конец его царствования, когда в Виленском университете обнаружится существование тайных политических обществ.

Библиографический список

1. Бовуа Д. Гордиев узел Российской империи: власть, шляхта и народ на Правобережной Украине (1793-1914) / пер. М.А. Крисань. М., 2011.

2. Мемуары князя Адама Чарторыйского и его переписка с императором Александром I. М., 1912.

А.И. Овчинников

Самарский национальный исследовательский университет

ОЦЕНКА ЦЕРКОВНОЙ РЕФОРМЫ АЛЕКСАНДРА II СОВРЕМЕННОКАМИ

Оценки проведенной в 1860-1870-х гг. церковной реформы современниками носила различный характер, от одобрительных до самых негативных. Министр внутренних дел П.А. Валуев в своих дневниках писал о реформе в общих чертах, касаясь их по мере надобности. Он отмечал, что «...Чевкин, Муравьев и в особенности Блудов с жаром восстанавливали против всякой перемены в законодательстве относительно иностранных исповеданий. Даже Прянишников прервал по сему предмету свое обычное молчание. Анненков тоже присоединился к противникам перемен по этому предмету. Защищали противное мнение кн. Горчаков, кн. Долгоруков, гр. Панин и я. Я защищал его, как всегда, не с точки зрения веротерпимости, а с точки зрения внутренней силы, свободы и достоинства православной церкви. Вел. князя, по-видимому, сочувствовали мне... Равным образом со-

чувствовали, но молчали гр. Адлерберг, пр. Ольденбургский и Княжевич. Государь колебался. Однако дело в сущности выиграно, ибо насчет «*manages mixtes*» (смешанных браках) разрешение только отсрочено, а в отношении к устранению стеснений при возведении иноверных храмов повелено ныне же дать делу установленный ход» [1, с. 136].

Описывая начало церковной реформы и сложную ситуацию в западных губерниях Российской империи, в Прибалтике и в Польше, П.А. Валуев отмечает: «Писал для государя записку о положении православной церкви и духовенства. Был у меня виленский епископ Красинский, Pere Robin в совершенстве. Он привез в кармане камень, брошенный ему в окно в Вильне месяца два тому назад, и в бумажнике ту записку, в которую был завернут камень. Он уверяет, что духовенство нигде не участвует в беспорядках» [1, с.116]. Далее, говоря о попечительствах, он оставляет запись «Вечером заседание духовного присутствия. Проведены кое-как правила о церковных попечительствах. На днях был у меня архиепископ Платон. Он говорит о смешанных браках и о раскольниках, как и сам. Не без удивления я его слушал, потому что хотя и предполагал нечто в этом направлении, но не так далеко. Я сказал ему, что желал бы видеть его митрополитом. Недаром. Он намекнул на возможность разделения митрополий С.-Петербургской и Новгородской» [1, с. 222]. В этом случае, П.А. Валуев показывает свое отношение к реформе, характеризуя ее как государственное дело. Однако можно проследить и его личное отношение к реформе, а также оценку степени участия в ее реализации — «...развил с некоторой подробностью мой взгляд на дело, приложив и копию с моего официального отзыва обер-прокурору св. Синода от 4-го марта, но частному вопросу о разрешении трех смешанных браков без отобрания подписание воспитания детей в православии» [1, с. 275]. В целом, отношение к церковным преобразованиям П.А. Валуева положительное, по большей части безоценочное, присутствует факт участия в реформах, увлеченность ими. В ряде случаев он отходит от описания, выражая свое мнение относительно происходящего в России, об отношении к РПЦ, к старообрядчеству, показывая радикальность предлагаемых старообрядцами преобразований.

Другим современником, оценивающим реформу, был митрополит Московский Филарет (Дроздов). Его огромный авторитет, влияние и вес мнения были известны и современникам, и исследователям. В письме к еп. Леониду он пишет «Строго судят польских членов человеколюбивого учреждения за то, что они у бедных православных матерей покупают будущих детей, чтобы рожденных воспитывать в своем латинском вероисповедании. А как судить матерей, которые продают своих детей и их веру? И если начать сей суд, не коснется ли он и православных священников и православных 5 мирян не бедных, которые могли бы иметь лучшее польского человеколюбие и благочестие и не допустить продажи православных детей и их веры?» [2, с. 67]. Он описывает ситуацию сложного духовного и религиозного характера, предшествующую церковным преобразованиям, ко-

которые затрагивались и в ходе преобразований РПЦ. Комментируя ход реформирования Церкви, митрополит Филарет отмечает, что комитет о семинарском уставе «...произвел солидную работу, заключающую в доволно основательных соображениях» [3, с. 210]. Далее владыка пишет: «Это плод тех лет, когда светское влияние преобладало, а духовная власть бездействовала, частью по препятствиям, но конечно и по своей невнимательности. Университеты подают худой пример. Студенты рукоплещут одному уроку одного наставника, и, следственно сим самым осуждают другие уроки и других наставников. Наставники сделались актерами; а ученики судьями своих наставников, и пишут о них бессмысленный приговор обеими руками на воздухе» [3, с.281]. Он описывает ту ситуацию, которая возникла, и оставалась некоторое время еще и после реформы, во многих духовных высших учебных заведениях – вместо почтения и отеческого уважения к наставникам, семинаристы и студенты духовных семинарий и академий, подхватив у студенческих товарищей «дух демократии», вели себя в отношении наставников неподобающе, позволяя вольности, невнимания, неуважения, невнимательность в обучении, и помышляя больше о личном устройении, нежели о благе государства и отечества.

Подводя итог, можно сказать, что оценки современников носили определенно положительный характер, различаясь лишь степенью вовлеченности их авторов в процесс реформирования. Министр МВД П.А. Валуев разрабатывал планы реформ, а митрополит Филарет писал и предлагал лишь рекомендации к ним.

Библиографический список

1. Дневник П.А. Валуева министра внутренних дел: в 2 т./ П.А. Валуев; [ред., введ., биогр. очерк и коммент. П.А. Зайончковского] Акад. наук СССР, Ин-т истории, Гл. арх. упр. при Совете Министров СССР. Москва : Изд-во АН СССР, 1961. Т. 1: 1861-1864 гг. 420 с.
2. Письма Филарета к Леониду епископу Дмитровскому. М., 1883. 155 с.
3. Филарет, митрополит Московский [Дроздов] В.М. Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского, по учебным и церковно-государственным вопросам. Т. 1,2. СПб.: Синодальная тип., 1885. 531с.

Т.В. Кроз

Самарский национальный исследовательский университет

ИСТОРИЯ РОССИЙСКОЙ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ ПОРЕФОРМЕННОГО ПЕРИОДА: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Основы научного изучения истории благотворительности в России были заложены еще в пореформенную эпоху. Вторая половина XIX века стала значимым этапом в развитии дела общественного призрения: реформы 1860-х годов,

изменившие социальную структуру России, вызвали необходимость расширения системы общественного призрения и предоставили возможность для реализации этого проекта, вследствие чего значительно выросло количество благотворительных учреждений. Усилился и интерес к теме благотворительности в печати. Только в период с 1858 по 1884 гг., согласно библиографической монографии В.И. Межова, по указанной теме было издано 3881 сочинение [8, с. 284]. Обилие литературы по данному вопросу порождает трудности работы с ней. В связи с этим представляется логичным выделить несколько групп публикаций в соответствии с их тематикой.

К первой группе относятся исторические очерки развития дела общественного призрения, где выделяется несколько периодов в истории благотворительности в России. Одним из наиболее содержательных является сборник «Благотворительная Россия» в двух томах [2]: в нем освещается история государственной и частной благотворительности с X в. по 1894 г. Из менее масштабных работ выделяется работа П.И. Георгиевского, где автор сравнивает историю благотворительного дела в Европе и России [4, с. 3].

Во вторую группу можно включить очерки состояния устройства дела общественного призрения в период 1880–1910-х годов. Наиболее содержательными работами являются: «Сборник сведений о благотворительности в России» (1880–1886 гг.), где 1–3 тома посвящены состоянию благотворительных учреждений в Петербурге, Москве, губерниях и уездах соответственно; для рубежа XIX–XX вв. — «Сборник сведений о благотворительности в России...», дополненный краткими очерками о благотворительных учреждениях в Москве и Петербурге, двухтомник «Благотворительность в России» (1907 г.) [3], где объемные разделы посвящены общегосударственным благотворительным организациям («Ведомство учреждений императрицы Марии», «Императорское человеколюбивое общество»). Существенная информация также содержится в издании «Вестник благотворительности».

К третьей группе относятся публикации, характеризующие механизм государственного и правового регулирования системы общественного призрения. В этой группе самыми значимыми являются труды Е.Д. Максимова [6] и В.И. Герье [5], принимавших деятельное участие в комиссии К.К. Грота по разработке законодательства в области общественного призрения.

Четвертая группа работ посвящена конкретным направлениям благотворительной деятельности, таким как призрение детей (воспитательные дома, благотворительные учебные заведения); помощь трудоспособным (дома трудолюбия, ночлежные дома, кассы взаимопомощи и т.д.); помощь нетрудоспособным (богадельни, больницы, дома инвалидов и т.д.). Заслуживают внимания и материалы периодической печати, так как в журналах публи-

ковались как отчеты о деятельности отдельных учреждений, так и обобщающая литература по указанным проблемам. Самые значимые издания: «Общественное и частное призрение в России», «Трудовая помощь», «Детская помощь». Необходимо указать также сборник «Общественное и частное призрение в России», подготовленный к конгрессу в Милане 1906 г. [9], где помещены статьи, касающиеся «специальных» видов общественной и частной помощи, развивавшихся в России на тот момент. К этой же группе можно отнести небольшие статьи в периодической печати о состоянии системы призрения за рубежом: в них чаще других затрагивались темы создания системы трудовой помощи и решения рабочего вопроса.

Пятая группа освещает историю развития и состояния церковно-приходской благотворительности. Так, В.М. Бензин в своем труде [1] подробно анализирует историю становления системы приходов и христианских братств и указывает на противоречия в устройстве систем государственной и церковной благотворительности.

Наконец, шестая группа охватывает работы, где рассматривается только проблема нищенства и методы борьбы с ней: здесь можно выделить труды Д.А. Линева, Дм. Дриля, С.В. Сперанского, И.Г. Прыжова. Самым содержательным можно признать труд Е.Д. Максимова [7], который был специалистом со значительным опытом работы в системе общественного призрения, поэтому смог комплексно проанализировать причины существования нищенства и опыт зарубежных стран в деле борьбы с ним.

Можно заключить, что значительное число работ по теме благотворительности, изданных в период 1861-1917 гг. как частными лицами, так и по заказу государственных ведомств, показывает двустороннюю заинтересованность общества и государства в решении проблемы устройства системы общественного призрения. Для современного исследователя эти работы являются ценными историографическими источниками.

Библиографический список

1. Бензин В.М. Церковно-приходская благотворительность на Руси // Трудовая помощь. 1906-1907.
2. Благотворительная Россия. Т. 1-2. СПб., 1901.
3. Благотворительность в России. Т. 1-2. СПб., 1907.
4. Георгиевский П.И. Призрение бедных и благотворительность. СПб., 1894.
5. Герье В.И. Призрение общественное. СПб., 1898.
6. Максимов Е.Д. Начало государственного призрения в России // Трудовая помощь. 1900. № 1.
7. Максимов Е.Д. Происхождение нищенства и меры борьбы с ним. СПб., 1901.
8. Межов В.И. Биографические монографии. Т. 1. Вып. 2. СПб., 1883.
9. Общественное и частное призрение в России. СПб., 1907.

ОБЗОР ФИНСКОЙ ПРЕССЫ В ГАЗЕТЕ «СИМБИРЯНИН» КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ОКтябристской Электоральной Политики

«Ахиллесовой» пятой октябристов, как и других русских либералов, был национальный вопрос. Кадеты шли на сотрудничество с национальными сепаратистами, а октябристы – с русскими националистами. Это связано с тем, что «язык русского национализма возвращается в пространство либеральной мысли...преимущественно правым лагерем» [7, с. 315].

Особое место в правоцентристском дискурсе национального вопроса занимало Великое княжество Финляндское. Несмотря на все попытки русификации Финляндии, она смогла остаться автономной. В таких условиях октябристы пытаются дать ответ о месте финнов в «прекрасной Российской империи будущего».

Начнем с «Воззвания октябристов», ставшим основой программы «Союза 17 октября», выпущенная еще в 1905, но не терявшая актуальность до 1 ноября 1907 года [5, с. 34]. Это первый день заседания III Государственной Думы, в которой октябристы получают 33 % кресел. Несмотря на заявленный унитаризм в административно-территориальном делении Российской империи, октябристы выступают за сохранение финской автономии. «Исключительно за Финляндией признается особое положение, дающее ей право на известное автономное государственное устройство при условии сохранения государственной связи с империей» Причиной этого является сохранение статуса-кво на 17 октября 1905 года. Если Финляндия была автономной к тому моменту, то и самоуправление должно сохраниться на том же уровне.

Особую остроту вызывают тезисы, высказанные в период предвыборных кампаний. Обратимся к контексту лета 1907 года в Симбирске, где издавалась газета «Симбирянин». Октябристы в местном уездном земстве доминировали. [3, с. 25]. Союз Русского Народа был слаб в этой губернии [4, с. 40]. На выборах во II Государственную думу из 6 мандатов правые не получили парламентских кресел. В Самаре во избежание этого правые блокировались с октябристами. Благодаря этому Иван Клюжев, самарский октябрист, смог избираться в Государственную Думу [4, с. 45]. Также третьеиюньский избирательный закон расширил квоту землевладельцев и обеспеченного городского населения за счет мест земледельцев и национальных квот. Создается ощущение, что этот закон создан под октябристов, ибо доминирование в Думе создается за счет электората октябристов и умеренно-правых. Следовательно, октябристы должны как-то приобщить правый электорат к себе.

В Симбирске печатным органом октябристов была газета «Симбирянин» [6, с. 102-104]. В этой газете существовала рубрика, в которой обозревалась инородческая печать. В период лета 1907 года особое внимание было обращено к финнам. Очевидно, что о них можно спокойно писать, поскольку финнов здесь нет, и электорат может поверить в любой текст.

В выпуске №200 обозревается проблема гимна в Финляндии [2]. Газета «Сердоболь» пишет, что под аккомпанемент финской национальной песни уехал местный генерал-губернатор Н.Н. Герард. Он поддерживал права этой автономии и выступал против репрессий по отношению к финнам. «Симбирянин» же пишет: «Нужно заметить, что до сих пор не один генерал-губернатор не признавал существование финляндского народного гимна на ряду с русским народным гимном. Финляндия, как часть России, должна иметь общий с Империей гимн». И авторы поволжской газеты видят независимость Финляндии в использовании своей национальной песни. То есть, октябристы очерчивают линии автономии Финляндии на символическом поле, также заметно стремление сохранять статус-кво.

В выпуске 217 авторы газеты критикуют статью финской газеты «Helsingin Sanomat» [1]. Эта газета описывает торжество на могиле Эйгена Шаумана. Он в 1904 году убил генерал-губернатора Бобрикова и себя. Этот чиновник пытался проводить русификацию в Финляндии, итогом которой стало бы приравнивание финских губерний к русским. Также на этом торжестве был звон колоколов, публичные речи, ставшие частью большого народного праздника. «Симбирянин» комментирует: «И такое празднование происходит безнаказанно в разделенной от русской Империи области!»

В итоге мы можем сказать, что через такую интерпретацию финской прессы октябристы иносказательно подвели читателя к решению ряда своих проблем. Во-первых, были обозначены пределы автономии Финляндии. Во-вторых, зафиксированы элементы семиотического наполнения понятия «русский». В электоральном плане такой обзор финской прессы позволил октябристам добиться определенных успехов. «Союз 17 октября» смог занять два депутатских кресла от Симбирской губернии. Также еще два места взяли умеренно-правые, с которыми октябристы вступали в тандем.

Библиографический список

1. Из финляндской печати// Симбирянин. 1907. 13 Июля. (№217)
2. Из финляндской печати// Симбирянин. 1907. 20 Июня. (№200)
3. Кобзева Т.А. Земские органы самоуправления Симбирской губернии 1905-1918 гг. Ульяновск: Вектор. С, 2012. 202 с.
4. Кузнецов В.Н. Политические партии в Среднем и Нижнем Поволжье в 1907 – начале 1917 гг. Ульяновск: УлГПУ, 2007. 242 с.
5. Сборник программ политических партий России: [в 2 вып. Под ред. Водовозова]. СПб: кн. маг. «Наша жизнь»:1905-1906. 75 с.

6. Смыслов В.В. Симбирская организация «Союза 17 октября»// Традиция в истории культуры.- Ульяновск: УлГУ, 1999. С.102-104

7. Тесля А.А. «Истинно русские люди»: История русского национализма. М.: Группа Компаний «РИПОЛ классик»/ «Панглосс», 2019. 319 с.

А.С. Парахин

Самарский национальный исследовательский университет

«СОЮЗ 17 ОКТЯБРЯ» И ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ

В России начала XX века вопрос о народном образовании стал предметом острых дискуссий. Представители земского движения были недовольны недостаточным финансированием образования и избыточным влиянием духовенства на российскую школу. Существенные нарекания также вызывали барьеры, возведенные на пути к высшему образованию для женщин и ограничение частной инициативы [2, с. 54-55].

Программа Союза 17 октября в просветительской сфере дополнялась и детализировалась. В сентябре 1906 года на партийном съезде октябристы высказались в поддержку технических школ и училищ, доступности образования для женщин, академической самостоятельности и веротерпимости в учебных заведениях[4, с. 236].

Реформа образования, предложенная октябристами, несла отпечаток их программы по национальному, и прежде всего еврейскому вопросу. Октябристы настаивали на открытии еврейских школ, чтобы ограничить контакты русского населения с еврейским, снизить уровень конфликтности и осуществить либерализацию системы образования [7, с. 40]. Помимо этого октябристы считали необходимым предоставить право обучения на родном языке жителям Прибалтики, полякам, татарам, народам Закавказья, а также немцам и чехам [1, с.203].

Особое внимание уделялось обсуждению проблем начального образования. Обсуждение всеобщего начального образования было одним из актуальных вопросов. Депутаты III Государственной думы одобрили проект правительства о народных училищах, но из-за обязательности всеобщего перехода за 10 лет к всеобщему образованию был отклонен Государственным советом. Был утвержден закон об ассигновании 7 млн. руб. ежегодно на имеющиеся школы. С учетом расходов на строительство новых школ и училищ, в 1908–1911 гг. системе образования было выделено 30 млн. руб.

Члены «Союза 17 октября» считали, что начальное образование должно управляться исключительно Министерством народного просвещения (МНП), а не Синодом и другими ведомствами при этом без отмены религиозного воспитания [3, с. 516-520]. Октябристы осуждали грубые нравы среди духовенства и желали подстроить православное воспитание под со-

временность, поэтому предложили ввести в школу новый предмет – «обществознание» [5, с. 16]. Увеличение государственного финансирования образования потребовало сокращения других расходов с 1907 по 1912 гг., а именно – Министерства путей сообщения на 2,7 %, Министерства финансов на 3,5 %, а также платежей по займам на 2,5 %. Ассигнования самого МНП на выросли 2,3 % [6, с. 6].

Подводя итоги, следует отметить, что Союз 17 октября способствовал расширению сети средних учебных заведений по всей России, а также подчинению учебных заведений светским властям. Программа октябристов в целом совпадала с правительственной программой, отличаясь при этом в ряде принципиальных сюжетов, в частности, во введении принципа бессословности и общей либерализации системы образования.

Библиографический список

1. Головач Е.И. Проблема народного образования в программных документах Союза 17 октября и конституционно-демократической партии // Куляшоўскія чытанні. Матэрыялы Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі. Могилев, 2007. С. 201-203.

2. Войтеховская М.П. Вопросы российского образования в идеологии либеральной общественности конца XIX начала XX веков // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2004. № 4. С. 53-60.

3. Приложения к стенографическим отчетам Государственной Думы. Третий созыв. Сессия первая. 1907-1908 гг. Т.1. СПб.: Государственная типография, 1908. 2024.

4. Ермошин А.В. Вопрос о положении религии в светской школе в программах политических партий Российской империи начала XX века // Филология и культура. 2012. № 2. С. 233-238.

5. Острога В.М. Вопросы народного образования в программах политических партий России (начало XX в.) // Труды БГТУ. Серия 6: История, философия. 2016. № 5 (187). С. 14-18.

6. Обзор деятельности Государственной Думы третьяго созыва. 1907-1912 гг. / сост. Канцелярию Гос. Думы. – Санкт-Петербург: Гос. тип., 1912. 1198 с.

7. Ткаченко Д. С. Вопросы национальной школы в программах и практике деятельности политических партий российской империи в начале XX века // Наука. Инновации. Технологии. 2003. № 33. С. 39-47.

Е.С. Нечаева

Калужский государственный университет

Н.И. ПАРОЛЬ И Е. ПЯТНИЦКИЙ – ЛИДЕРЫ ЛЕВЫХ СОЦИАЛИСТОВ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ В КАЛУЖСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ 1917–1918 ГГ.

Самой крупной политической партией к 1917 г. становится партия социалистов-революционеров (ПСР). Партия пользовалась доверием крестьянства, составлявшего большинство населения России. ПСР, не имея внутреннего единства, разделилась на правое и левое крыло. Левые эсеры в

ноябре 1917 г. образовали свою партию (ПЛСР). Лидеры центральной организации ПЛСР изучены больше чем региональные. В статье отражена деятельность двух политических лидеров местного отделения ПЛСР в Калужской губернии в конце 1917—1918 гг.

В январе 1918 г. состоялся I губернский съезд Советов, в работе которого участвовало более 500 делегатов [3, с. 85]. В рамках этого съезда было принято решение о конструировании губернских органов власти, стоит отметить, что фактически на этом съезде и произошел раскол калужского регионального отделения партии социалистов-революционеров. Представители левого крыла партии остались на съезде и продолжили работу и даже вошли в губернский исполнительный комитет (губиском). Губиском состоял из 66 человек, по 22 от солдатской, рабочей и крестьянской секций. Фракцию левых эсеров в Калужском губискоме возглавил Николай Иванович Пароль. Он родился в Рязанской губернии и уже в 20 лет в 1907 г. попал под надзор полиции, являясь студентом Московского университета. Политическая карьера Н.И. Пароля состоялась в Калужской губернии. В феврале 1917 г. в звании прапорщика 288-го пехотного полка прибывает в Калугу, где сразу же включается в политическую жизнь губернии. Уже в августе этого года он занимает ключевое место в партии, о чем может свидетельствовать его избрание в состав специального бюро военной организации ПСР [2, с. 259], а также становится председателем Совета рабочих и солдатских депутатов [2, с. 142]. В Калужской губернии разгорелось противостояние между левыми эсерами, которых возглавили Пароль и Пятницкий, и большевиками, которых возглавил П.Я. Витолин. Нужно отметить, что политические лидеры не были уроженцами Калужской губернии и прибыли в губернию приблизительно в одно время. Такая борьба за власть между региональными партийными лидерами происходила во многих регионах: во Владимире, Туле, Ярославле и других [1, с. 43]. Н.И. Пароль в качестве лидеров калужских левых социалистов-революционеров представил свое региональное отделение на I съезде ПЛСР в Петрограде (19—28 ноября 1917 г.). Н.И. Пароль был избран делегатом Учредительного собрания по Калужскому избирательному округу. Вместе с большевиками был членом Военно-революционного штаба, из состава которого он был выведен после своего выступления на заседании губискома против подписанного большевиками Брест-Литовского сепаратного мирного договора с Германией.

Именно Пароль стал редактором калужской газеты «Красное знамя», которая начала издаваться в губернии. «Красное знамя» являлось информационной трибуной для левых социалистов-революционеров, с ее страниц велась агитационная работа среди населения, которое призывалось к активному участию в выборах разного уровня [4, с. 119-120], критиковалась политика большевиков на разных уровнях [4, с.150]. Апогей противостояния между большевиками и левыми эсерами в Калужской губернии

наступил весной – летом 1918 г. 17 апреля 1918 г. состоялся I Губернский съезд РКП(б), на нем прозвучал доклад фракции РКП(б) исполкома губернского совета. В своем выступлении они поднимали вопрос сотрудничества с эсерами, но по мнению большевиков «вся фракция левых эсеров повела только на съезде» [6, с. 323]. В этом же докладе отмечается, что Н.И. Пароль сыграл главную роль в оживлении работы эсеровской организации, которая распространила свою агитацию в деревнях. Особенно обострились противоречия после конфликта между калужским совнаркомом и железнодорожниками. В этом конфликте Н.И. Пароль со своим соратником Е. Пятницким выступили на стороне железнодорожников, выступивших против власти комиссаров. Левые эсеры, стремясь увеличить свою власть в губернии, критиковали непопулярные у населения действия большевиков, что фактически вылилось в открытое противостояние.

Одновременно с Н.И. Паролем лидером левых эсеров губернии являлся Е. Пятницкий. Его биография остается неизвестной, скорее всего это был военный, как и Н.И. Пароль. На это могут указывать косвенные свидетельства, например, Е. Пятницкий отправился на фронт во главе партийного отряда, который в июне 1918 г. вернулся в Калугу [1, с. 53]. Е. Пятницкий и Н.И. Пароль выступали против большевиков на митинге железнодорожников в марте 1918 г. В апреле 1918 г. Е. Пятницкий представлял калужских левых эсеров на II Съезде ПЛСР, где говорил о том, что в президиум калужских советов и совнаркома большевики не допустили ни одного левого эсера [5, с. 291].

После эсеровского мятежа 5 июля 1918 г., местные организации ПЛСР в августе 1918 г. перешли на нелегальное положение [4, с. 354], и после этих событий произошла смена лидеров регионального отделения ПЛСР, когда Н. Пароль и Е. Пятницкий покинули Калужскую губернию. Дальнейшая их судьба неизвестна. Усиление власти большевиков в стране заставило многих их противников отказаться от политической деятельности и даже покинуть большевистскую Россию.

Библиографический список

1. Леонтьев Я.В. Выборы на V съезд советов и кризис правительственного блока большевиков и левых эсеров // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). № 1. 2016. С. 38-63.
2. Общество и революция. Калужская губерния в 1917 году / сост. И. В. Зайцев, В.В. Луговой. Калуга, 1999. 432 с.
3. Очерки истории Калужской организации КПСС. Тула, 1967. 407 с.
4. Партия левых социалистов-революционеров: документы и материалы, 1917-1925 гг.: в 3 т. Т. 2, ч. 2: Июль–октябрь 1918 г. М.: РОССПЭН, 2015. 1182 с.
5. Партия левых социалистов-революционеров: документы и материалы, 1917–1925 гг.: в 3 т. Т. 1: Июль 1917 г. – май 1918 г. М.: РОССПЭН, 2000. 862 с.
6. Установление советской власти в Калужской губернии. Документы и материалы март 1917 – июль 1918. Калуга, 1957. 467 с.

ИМПЕРАТРИЦА АЛЕКСАНДРА ФЕДОРОВНА И ВЕЛИКИЕ КНЯЗЬЯ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Последняя российская императрица Александра Федоровна, урожденная принцесса Виктория Алиса Елена Луиза Беатриса Гессен-Дармштадтская, с самого начала не была принята великосветскими кругами российского общества и, в первую очередь, великими князьями и княгинями.

У высшего света уже был сложившийся образ императрицы, который олицетворяла вдовствующая императрица Мария Федоровна. Обладавшая светским тактом, она составляла здесь противоположность Александре Федоровне, которая не любила светских мероприятий и была очень застенчива. Эта застенчивость воспринималась придворными и родственниками со стороны императора как высокомерие, что послужило отправной точкой сначала для отчуждения, а затем и для неприязни со стороны высшего света [4, с. 57].

В годы Первой мировой войны градус неприязни к Александре Федоровне значительно возрастает, а в некоторых случаях переходит практически к открытой вражде. Ее обвиняли во вмешательстве в государственные дела, в манипулировании императором. Причем эти обвинения исходили сначала из придворной среды, а затем распространились и среди широких слоев российского общества.

Об отношении великих князей к последней российской императрице говорили многочисленные попытки как-то устранить Александру Федоровну с политической сцены.

Так, в 1917 году великий князь Александр Михайлович общался с великим князем Михаилом Александровичем по поводу встречи с императрицей, а затем и с самим императором по вопросам, которые волновали тогда думские круги. Эти вопросы касались создания правительства, приемлемого для Государственной Думы, а также отстранения Александры Федоровны от вмешательства в государственные дела [1, с. 224]. Не добившись успеха, он уехал. После повторного разговора уже с Николаем II великий князь встречался с великими князьями Михаилом Александровичем и Кириллом Владимировичем, которые разделяли его точку зрения [2, с. 126].

Великий князь в это время совместно с другими великими князьями обсуждал план высылки Александры Федоровны в Ливадию, который им не удалось осуществить. А после всех неудавшихся попыток добиться положительных, как считали великие князья, мер, по мнению историков К.О. Битюкова и Е.Е.Петровой, Александр Михайлович был уже не против и дворцового переворота [5, с. 122].

Главная причина того, что личная неприязнь великих князей приобрела политический оттенок, связана с их мнением о том, что Николай II не прислушивается к их советам и требованиям из-за влияния на него Александры Федоровны. Именно она, по мнению большинства, была виновна в том, что император поступает не так как считает нужным его ближайшее окружение, и, несмотря на то, что Александра Федоровна не имела такого колоссального влияния на Николая II, это мнение до сих пор имеет вес в исторической науке.

Этого же мнения придерживалась и вдовствующая императрица Мария Федоровна, о чем свидетельствует ее переписка с великим князем Николаем Михайловичем. Размышления о пагубном влиянии императрицы начались в июле 1916 г. Великий князь Николай Михайлович подогревал недовольство вдовствующей императрицы к невестке во всех письмах начиная с 28 июля, то есть после того, как ему было отказано в участии в подготовке к будущей мирной конференции. 13 августа в послании к вдовствующей императрице он писал об Александре Федоровне: «Образ мыслей А.Ф. принял угрожающий оборот не только для повседневных интересов нашей родины, но и для интересов Ники и всей династии». Между великим князем и вдовствующей императрицей возникло взаимопонимание на почве неприязни к Александре Федоровне [5, с. 42].

Следует отметить, что многие нелепые слухи об императрице распространялись из великокняжеской среды, о чем она знала. Так, 10 сентября 1915 года Александра Федоровна писала императору, что слухи о ее предстоящем заточении в монастырь распространяли ранее в Киеве сестры “черногорки” великие княгини Милица Николаевна и Анастасия Николаевна (жены великих князей Петра Николаевича и Николая Николаевича). Императрица признавала также, что эта «грязная сплетня достигла и действующей армии [3, с. 345].

Таким образом, Александра Федоровна не имела поддержки среди великих князей и княгинь. Отчуждение с началом войны переросло в неприязнь, которая объяснялась уверенностью великих князей в том, что причиной их отдаления от императора стало влияние императрицы Александры Федоровны.

Библиографический список

1. Великий князь Александр Михайлович. Книга воспоминаний. М., 1991. Т. II.
2. Кирилл Владимирович, Император. Моя жизнь на службе России. СПб., 1996.
3. Колоницкий Б.И. «Трагическая эротика»: образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М., 2010.
4. Мемуары великой княгини Ольги Александровны / Запись Я. Ворреса. М., 2003.
5. Петрова Е.Е., Битюков К.О. Великокняжеская оппозиция в России 1915-1917 гг. СПб., 2009.

БРАТАНИЯ НА РУССКОМ ФРОНТЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В Рождество 1915 года весь мир облетела сенсационная новость о стихийном перемирии солдат на Западном фронте — отказывались воевать друг с другом англичане, французы, немцы. На фоне таких известий и грез о мировой революции и освобождении человечества затерялись скудные данные о том же явлении на Русском фронте.

Уже в 1915 году боевые действия приобретают затяжной и позиционный характер, а снабжение фронта продовольствием и техникой ухудшается. В результате затянувшегося сидения в окопах и прочих лишений и тягот зарождается антивоенное движение, которое выражается в дезертирствах, добровольной сдаче в плен, саморанениях и прочих нарушениях воинской дисциплины, однако ярче всего — в братаниях — встречах солдат воюющих сторон на нейтральной полосе в период затишья на фронте.

Первые братания на Восточном фронте произошли еще в декабре 1914 года [3], а официально русское командование зарегистрировало факт братания перед Пасхой 1915 года — солдаты выходили из окопов, христосовались с немцами и угощали друг друга. Один из таких случаев завершился соревнованием хоров и общими плясками [1]. В течение всего 1915 года подобные инциденты на фронте происходили редко и почти забылись, однако в апреле, а затем и в течение всего 1916 года снова происходят братания. Во время Пасхальной недели 1917 года братания и вовсе принимают практически повальный характер, в особенности на Юго-Западном фронте [4] — их участниками становятся более ста полков. Продолжаются такие массовые акции и в течение всего 1917 года [2].

Братания на Русском фронте сильно отличались от братаний на западе тем, что в их основе лежало укоренившееся представление о важности церковных праздников, отражающееся в отношениях крестьян между собой. В русских деревнях у богатых было принято поддерживать бедных, дарить куличи, пасху и т.д. Так же и солдаты в приливе религиозных чувств, иногда со слезами, раздавали свой хлеб товарищам и противникам. Угощение противника являлось неотъемлемой частью братаний, что напоминало народное гуляние, при котором сельский сход обходил все дома с целью сделать праздник общим. Русские солдаты дарили проходящим к ним австрийцам «подарки», хлеб («а то у них черный»), пасху и яйца, сало и «конфеты». Обязательной частью празднования крестьянами Пасхи были и горячительные напитки — при братаниях они выводили праздник на уровень формального прощения врага, а в 1917 году присутствие алкоголя при братаниях и вовсе выходит на первый план [1].

Находила свое отражение в описываемом феномене и такая особенность крестьянского менталитета, как неприятие продолжительного конфликта с врагом и стремление простить его. Братания вызывались чувством религиозного прозрения и всепрощения и проявлением не просто идентификации с противником, а любви и жалости к нему, с рукопожатиями и слезами и «целованиями от радости». Красочным примером здесь является рассказ о братании в письме одного из солдат 41-го пехотного Селенгинского полка: «На первый день Пасхи когда мы уже разговелись одохлали немного у нас все тихо ни одного выстрела стали мы из своих окопов махать шапками до своего врага и он тоже начал махать и стали звать друг друга к себе в гости и так что мы сошлись по маленко с австрийцами на средину между проволочное заграждение без никакого оружия и начали христосоваться а некоторые австрийцы были православны то целовались с нами и некоторые с жалости заплакали и угощали друг друга в мести плясали как настоящие товарищи а потом разошлись и должна быть наша история в писана в газетах» [1]. Как в крестьянской жизни, так и при братаниях праздник не ощущался полноценным, если в нем не было места неприятелю — он начинался среди своих, но всегда заканчивался среди чужих.

Крестьянский обычай побратимства, который уходит корнями в древность, также нашел свое отражение в братаниях. Так, в письмах солдаты-крестьяне рассказывали, как «кинулись враги приятели друг к другу в объятия», о «дружестве», об обещаниях «больше не воевать», о подаче «братской руки» и т.д. [1].

Братания были откровенным нарушением воинской дисциплины, а широкий контакт с противником влек за собой уголовную ответственность по Воинскому уставу. Однако сильнее страха быть наказанным или убитым оказывалось порой чувство всеобщего единения и братства перед лицом бесчеловечной войны.

Библиографический список

1. Асташов А.Б. Братания на русском фронте Первой мировой войны // Новый исторический вестник. М., 2011. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/brataniya-na-russkom-fronte-pervoy-mirovoy-voyny> (дата обращения: 19.11.21).

2. Базанов С.Н. «Немецкие солдаты стали... переползть к русским «товарищам» и братья с ними» // Военно-исторический журнал. 2002. №6. [Электронный ресурс]. URL: <https://s30221942281.mirtesen.ru/blog/43511613916/«Nemetskie-soldaty-stali...-perepolzat-k-russkim-«tovarischam»-i-> (дата обращения: 20.11.21).

3. Бахурин Ю.А. О первых братаниях с противником в годы первой мировой войны // Вопросы истории. 2010. №.12. [Электронный ресурс]. URL: <https://ugoslav1985.livejournal.com/48266.html> (дата обращения: 18.11.21).

4. Курицын С.В. Братание в 11-й армии Юго-Западного фронта весной-летом 1917 г. как феномен повседневной жизни военнослужащих Российской армии. История: факты и символы. М., 2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bratanie-v-11-y-armii-yugo-zapadnogo-fronta-vesnoy-letom-1917-g-kak-fenomen-povsednevnoy-zhizni-voennosluzhaschih-rossiyskoy-armii> (дата обращения: 19.11.21).

ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ЭПИСТОЛЯРНОМ НАСЛЕДИИ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ

Исследованию первой волны русской эмиграции, а именно деятельности бывших царских дипломатов в эмиграции в межвоенные годы уделено большое внимание в последние десятилетия [1; 2; 4]. Тем не менее остаются вопросы, которые нуждаются в специальном рассмотрении. Целью данной публикации является рассмотрение взглядов бывших царских дипломатов на Лигу наций как на элемент пост-Версальской системы международных отношений в Европе в межвоенный период.

Данное исследование опирается на эпистолярные источники, представленные перепиской дипломатов Д.И. Абрикосова (Япония), Е.П. Демидова (Греция), С.Д. Боткина (Германия) и Е.В. Саблина (Великобритания) с председателем Совета послов В.А. Маклаковым (Франция) в 1934 году. Копии этих писем спустя время по оперативным каналам поступали советским спецслужбам и имели гриф «Совершенно секретно», затем хранились в архивах Службы внешней разведки и МИД РФ, и впервые опубликованы в 1998 году.

В первом же опубликованном письме от Абрикосова к Маклакову в феврале 1934 года представитель Совета послов в Японии фиксирует «переход от пассивной внешней политики к активной, выразившейся в образовании нового государства Маньчжоу-Го и в выходе из Лиги наций» [3, с. 15]. Изменения в политике Японии он связывает с усилением влияния на политику военной партии и создавшуюся, в связи с этим, гипертрофию в расходах на усиление армии и флота [3, с. 15].

Корреспондент из Берлина, С.Д. Боткин в письме В.А. Маклакову от 28 февраля 1934 года сообщает, что после выхода Германии из Лиги наций германское правительство предложило прекратить свою работу берлинскому представителю международного нансеновского бюро по беженцам. Из частного разговора с лицом из министерства иностранных дел он «узнал, что для германских властей представительство ЛН (Лиги наций) является уже «пустым местом» [3, с. 40].

Е.В. Саблин, бывший царский поверенный в делах в Лондоне письмом от 20 марта 1934 года пересказывает Маклакову вызвавшую интерес в политических и дипломатических кругах статью британского публициста Малькольма Маггериджа «Германия, Россия и Япония», опубликованную в ежемесячнике «Деятнадцатое столетие». Во вступлении Маггеридж говорит о том, что «вошедшая в моду система коллективных перестрахований в международной политике не внушает доверия, что женеvское учреждение – Лига наций – служит лишь внешним прикрытием исконной эгои-

стической политики интересов отдельных стран, тогда как судьбы их направляются по-прежнему тайными переговорами и соглашениями в кулуарах...» [3, с. 47–48].

Также Маггеридж в статье предполагает вступление советского правительства в Лигу наций. По его мнению, «под давлением угроз со стороны Японии и Германии, вышедших из Лиги наций, советское правительство надеется найти какую-то поддержку со стороны этого учреждения, которое ныне само утратило всякий авторитет» [3, с. 52]. Автор пересказываемой статьи считал, что «Лига наций едва ли могла бы оказать реальное противодействие Германии, когда та будет вооружена, а это будет уже довольно скоро» [3, с. 53].

Е.П. Демидов в письме В.А. Маклакову из Афин 10 апреля 1934 года констатирует: «Недоверие между странами наряду с тяжкими ударами, нанесенными престижу Лиги наций, роковым образом приводят обратно к старым довоенным приемам, к образованию новых группировок и политических сочетаний под личиной экономического оздоровления, к заключению союзов, тайных договоров и военных конвенций» [3, с. 72]. Он мало сомневается в нарушении условий Версальского договора со стороны Германии и рекомендует Франции «пойти на мировую, пока не поздно, и на долгое время урегулировать взаимоотношения» [3, с. 72].

Маклаков 27 апреля 1934 года сообщает Саблину о возможном принятии большевистского правительства в Лигу наций осенью того года. Маклаков обосновывает эту инициативу опасностью польско-германского союза против СССР: «большевики хотят туда поступить не столько из-за желания взорвать Лигу наций, сколько ища помощи; они меньше боятся японской опасности, чем польско-германской» [3, с. 88]. При этом, «они понимают, что реальной помощи они ни от кого не получат...», но все же рассчитывают, «что защиту себя против нападений они могут все-таки получить из Лиги наций и что Польша не решится бросить всем вызов, если бы даже ответом на это было одно моральное осуждение» [3, с. 88].

Саблин в ответном письме Маклакову 30 апреля 1934 года, говоря об отношении британских политических деятелей к Лиге наций, резюмирует: «В дееспособности Лиги наций здесь разочаровались» [3, с. 91]. По его утверждению, главным недостатком Лиги в Великобритании считали «состояние в ней на началах равноправия элементов слишком различных, неравноценных и неравносильных, которые часто являются совершенно безответственными и даже незаинтересованными в принимаемых ими решениях» [3, с. 89].

Рассмотрев вышеуказанные эпистолярные материалы, можно сделать вывод о том, что в данный конкретный период международная организация Лига наций имела низкий авторитет как в среде бывших царских дипломатов, так и в политических кругах указанных стран.

По мнению бывших царских дипломатов, Лига наций как институт коллективной безопасности, разоружения, урегулирования споров между

странами путем дипломатических переговоров не подтвердила свою эффективность, лишь формально сохраняя свой статус.

Для получения полной свободы действий в проведении своей экспансионистской политики Япония, а затем и Германия прекратили свое членство в Лиге. Эти события и последующее за ними складывание военно-политического блока Великобритании и Франции в противовес союзу Германии и Италии (с присоединившейся потом Японией) можно считать началом крушения Версальской системы международных отношений. Обладающие богатым профессиональным опытом, дипломаты российской школы были одними из первых кто ощутил эти изменения в силу того, что внимательно следили за развитием ситуации в странах своего пребывания.

Библиографический список

1. Богатенко Р.В., Фоменко С.В. Советская разведка о гитлеровских планах в отношении Польши и позиции Запада (весна 1939 г.) // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2014. № 2(2). С. 50-68.

2. Миронова Е. М. Создание Совета послов Русского Зарубежья. 1921 год // Новая и новейшая история. 2016. № 2. С. 180-189.

3. Чему свидетели мы были... Переписка бывших царских дипломатов: 1934-1940: Сборник документов в двух книгах. Книга первая: 1934-1937. М.: Гея, 1998. 562 с.

4. Чернов О.А. Мирные договоры и проблемы международной безопасности: концепция Н. В. Чарькова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2018. Т. 18. № 3. С. 290–294.

А.Ф. Таишева

Самарский национальный исследовательский университет

ПО СТРАНИЦАМ ДЕТСКИХ ЖУРНАЛОВ А.О. ИШИМОВОЙ

Детская книга как особый тип литературы, призванный решать конкретные воспитательные задачи, появляется в Европе и России в XVIII в. Особое направление детской литературы составили периодические издания. Середина XIX в. стала переломным моментом в развитии отечественной детской периодики благодаря деятельности А.О. Ишимовой – писателя и издателя детских журналов «Звездочка» и «Лучи».

Александра Осиповна Ишимова (1804–1881) – первая профессиональная детская писательница среди женщин в России, переводчик и педагог [6, с. 146]. Путь А.О. Ишимовой к успеху оказался непростым и долгим, в своем литературном творчестве она старалась приблизить слог произведений к разговорной речи, писала живо, красочно. Писательница облекала свои повествования в весьма разнообразные формы: беседа с читателем («История России в рассказах для детей», 1837 г.), в которой изящно представлены красочные иллюстрации для полного представления истории ре-

бенком, беседа детей с матерью («Маменькины уроки», 1858–1863 г.), переписка детей («Рассказы старушки», 1839 г.) [2, с. 1].

В 1841 году Ишимова получила разрешение издавать журнал. «Звездочка» — единственный в то время воспитательный журнал для детей, который издавался с 1842 по 1863 год в Санкт-Петербурге. Литературное творчество Александры Осиповны не ограничивалось только журналом, она продолжала писать книги, учебники, много переводила [5, с.188].

Тон журнала был сентиментальным, характерным для обучения девочек в том столетии. В «Звездочке» отражена идеология «официальной народности», характерная для царствования Николая I. В журнале принимали участие известные даровитые детские писатели: Я.К. Грот, А.П. Зонтаг, В.Ф. Одоевский, А.Д. Вернер. Наибольшее количество публикаций принадлежало перу самой издательницы. Она не подписывала статьи, а лишь ставила инициалы либо звездочку. Журналы Ишиимовой занимались возвышением царской власти и христианской церкви в глазах юных читателей. Поэтические произведения, опубликованные в «Звездочке», в основном посвящены религиозной теме. Помимо поучительных рассказов, в журналах есть целая серия материалов о различных городах и странах, служащая, безусловно, просвещенческим целям. Целью Ишиимовой было воспитание и образование подрастающего поколения, что, конечно, не могло вестись в обход официальной государственной концепции [4, с. 36]. В журнале все поэтические и прозаические произведения носили религиозно-дидактический характер, а материалы просветительские — статьи и очерки — популяризовали естественнонаучные знания.

В 1845 году «Звездочка» была разделена на два издания — «Журнал для детей младшего возраста» и «Журнал для детей старшего возраста». Позднее на обложке второго издания «Звездочки» появилось новое название — «Лучи. Журнал для девиц» (1850-1860 гг.). Журнал, наполненный ласковыми рассказами, мечтательными повествованиями, религиозными текстами, вызывал живой интерес не только у юных читательниц, но и у опытных педагогов. [4, с. 37].

Журнал традиционно состоял из следующих разделов: 1) словесность, 2) науки, 3) новые книги, 4) смесь [3, Т. 17. №1. С. 2]. По сравнению со «Звездочкой» появились конкретные разделы, в которых произведения объединялись по конкретным темам. Журнал «Лучи» был ориентирован на читательниц старшего возраста, главной его задачей было нравственное воспитание девушек, подготовка их к замужеству и материнству. В журнале все произведения имеют более серьезный смысл, требуют вдумчивости, однако они так же направлены на развитие нравственности, духовности, воспитание всесторонне развитой личности.

А.О. Ишимова внесла существенный вклад в развитие детской журналистики середины XIX века. Начав свою деятельность как детская писательница и переводчица, в дальнейшем она стала издателем замечательных

детских журналов «Звездочка» и «Лучи». Несмотря на то, что оба журнала были выдержаны в духе государственной идеологии, в целом содержание их было этически направленным, назидательным и полезным для юных читательниц.

Библиографический список

1. Звездочка. 1842. Ч.2. №5.
2. Ишимова А.О. История Россия в рассказах для детей. СПб., 2003.
3. Лучи. 1858. Т.17. №1.
4. Махова К.А. Журнал «Звездочка» А.О. Ишимовой // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2013. №12 (113).
5. Смеюха В.В. Отечественные женские журналы. Историко-типологический аспект. Ростов-на-Дону, 2011.
6. Трудова А.С. Вопросы сердца в воспитании девочек: по страницам журнала А.И. Ишимовой «Лучи» // Сборник статей и материалов Четвертой Всероссийской научно-практической конференции «Михаил Муравьев и его время»/ Под ред. А.Н. Пашкурова, Л.Я. Вороновой, А.Ф. Галимуллиной. Казань, 2013.

О.А. Титова

Самарский национальный исследовательский университет

ЗАРОЖДЕНИЕ ДЕТСКОГО ДВИЖЕНИЯ В САМАРСКОЙ ГУБЕРНИИ КАК ИСТОРИОГРАФИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Современная российская действительность имеет общественно-политические потребности: возникают различные новые детские движения и происходит активизация движений уже существующих. Как правило, в значительной мере в них представлены дети и молодежь, так как данные категории быстрее улавливают требования современного времени. Существует однотипность создаваемых и активно развиваемых детских организаций в настоящее время и детских движений в послереволюционные годы. В связи с этим необходимо обратиться к истории и историографии детского движения в начале XX века.

После 1917 г. И до середины 20-х гг. в России существовали различные детские объединения, однако, официально утвердились только пионерская организация и комсомол. В результате и пионерия, и комсомол превратились в государственные организации, которые «управляли» детьми, их способностями и возможностями в интересах государственной идеологии. Данной теме посвящено достаточное количество работ. Например, содержание, методы, формы и условия воспитания детей и подростков изучили: Л.В. Алиева [2], М.В. Богуславский [4], В.К. Григорова [5], М.Е. Кульпединова [8].

С 20-х гг. и до конца 80-х гг. история детского и молодежного движения стала сводиться только организациям пионерии и комсомолу [10, с. 26].

Влияние партийных органов на детские и молодежные организации проследили в своих работах И.В. Руденко [12], В.А. Кудинов [8] и др. На наш взгляд, заслуживают внимания и другие детские объединения: скаутские отряды, тимуровцы, «Майские союзы» (движение по защите животных и птиц), «Артели тружениц», товарищества, летние площадки, детские клубы и кружки, которые действовали, в том числе, и в Самарской губернии, но остаются не изученными. Данная проблема связана с тем, что основная часть работ советского периода издавалась под влиянием общественно-политической мысли. Детское движение изучалось на всесоюзном уровне, не обращалось внимание на региональный контекст и специфику. В качестве альтернативы авторы посвящали работы нелегальной политической деятельности в детской и молодежной среде [10, с. 28].

В конце 80-х гг. произошли перемены: исследователи отказались от комсомолоцентрической интерпретации истории российского детского движения. В 90-е г. Расширилась источниковая база, в оборот были введены ранее недоступные историкам документы, возникли новые идеи, как методологические, так и теоретические, а главное исследователь смог свободно выражать свое мнение.

Зарождение детского движения в Самарской губернии не являлось предметом комплексного историографического анализа. Несмотря на это предоставляется возможным отметить ряд работ, в которых рассмотрены вопросы зарождения и деятельности детских организаций в Самарской губернии: статьи С. Агина [1], Я. Напасникова [9], В. Седовой [13], Р. Евилевича [6], Ю. Астанкова [3]; информационно-аналитическая справка Л.В. Черняевой [14]. Анализ советской праздничной культуры в контексте проблемы конструирования новой советской реальности предпринят рядом современных историков, на региональном уровне – С.Ю. Малышевой в книге «Советская праздничная культура в провинции: пространство, символы, исторические мифы (1917-1927)». Склонная к излишней теоретизации часть современных историков с увлечением ищут в каждом знаке новой советской действительности признаки «модерности» [7, с. 49].

«Процесс социального конструирования от идеи к результату включает в себя агитацию, пропаганду, как особые категории социального инжиниринга, ориентированные на реализацию тактических задач, в том числе воспитание поколения, как технологию социального инжиниринга, благодаря которой решаются долговременные задачи конструирования новых норм поведения и сознания. При этом предполагается использовать новые формы воспитания советских граждан, которые должны работать на перспективу и относиться к категории стратегических механизмов конструирования» [10, с. 30]. В этой связи особый интерес приобретают документы, содержащиеся в (провинциальных фондах) Самарского губернского комитета партии и губернского комитета ВЛКСМ за 1918-1920-е гг. Самарского государственного архива социально-политической истории. Они содержат,

в том числе, и ценную информацию о зарождении и деятельности детских движений в Самарской губернии.

Зарождение и деятельность детских организаций России на протяжении многих лет имело особенности в разных регионах, в частности, в Самарской губернии. Традиции и опыт прежних лет во многом определяют специфику дальнейшего развития. «Все персонажи партийной и комсомольской жизни Самарского края в 1918-1920-х гг. — не рабы чьей-то злой воли. Они сами в тот момент совершали, или делали свой выбор, кем быть, какими быть, каким лозунгам верить. То есть сами являлись участниками конструирования новой жизни» [7, с. 38]. Имеется необходимость комплексного изучения зарождения детского движения в Самарской губернии.

Библиографический список

1. Агин С. Он ведь с красным знаменем цвета одного // Волжский комсомолец. 1978. 17 сентября.
2. Алиева Л.В. Детские общественные объединения в воспитательном пространстве социума // Педагогика. 2000. № 7. С. 48-53.
3. Астанков Ю. Долгие «каникулы» Дворца... Б.м., 1991.
4. Богуславский М.В. Детское движение в России: между прошлым и будущим. Тверь: Научная книга, 2007. 112 с.
5. Григорова В.К. Пионерская организация: уроки для теории, истории, и методики современного детско-юношеского движения // Среднее профессиональное образование. 2012. № 7. С. 16-19.
6. Евилевич Р. Школа без классов // Волжская коммуна. 1978. 17 декабря. №288(18292).
7. Кобозева З.М., Кабытов П.С. «Все берите в руки молот, жизни новой куйте строй!»: реализация советского проекта в провинции в 1920-е гг. (на примере Самарской губернии) // Вестник НИИ гуманитарных наук при правительстве республики Мордовия. 2021. №3 (59). С. 38-51.
8. Кульпединова М.Е., Ковров В.В. Детское общественное объединение как субъект воспитания. М., Педагогика, 2002. С. 3-26.
9. Кудинов В.А. Детское и молодежное движение в России в XX веке: монография. Кострома: Костромской гос. Ун-т., 2000. 145 с.
10. Напасников Я. Волшебные окна детства // Самарские известия. 2002. 12 ноября.
11. Раннесоветское общество как социальный проект 1917-1930-е годы. В двух частях. Под ред. Л.Н. Мазур. Часть 1. Екатеринбург, 1918.
12. Руденко И.В. Подготовка организаторов детского движения в России / под ред. Л.В. Алиевой. М.: Пед. Общество России, 2008. 232 с.
13. Седова В. Волжское гостеприимство // Волжская заря. 1978. 17 августа.
14. Черняева Л.В. Пионерская организация Ставрополя-на-Волге. Информационно-аналитическая справка. Тольятти, 2001.

ОСВЕЩЕНИЕ ПЕРЕГОВОРОВ США И СССР В НОЯБРЕ 1933 ГОДА В АМЕРИКАНСКОЙ ПРЕССЕ

В начале ноября 1933 года, в качестве выбранного И.В. Сталиным советского посла, в США прибыл Максим Максимович Литвинов для ведения переговоров. К его отъезду было достигнуто соглашение о восстановлении дипломатических отношений между СССР и США, что означает признание Советского Союза в качестве нового государства на мировой арене. Западная пресса освещала это события не однозначно.

Например, 17 ноября TheWashingtonReporter написал на первой странице не так много. Они написали о конференции в Белом доме между президентом Рузвельтом и Народным комиссаром иностранных дел Максимом Максимовичем Литвиновым [3, с. 1]. На следующий день, 18 ноября, выходит более подробная статья с заголовком: «Признание вызвано желанием мира. Советский союз удовлетворен последним шагом. В сторону европейского режима сделано два благоприятных шага. Предсказывается торговый рост» [4, с. 1]. В статье уже более подробно рассмотрен ход конференции между представителями Соединенных Штатов и Советского Союза, а также взгляд обеих сторон на ситуацию.

Акцент был сделан на переговорах о торговых отношениях с СССР. «Решение о поддержании торговых договоренностей значительными кредитами было принято единогласно» [4, с. 2]. Тема кредитов не будет оставлена газетами до конца обсуждения. Наиболее ярким примером беспокойности суммой выдаваемого Америкой кредита выразили TheNewYorkTimes в статье 18 ноября с заголовком: «Наши претензии советам составили \$800 000 000; но в столице ожидают гораздо меньшей суммы для удовлетворения соглашения. «Военный долг» составляет \$332 519 891. Остаток долга представляет собой облигации и ценные бумаги» [5, с. 4]. «По последним оценкам, общая сумма претензий правительства Соединенных Штатов и их граждан к России, основанных на отказе от обязательств и конфискации имущества Советским Союзом, составляет примерно 800 000 000 долларов США» [5, с. 4]. Тем не менее, в дальнейшем, минимальная сумма выплат, требуемых Соединенными Штатами, составляла 150 млн. долларов. [2, с. 16]

Очень обширно тема признания СССР была освещена в газете Скенектади – города в штате Нью-Йорк, SchenectadyGazette. 16 и 17 ноября писалось почти о том же, о чем и в TheWashingtonReporter: «Вскоре ожидается признание СССР» [6, с. 1]. В тексте просматривается важность заключения торговых отношений, причиной которых и было признание СССР. Вопрос

кредитов и долгов перед Соединенными Штатами здесь тоже поднимается, но уже гораздо более подробно. «Министр сельского хозяйства сказал, что лично не одобрил долгосрочные кредиты России на покупку агрокультурных американских товаров до тех пор, пока эта страна сохраняет высокий тарифный план (на ввозимую продукцию). Какбы то ни было, другие эксперты выступили за продление долгосрочных кредитов для Советского правительства» [6, с. 1]. Это высказывание подкрепляется абстрактным заявлением о хорошей выплате Россией иностранных обязательств после прихода к власти коммунистов 16 лет назад.

Вопрос царских долгов перед иностранными государствами действительно активно решался советской властью с 20-х годов, с целью заключения экономических и дипломатических отношений, однако о непосредственных денежных выплатах известно немного. Переговоры с европейскими странами, в особенности с Англией и Францией, велись на протяжении нескольких лет с переменным успехом. Так, например, Франция более всего приблизилась к решению этого вопроса в 1927 году. «Был согласован способ урегулирования этих долгов путем ежегодных взносов по 60 млн. золотых франков (примерно 22 млн. руб.) в течение 61 года» [2, с. 99]. Однако, переговоры были прерваны. Мы можем видеть, что к 1933 году выплата долгов со стороны СССР так и не была осуществлена в полной мере, что, тем не менее, не мешает администрации США заявлять об успешных выплатах царских долгов другим странам. Такое заявление могло бы послужить достаточном оправданием для дачи Советскому Союзу больших долгосрочных кредитов.

18 ноября SchenectadyGazette с большим заголовком на первой полосе: «Россия признана США. Возобновляются нормальные отношения. У.Ч. Буллит — первый посол в России» — дальше заголовок сопровождается тремя обширными статьями на данную тему [7, с. 1]. Первая (с фотографией) посвящена личности Уильяма Буллита и обоснованием его компетенции в качестве посла в России.

Единственное соглашение о царских долгах, которое было достигнуто между США и СССР, заключалось во включении этих долгов в дополнительный процент по кредитам, которые будут предоставлены Советскому Союзу в будущем [1, с. 69]. Даже в подобных значимых для Америки вопросах, Рузвельт все-таки пошел на уступки со стороны Соединенных Штатов, ради более выгодных экономических и торговых договоров

Исходя из исследуемого материала, можно заключить, что обе страны были заинтересованы в этих отношениях и нельзя с точностью определить, какая из них нуждалась в них больше.

Библиографический список

1. Согрин В.В. Ф.Д. Рузвельт и СССР. 1933-1945 (к 80-летию установления дипломатических отношений между СССР и США) // США и Канада: экономика, политика, культура. 2013. №11. С. 67-86.

2. Хейфец Б.А. Внешние займы и долги царской России: история и современная ситуация // РСМ. 2002. №1. С. 85-107.
3. The Washington Reporter. 1933.11.17. P. 1, 2.
4. The Washington Reporter. 1933.11.18. P. 1, 2.
5. The New-York Times. 1933.11.18. P 4.
6. Schenectady Gazette. 1933.11.17. P. 1.
7. Schenectady Gazette. 1933.11.18. P. 1, 16.

А.К. Крылова

*Самарский государственный
социально-педагогический университет*

СЕМЬЯ ВОЛОДИЧКИНЫХ В ЗЕРКАЛЕ УСТНОЙ ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Работая над реконструкцией биографии семьи Володичкиных, одной из многочисленных крестьянских семей, заплативших великую цену за Победу в годы Великой Отечественной войны, мы поставили задачу создать корпус источников не только дополняющего характера, но и позволяющего эмоционально почувствовать то, что пережили эти люди. Поэтому мы обратились к устной истории. Были изучены материалы опросов членов семьи Володичкиных, хранящиеся в Центральном государственном архиве Самарской области [9]. Новые сведения удалось выявить и зафиксировать в процессе записи интервью с жителями поселка Алексеевка (2019–2021 гг.). Беседы с респондентами проходили в два этапа: «life story» и работа по опросникам, составленных по методу Т.К. Щегловой [10, с. 136–144]. Удалось записать 23 интервью (транскрибированные интервью). В дальнейшем планируется создание электронного ресурса открытого доступа. Собранный материал позволил обратиться к недостаточно исследованным вопросам:

Условия жизни семьи до войны и в 1941–1945 гг. «Всю тяжесть по поддержанию в здравии своего рода Павел Васильевич с Прасковьей Еремеевной выносили на собственных горбах. Понимая, что этакую ораву лишь огородом не прокормишь, обзавелись двумя лошадьми для полевых работ, приобрели две коровы...» [2]. Односельчане с теплотой отзываются о Володичкиных: «Добрыми всегда были... спокойными. Ни с кем никогда не ругались, только помогали, чем могли...» [3]. Отца Павла Васильевича погубила коллективизация. «Как только Сашка (старший сын) лошадей с коровами отвел, он в тот день и слег. Потом, правда, поднимался, старался что-то в опустевшем доме сделать, но обида нутро разъедала... так он и не оправился, оставил Прасковью, благо детишки уже мужиками были...» [2]. В войну «...Прасковья своими исхудалыми ручонками снохам только и помогала» [2]. «Доброй и отзывчивой матушкой оставалась для нас всех, до конца

своих дней...» [9, оп. 1, д. 280, л. 79]. 29 сентября 1941 г. ее не стало. «Страшная была потеря. Тогда одна отрада у нас осталась – письма с фронта» [9, оп. 1, д. 280, л. 80].

Тяготы послевоенного времени – «...жили впроголодь, дети сами друга друга нянчили, все в огороде, в поле. Молоко продавали... я знал, где мама его прятала и частенько в бочонок тот мы ныряли... а больше и нечем было поживиться...» [1]. На фронт из семьи ушли девять братьев: Александр, Андрей, Федор, Петр, Иван, Василий, Михаил, Константин и Николай. Вернулись домой только трое: Константин, Петр и Иван. Константин мучился не только от ран, полученных в боях. «Помню, мы с отцом ездили к дяде Косте, сначала на Нагорную (ГБУЗ «Самарская областная психиатрическая больница», ул. Нагорная, д. 78), потом его перевели в Крольчатник (бывшее психиатрическое отделение Красноярского района). И вот он туда-сюда. Как чуть полегче становилось, тетя Аня (жена Константина) забирала домой, потом начнет хулиганить, она его обратно...» [1]. Петр трудился в г. Куйбышеве санитаром в больнице. «Петр Павлович наши жизни на войне спасал, да и после в стороне не остался...не мог он, видимо, иначе...» [4]. Иван, чтобы прокормить шестерых детей, работал на серном заводе в транспортном цехе (п. Алексеевка). «У отца один глаз был, второй не видел, выбило. Железки любил разбирать, в войну он в тылу автослесарем работал, после тоже... уставал сильно, но виду не подавал» [1]. «Константин в городе жил, барак ему там выделили, как

Память о семье. Широкою известность история семьи Володичкиных получила лишь спустя 50 лет после окончания Великой Отечественной войны, когда приступили к подготовке Самарской «Книги Памяти» [6]. Информацию о семье в поселке Алексеевка, из которой ушли на фронт девять сыновей, обнаружил руководитель рабочей группы по составлению поименного списка погибших воинов Н.Е. Попков. Он немедленно отправил в Кинельский райвоенкомат запрос для проверки. Информация подтвердилась. Самарский писатель, фронтовик В.Н. Мясников, поговорив с жителями, главой поселка С.И. Ларюшиным, местными краеведами Н.А. Косыревой и П.В. Петрищевым, написал несколько газетных очерков о Володичкиных [7, 8]. Из ближних и дальних областей, из автономных республик Поволжья, от частных лиц в Алексеевку потянулись денежные средства. «Денег никто не жалел, что могли – жертвовали. Все мы хотели воздать дань памяти нашим героям...» [2]. 7 мая 1995 г. монумент семьи Володичкиных был торжественно открыт. Односельчане красочно описывают тот день: «...это же было грандиозное мероприятие. Приехали гости с разных уголков мира, ветераны, все Володичкины собрались. Кругом цветы, мундиры... никто, конечно, до этого такого значения ему (подвигу) не предавал, а тут как осознали...» [3].

Сбор материалов устной истории по теме продолжается. Их значение трудно переоценить. Они позволили расширить исследовательское поле,

восполнить пробелы в имеющейся информации о подвиге семьи Володичкиных, понять жизненный уклад обычной крестьянской семьи, которая отдала в годы Великой Отечественной войны самое ценное – своих детей.

Библиографический список

1. Интервью с В.И. Володичкиным и его женой М.А. Володичкиной. Интервьюер – А.К. Крылова. 26 сентября 2019 г.
2. Интервью с В.Д. Лазаревой. Интервьюер – А.К. Крылова. 12 октября 2019 г.
3. Интервью с Н.С.Кондратьевой. Интервьюер – А.К. Крылова. 20 сентября 2020 г.
4. Интервью с И.Е. Пильтяевой. Интервьюер – А.К. Крылова. 28 сентября 2020 г.
5. Интервью с В.Г. Игнатовой. Интервьюер – А.К. Крылова. 10 февраля 2021 г.
6. Книга Памяти: Рос. Федерация, Самарская область: Т. 11. Самара, 1994. 384 с.
7. Мясников В.Н. Великая мать из Алексеевки // Солдат Отечества. 1994. 5 февраля.
8. Мясников В.Н. Сердце матери // Красная звезда. 1994. 7 мая.
9. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф.Р-5140. Оп. 1. Д. 280.
10. Щеглова Т.К. Устная история: учеб. пособие. Барнаул: АлтГПА, 2011. 364 с.

Т.С. Моисеева

*Самарский государственный
социально-педагогический университет*

ОБРАЗ УЧИТЕЛЯ В СОВЕТСКОМ КИНЕМАТОГРАФЕ ПЕРИОДА «ОТТЕПЕЛИ» В НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИОГРАФИИ

На рубеже XX–XXI вв. в рамках социокультурного осмысления феномена «хрущевской оттепели» возрождается интерес к кинодокументам этого времени. В данной статье мы попытаемся, опираясь на российские исторические, искусствоведческие и киноведческие исследования, выделить некоторые новые акценты в изучении образа учителя художественных кинолентах интересующего нас периода.

В новейшей литературе зафиксирован не только переход к оттепельной парадигме в кинематографе, произошедший в конце 1950-х гг., но и более полно раскрыто ее влияние на «школьное кино», трансформацию художественных образов педагогов [3, 4, 6].

На основе метода типологизации в современных работах представлены различные типы учителей, которые фигурируют в фильмах («Повесть о первой любви» (1957), «Тучи над Борском» (1960), «Друг мой, Колька», «Мишка, Серега и я», «А если это любовь» (1961), «Мимо окон идут поезда» (1965), «Доживем до понедельника» (1968) и др.). Это «учитель-наставник», «учитель старой закалки», «понимающий учитель», «директор» и пр. [2]. Киновед Л.Ю. Аркус выделила еще два типа – «не запоминающиеся

учителя» («Звонят, откройте дверь» (1965) – к сожалению, данный типаж только отмечен) и «белая ворона» (учитель Илья Семенович Мельников – «Доживем до понедельника») [1]. В целом исследователи пришли к выводу о том, что образ учителя в кино «оттепели» стал менее идеализированным и более реалистичным.

Отдельные авторы акцентировали внимание на типологии учительских конфликтов [2, 7]. Л.Ю. Аркус принадлежит любопытное наблюдение: в конфликтах Мельникова с коллегами, ярким примером которых являются блестящие диалоги, гораздо более выразительно то, как *смотрит* (выделение Аркус) Вячеслав Тихонов, сыгравший роль учителя. Его взгляды, которые он бросает на директора школы и других учителей дают новое представление об истинных отношениях Мельникова с коллегами [1]. Хотелось бы отметить, что известный диалог Мельникова и учительницы литературы Светланы Михайловны, когда тот в ответ на ее фразу «Им отдаешь все до капли, а они...», он говорит: «Что у нас есть, чтоб отдать, – вот вопрос...», еще не раскрыт глубоко в литературе. По нашему мнению, Мельников ведет диалог не столько с упомянутой учительницей, демонстрируя разницу в подходах к определению своего места в школе, в отношениях с учениками, сколько с самим собой. Он принадлежит к редкому во все времена типу педагога, который всегда недоволен собой, качеством своей работы. В фильме «Доживем до понедельника» впервые прозвучала тема о «нужности», востребованности такого педагога, как Мельников в конкретную историческую эпоху.

Представляют интерес исследования, в которых подверглись ревизии сложившиеся характеристики практик поведения учителей, их ценностных предпочтений в «оттепельных» аудиовизуальных документах [8–11]. Отношение к учителям этой эпохи существенно изменилось: от позитивного, романтического восприятия к резко критической, порой пессимистической трактовке. Возможно, это связано с развиваемой некоторыми авторами концепцией краха «оттепельного» мобилизационного проекта, а также с излишней идеологизацией при изучении темы (понимание кино, главным образом, как пропагандистского инструмента) [8, 9].

Разумеется, что список особенностей новейшей историографии проблемы не является исчерпывающим, и в дальнейшем будет дополнен.

Библиографический список

1. Аркус Л.Ю. Приключения белой вороны: Эволюция «школьного фильма» в советском кино [электрон. ресурс] URL: <https://seance.ru/magazine/n41-42/>
2. Баранова Е.Ю. Советское «школьное» кино: проблематика, типология героев и конфликтов // ЛОМОНОСОВ – 2018: Материалы Международного молодежного научного форума. Электронное издание комплексного распространения. Москва, 2018. С. 1–3.
3. Жарикова В.В. Тематико-жанровая структура молодежного фильма: на примере американского и отечественного кино 1930-х – 1980-х годов: автореф. дис. ... канд. искусствоведения. Москва, 2016. 27 с.

4. Зоркая Н.М. История отечественного кино. XX век. М.: Белый город, 2014. 511 с.
5. Магидов В.М. Кинофотофонодокументы в контексте исторического знания. Москва: РГГУ, 2005. 394 с.
6. Русина Ю.А. История советского кино: учебное пособие. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2019. 104 с.
7. Михайлин В.Ю. Конструирование новой советской идентичности в «оттепельном» кино // Человек в условиях модернизации XVIII-XX вв. Сборник научных статей. Екатеринбург, 2015. С. 312–320.
8. Михайлин В.Ю., Беляева Г.А. Историк в истерике, О внезапном появлении учителя истории в советском школьном кино рубежа 1960–1970-х // Неприкосновенный запас. 2012. № 5 (85). С. 119–136.
9. Михайлин В.Ю., Беляева Г.А. Скрытый учебный план: антропология советского школьного кино начала 1930-х – середины 1960-х годов: монография. М.: НЛО, 2020. 584 с.
10. Киселева Н.В. Пограничность образа учителя в художественной культуре XX века // Ярославский педагогический вестник. 2018. № 5. С. 379–384.
11. Чельшева И.В. Герменевтический анализ отечественных игровых фильмов школьной проблематики: монография. Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2019. 139 с.

Т.С. Губанова

Самарский национальный исследовательский университет

ПОНИМАНИЕ ПРОБЛЕМЫ ФЕМИНИЗМА В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ XX ВЕКА

Современный феминизм представляет собой сложное, пестрое в социальном и идеологическом смысле явление, из множества направлений которого в XX веке принято было выделять прежде всего либеральное, радикальное и социалистическое [4, с. 87-88]. Все направления феминизма представляют собой не только социальный активизм, но и деятельность по глубокому философскому переосмыслению устоев патриархатной общественной системы. В числе наиболее ярких представительниц феминистской теории XX века – философы С. де Бовуар [3] и Д. Батлер [11]. Их концепции выстраивались и как самостоятельные, и, в то же время, как развивающиеся в общей логике либерального западного дискурса XX столетия. Философы прошлого столетия, в частности либерально настроенные философы-мужчины, не могли игнорировать актуальную проблему женского вопроса, поэтому проблема понимания феминизма и его философских нефеминистских оснований представляет особый интерес.

В целом философию женского движения невозможно рассматривать без связи с гендерной теорией. О неоднозначном понимании гендера как новой для XX века философской категории (в русле классического, модернистского и постмодернистского подходов), о противопоставлении пола

биологического полу социальному говорят Е.Э. Шишлова [10] и С.Шакирова [9]. Н.Л. Пушкарева, в свою очередь, подчеркивает необходимость возведения гендерной концепции к модернистским социологическим теориям [7, с. 146-147].

Проблема гендера и феминизма включает в себя значимое количество фундаментальных философских проблем. Одна из них — это понимание маскулинности и фемининности как бинарных оппозиций. Можно предположить, что корень понимания категорий «мужского» и «женского» как в крайней степени поляризованных элементов кроется в противопоставлении категории «я» и «другие». Именно поэтому философское обоснование экзистенциалистской теории выбора через взаимоотношение данных категорий сыграло решающую роль в пересмотре С. де Бовуар теорий марксистского и либерального феминизма [6, с. 17-18]. Однако сама постановка вопросов «что есть женское?» и «какова женская природа?» выводит на эссенциалистское понимание проблемы феминизма, что нередко подвергается феминистской критике. Тем не менее, «представители одной из позиций феминизма видят источник своеобразия женской природы собственно в особенностях ее телесного переживания жизни» [4, с. 111-112]. В этом ключе необходимо упомянуть связь постструктурализма М. Фуко с феминистскими исследованиями.

Рассуждая о проблеме либерального феминизма, невозможно также обойти стороной философскую категорию свободы. Иными словами, понимание свободы в каждом из направлений феминизма приобретает свои уникальные черты. Проблематика либерального феминизма достаточно точно описана Р.Ароном, несмотря на его некоторые скептические выражения по поводу ведущей роли феминизма в определении будущего человеческого общества. Тем не менее, о свободе Р.Арон говорит как о двух свободах: свободе-отсутствию запрета и действенной свободе-способности [2, с. 162-166]. Приведенный в дальнейшем аргумент о реальной невозможности для женщин занимать весомые позиции в обществе при отсутствии дискриминирующего законодательства (т.н. «стеклянный потолок») содержится в аргументации множества феминисток-активисток XX–XXI веков.

Помимо вопросов равенства и свободы, достаточно интересным является также понимание феминизма как утопии. Однако, на наш взгляд, в таком случае особенно необходима конкретизация вида феминизма, о котором идет речь. «Феминистский проект и марксистский, социалистический проект оказываются перед одной и той же дилеммой: как вообразить Утопию», — пишет Ф. Джеймсон [5, с. 347]. С критикой социалистической работы по проблеме угнетения женщин выступает Л. Фогель [12]. Иными словами, под сомнение попадает сама состоятельность концепции марксистского феминизма. Отождествление либерального феминизма с утопизмом, на наш взгляд, выглядит несостоятельным.

Обращаясь к вопросу аксиологии и ценностей либеральной феминистской мысли, необходимо в очередной раз подчеркнуть изменившееся в XX веке, по словам Х. Арендт, понимание блага. «Общество эмансипирует “земную”, “посюстороннюю” жизнь индивида и семьи и все виды деятельности, связанные с ее поддержанием и обогащением. Таков подлинный смысл эмансипации женщин и рабочих» [1, с. 278-279].

Таким образом, философское обоснование значительно укрепляло феминистское движение XX века, а также обозначило новые методологические проблемы и философские вопросы: проблемы гендера, гендерной идентичности, стереотипов, ролей, бинарных оппозиций, тела, власти, семиотики и другие.

Библиографический список

1. Арендт Х. Между прошлым и будущим. Восемь упражнений в политической мысли. М., 2014.
2. Арон Р. Эссе о свободах. М., 2005.
3. Бовуар С. Второй пол. Т.1 и Т.2. М., СПб., 1997.
4. Брандт Г.А. Философская антропология феминизма. Природа женщины. СПб., 2006.
5. Джеймисон Ф. Марксизм и интерпретация культуры. Москва; Екатеринбург, 2014.
6. Жеребкина И. «Прочти мое желание...». Постмодернизм. Психоанализ. Феминизм. М., 2000.
7. Пушкарева Н. Гендерная теория и историческое знание. СПб., 2007.
8. Семенова В.Э., Семенова Л.Э. Социальная утопия и феминизм: мы рождены, чтоб сказку сделать былью? // Женщина в российском обществе. 2013. №1 (66). С.45-52.
9. Шакирова С. Толкования гендера // Пол женщины. Сборник статей по гендерным исследованиям. Алматы, 2000. С.15-26.
10. Шишлова Е.Э. Гендер как инновационный научный и философский дискурс // Вестник МГИМО. 2013. №1 (28). С.148-152.
11. Butler J. Gender trouble: feminism and the subversion of identity. Routledge, 1990. 272 p.
12. Vogel E. Marxism and the Oppression of Women. L., 1983. URL: <https://altleft.org/2020/03/07/marksizm-i-ugnetenie-zhenshhin/#Ранние-взгляды> (дата обращения 17.11.2021).

М.А. Ермолаева

Самарский национальный исследовательский университет

КУЙБЫШЕВСКИЙ ПИСАТЕЛЬ В.Е. КОЗИН: ЭТАПЫ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА

Куйбышевская область – кузница талантливых людей страны. Достоинным примером является Козин Василий Евдокимович – писатель, член Союза писателей СССР. Произведения В.Е. Козина, опубликованные в

журналах, альманахах и периодической печати, ярко и правдиво отразили подвиг народа в строительстве социалистического общества, на фронтах Великой Отечественной войны, в героических буднях послевоенных пятилеток. В.Е. Козин является значимой персоной в литературной и творческой жизни г. Куйбышева.

Документы о жизни и деятельности В.Е. Козина отложились в его личном фонде, хранящемся в Центральном государственном архиве Самарской области. Целью данной работы является формирование системы научных знаний о этапах жизни и творчества В.Е. Козина.

Василий Евдокимович Козин родился 5 февраля 1906 г. в с. Малая Сердоба Пензенской губернии в семье крестьянина – бедняка [1, с. 141]. С 1913 по 1916 год учился в сельской школе, а с 1916 по 1922 год (с перерывами по причине материальной необеспеченности) в Высшем начальном училище. 20 января 1924 г. он вступил в ВЛКСМ и позже был избран секретарем комсомольской ячейки. В июне 1925 г. он был назначен секретарем Малосердобинского волостного комитета комсомола, в августе 1925 г. был принят кандидатом в члены партии. К этому же времени относятся и первые литературные опыты в газетах «Петровская коммуна», «Советская деревня» и «Большевистский молодняк» [4, Оп. 1. Д. 74. л. 2]. В 1928 г. В.Е. Козин был избран секретарем Новоузенского райкома ВЛКСМ, а осенью 1929 г. был отправлен на обучение на педагогический факультет Саратовского государственного университета [4, Оп. 1. Д. 74. л. 3].

В 1930 годы был послан на укрепление аппарата краевой газеты «Волжская правда». Был секретарем Саратовской Ассоциации Пролетарских Писателей. Также работал в краевом правлении писателей, в правлении колхозных писателей и в ЛОКАФе. В августе 1933 года парторганизация оргкомитета командировала Козина В.Е. учиться в Московский институт Красной Профессуры. Работал в Оргкомитете Союза Советских Писателей. В начале 1934 года по объявленной ЦК ВКП(б) мобилизации командирован в Средне-Волжский край в качестве редактора газеты политотдела Подъем-Михайловской МТС. В 1935–1938 годах – ответственный секретарь альманаха «Волжская новь», инструктор сектора печати Обкома ВКП(б). Выступил в поддержку крупного литературного критика и литературоведа И.М. Машбиц-Верова, объявленного «врагом народа». Обвинен в политических ошибках, исключен из ВКП(б), но позже был восстановлен [2].

До Великой Отечественной войны В.Е. Козин работал учителем литературы в средней школе № 23. Был редактором Куйбышевского областного книжного издательства, а также председателем областного Лермонтовского комитета, заместителем секретаря областной писательской организации и некоторое время возглавлял ее. 1 сентября 1941 года призван в ряды Советской Армии [4, Оп. 1. Д. 74. л. 4]. Служил преподавателем на курсах политработников, потом журналистом в корпусной газете «Родина зовет». Участник боев. Демобилизован в апреле 1947 года [4, Оп. 1. Д. 70. л. 5].

В конце 1940-х – начале 1950-х годов В.Е. Козин – один из ведущих участников литературного движения в Куйбышевской области. До 1952 года руководил писательской организацией, затем редактор и главный редактор книжного издательства, член редколлегии и редактор альманаха «Волга», председатель Комитета профессиональных литераторов, член Президиума отделения Всесоюзного добровольного общества любителей книги.

С марта 1967 года Василий Евдокимович не работал, но принимал активное участие в жизни издательств и писательской организации [4, Оп. 1. Д. 74. л. 5]. Скончался Василий Козин 19 августа 1986 г. [3].

Любимый жанр писателя – рассказ. Герои рассказов В.Козина – современники, люди активной гражданской позиции. Первые рассказы В.Козина «Доклад» и «Ручьи шумят» были напечатаны в московском «Журнале крестьянской молодежи» в 1927 году под селькоровским псевдонимом «Вадим Запольный». Это рассказы о жизни и быте сельской молодежи [4, Оп. 1. Д. 89. л. 1].

В 1932 году в Нижне-Волжском краевом издательстве «Саратов» вышел его сборник «Культармейские рассказы». Это первая книга Василия Козина. В ней 4 рассказа из жизни деревенских комсомольцев и активистов, борющихся за ликвидацию неграмотности в деревне [4, Оп. 1. Д. 63.л. 1].

В 1933 году в журнале «Огонек» напечатан рассказ «Мешок». В 1935 году в Куйбышевском краевом издательстве вышел сборник рассказов «Перед отъездом». Книжка состоит из 6 рассказов на семейно-бытовые темы и на темы о становлении социалистического сознания колхозников. В годы войны Василием Евдокимовичем были написаны такие рассказы, как «Во имя счастья», «Черные пальцы», «Егор Быков» и др. [7, Оп. 1. Д. 89. л. 2]. Третий сборник рассказов «Осенней ночью» В.Е. Козина вышел в 1949 году в Куйбышевском областном издательстве. На него имеется рецензия московского критика С. Евгенова, опубликованная в газете «Волжская коммуна».

Василий Евдокимович много занимался с начинающими писателями, руководил литературной группой при редакции газеты «Волжский комсомолец» и литературным кружком на заводе им. Сталина.

Таким образом, можно сделать вывод, что многолетняя общественная и творческая деятельность В.Е. Козина занимает важное место в литературной жизни г. Куйбышева, в развитии культуры нашего края и страны в целом. Его писательская деятельность и журналистская работа в Союзе писателей СССР, в редакции фронтовой газеты, в Куйбышевской областной писательской организации, в Куйбышевском книжном издательстве помогла многим даровитым людям найти верный творческий путь к созданию достойных советского народа произведений. Василий Евдокимович внес значительный вклад в развитие культурной жизни города Куйбышева.

Библиографический список

1. В одном строю: част. взгляд: [сб. очерков] / Михаил Толкач. Самара: Самар. отд-ние Литфонда России, 2004. 223 с.
2. Литературные адреса Самары. // Самарские судьбы [Электронный ресурс]. URL: https://samsud.ru/litadres/address/writers/writers_107.html (дата обращения: 10.11.2021).
3. Путеводитель по фондам Центрального государственного архива Самарской области (далее ЦГАСО) // Управление государственной архивной службы Самарской области: [сайт]. URL: <http://regsamarh.ru/cgaso/map/sssр/personal/12375/> (дата обращения: 10.11.2021).
4. ЦГАСО. Ф. Р-1389.

А.Д. Денисова

Самарский национальный исследовательский университет

МОНАРХИЯ ТЮДОРОВ В СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ (1990 – НАСТ. ВРЕМЯ)

Актуальность данного исследования обусловлена наличием пробелов в изучении проблемы роли придворного окружения Тюдоров, этикета, церемониала и обрядов, проблемы централизации власти, создания местных органов, а также возникновением как новых, так и ускоренном развитии уже существующих направлений исторической науки.

Историография монархии Тюдоров современного периода условно делится на следующие группы: 1) работы, посвященные изучению ритуалов и церемониала придворной культуры, символизма, 2) исследованию придворных фракций и королевского окружения, 3) изучению тюдоровского абсолютизма, 4) анализу британской историографии. Отдельно стоит выделить статью по методологии изучения данной проблематики, принадлежащую Д.В. Кирюхину.

Для рассмотрения историографических работ первой группы, обратимся к работе С.С. Меднис, которая анализирует королевский пир как форму придворного диалога, который особенно любопытен для анализа иерархических и структурных изменений в рамках политических и религиозных факторов второй половины XVI века [17]. Д.В. Кирюхин в своей работе исследует ритуалы власти в праздничной культуре английского королевского двора, а также хронику «Прием леди Екатерины», торжество как метафору политического союза Англии и Испании. Данный исторический источник необходимо, по мнению автора, изучать в контексте репрезентации власти новых королей [11]. Другие работы Д.В. Кирюхина посвящены изучению полемики придворных авторов Тюдоров по поводу трактовки образа короля Артура [8], попытке проследить эволюцию представлений о короле бриттов [12], исследованию образов королей Генриха VIII и Генриха VIII в

парадном портрете [7]. Ю.Н. Никитенко проанализированы произведение Эдмунда Спенсера и письмо Роберта Лейнема, автор уверен, опираясь на источники «мы можем уточнить наше представление о важных составляющих языка власти и о способах его функционирования» [19]. О.В. Дмитриева, анализируя церемониал приема пиши Елизаветы Тюдор, отмечает, что репрезентация власти посредством церемонности и торжественности во внутреннем дворцовом обиходе не уходила в прошлое, а, напротив, имела свое дальнейшее развитие [3]. В другой своей работе автор замечает, что для реализации репрезентативной стратегии монарха как нельзя лучше подходит официальное открытие первой сессии парламента [2]. Символизм, являющийся частью коронационного обряда, подробно анализирует С.С. Меднис [18]. Изучению дипломатической переписки английского двора с московским посвящено исследование Д.А. Кольчугина. Автор отмечает, что дипломатическая среда всегда носила ритуальный характер [14].

Вторая группа работ посвящена изучению придворных фракций и придворного окружения. Н.А. Журавель пытается определить значение термина «фракция» с позиции современников Елизаветы Тюдор, а также с точки зрения исследователей данного вопроса [4]. Для А.В. Ложкина и В.С. Ковина особый интерес представляет матримониальная политика Елизаветы I, которая «органично вплелась в <...> клубок международных отношений» [16]. В русле изучения королевского двора Д.В. Кирюхин рассматривает «проблему обучения и воспитания наследников королевского трона» [9].

Перейдем к анализу работ, посвященных исследованию тудоровского абсолютизма. Н.А. Журавель анализирует трактат «Государство Лестера», где представлена явная борьба католической фракции за признание шотландской линии легитимной в правах на наследование английской короны [5]. И.В. Казаков рассматривает ряд аспектов формирования «новой монархии», способствовавшие централизации королевской власти и преодолению сепаратизму знати [6]. В.В. Клочков считает, что современники преувеличивали значение парламента, полномочия которого были сильно ограничены и являлись «частью прерогативных прав короля» [13]. Исследованию централизации королевской власти посвящена статья А.А. Бельцера, автор приходит к выводу, что Генрих VII, обнаружив большое влияние английской аристократии на работу местного управления, старался свести ее власть к минимуму [1].

С точки зрения развития британской историографической мысли нам интересная работа А.А. Паламарчук, где автором анализируется эволюция придворных исследований [20]. Работа, представляющая для нас интерес в плане истории изучения проблемы «Тудоровской революции в правительстве» – статья Т. А. Кондратенко, где автор исследует взгляды Д. Элтона и представления его оппонентов [15]. Признавая необходимость подбора правильной методологии исследования, отметим работу Д.В. Кирюхина, рассматривающего возможность исследования репрезентации власти первых Тудоров в русле новой политической истории [10].

Таким образом, можно сделать вывод, что историография по исследованию проблем, связанных с монархией тюдоровской Англией, набирает все новые обороты, историки обращают внимание на методы изучения королевского двора, проблематика научных поисков приобретает все более узкий характер и, порой, специфические черты.

Библиографический список

1. Бельцер А.А. Корона, аристократия и персонал местного управления при первом Тюдоре // СНВ. 2013. №4 (5).
2. Дмитриева О.В. «Милостивейшая и грозная»: репрезентация Елизаветы I во вступительных парламентских речах лорда-хранителя печати // Искусство власти. Сборник в честь профессора Н. А. Хачатурян. СПб., 2007. С. 164-186.
3. Дмитриева О.В. Церемониал, церемонность и бесцеремонность в королевском застолье Елизаветинской Англии // Одиссей: Человек в истории. Трапеза / под ред. А. Я. Гуревича. М., 1999. С. 85-91.
4. Журавель Н.А. Католическая фракция и политическая борьба при дворе Елизаветы I Тюдор (1579-1583) // Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2011. №7.
5. Журавель Н.А. Проблема престолонаследия в Англии (на основании трактата «Государство Лестера») // Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2009. №44.
6. Казаков И.В. О формах и методах становления тюдоровского абсолютизма // СНВ. 2013. №4 (5).
7. Кирюхин Д.В. Образы королей Генриха VII и Генриха VIII в английском парадном портрете эпохи Тюдоров // Вестник ННГУ. 2013. №5-1.
8. Кирюхин Д.В. Полемика придворных авторов Тюдоров Полидора Вергилия и Джона Лиланда о трактовке образа короля Артура // Вестник Мининского университета. 2013. №2 (2).
9. Кирюхин Д.В. Придворная интеллигенция эпохи ранних Тюдоров и ее роль в обучении и воспитании наследников королевского трона // Интеллигенция и мир. 2013. №3.
10. Кирюхин Д.В. Репрезентация власти первых Тюдоров в рамках новой политической истории // Вестник Мининского университета. 2016. №1-2 (14).
11. Кирюхин Д.В. Ритуалы власти в праздничной культуре английского королевского двора и анонимная хроника «Прием леди Екатерины» (1501) // VMA. 2018. №1.
12. Кирюхин Д.В. Эволюция образа короля Артура в сочинениях придворных авторов конца XV начала XVI в // Вестник ННГУ. 2013. №4-3.
13. Ключков В.В. Парламентские свободы и прерогативные полномочия английской короны в раннее Новое время // Известия ЮФУ. Технические науки. 2009. №3.
14. Кольчугин Д.А. Дипломатическая переписка английского двора с московским во второй половине XVI-XVII веке: репрезентативный аспект // Искусство власти. Сборник в честь профессора Н. А. Хачатурян. СПб., 2007. С. 187-205.
15. Кондратенко Т.А. Концепция «Тюдоровской революции в правительстве» Джеффри Элтона и ее критика в современной британской историографии // ОНВ. 2009. №3 (78).

16. Ложкина А.В., Ковин В.С. Роль сподвижников Елизаветы Тюдор в матримональной политике Короны // Вестник НАСА. 2009. №1 (5).

17. Меднис С.С. «Музыка сфер»: регламент коронационного пира Елизаветы Тюдор // Изв. Саратов. ун-та Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2020. №2.

18. Меднис С.С. Сценография коронации Елизаветы Тюдор // Общество: философия, история, культура. 2018. №3.

19. Никитенко Ю.Н. «Королева фей» Эдмунда Спенсера и описание празднеств, устроенных графом Лестером для Елизаветы I в честь ее приезда в Кенилворт, сделанное Робертом Лейнемом: параллельное чтение // VMA. 2018. №1.

20. Паламарчук А.А. «Светило, сияющее лишь отраженным светом»: стереотипы современников и исследования по истории английского королевского двора // Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2011. №7.

СЕКЦИЯ IV. РУССКАЯ КУЛЬТУРА, ИСТОРИЯ ЭТНОСОВ И ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

Е.А. Ердокеско

Московский государственный университет

И.И. КАЗАС: ПЕДАГОГ И ПРОСВЕТИТЕЛЬ

Большая заслуга в деле образования и просвещения на территории Таврической губернии второй половины XIX – начала XX века принадлежит Илье Ильичу Казасу, выходцу из небогатой караимской семьи, сумевшему стать высококвалифицированным специалистом, известным педагогом, поэтом и переводчиком, человеку, которого некоторые исследователи считают родоначальником национальной интеллигенции в среде караимов [1, с. 108].

С самого раннего детства И. Казас начал проявлять интерес к образованию. Так, уже в возрасте 5 лет он начал обучение в местном мидраше, находившемся в крымском городе Армянский Базар (ныне п.г.т. Армянск), полный курс которого он закончил за 3 года. Затем после окончания в 12 лет высшей богословской школы Абен-Яшара Луцкого в Евпатории, родители юного мальчика решили, что юному Илье следует не продолжать учебу, а начать работать, именно поэтому они отправили его в Одессу, где он трудился в качестве посыльного при мануфактурном магазине. Спустя некоторое время Ильа Ильич понимает, что этот вид деятельности его не устраивает, и он уезжает в Херсон к дяде, который поддержал стремления своего племянника в получении дальнейшего образования, и именно в этом городе спустя некоторое время И.И. Казас сдает экзамены за курс гимназии [1, с. 108].

После того как И. Казасу удалось добиться разрешения от отца, он поступает в Московский университет, где стал учиться под руководством известного русского историка-медиевиста, профессора Т.Н. Грановского. После смерти своего учителя в 1855 году, Ильа Ильич переезжает в Петербург. Там он в 1859 году закончил факультет восточных языков Санкт-Петербургского университета, став первым караимом, получившим высшее образование и научную степень [2, с. 252].

В 60-е годы XIX века И.И. Казас переезжает в Одесу и открывает там на накопленные им средства караимскую школу, в которой помимо богословских дисциплин ввел преподавание светских предметов. Но, несмотря на успехи данного учебного заведения и его возрастающей популярности, Илье Ильичу пришлось закрыть школу в Одессе и переехать в 1863 году в губерн-

ский город Симферополь, где он стал преподавать в первой на территории Крымского полуострова мужской гимназии, открытой еще в 1812 году. В эти же годы И.И. Казас активно занимается методической деятельностью. Так, например, для того чтобы упростить для обучающихся изучение в учебных заведениях древнееврейского языка он разработал и издал на древнееврейском языке учебник под названием «Лерегель Гайладим» («Руководство для детей»), который впоследствии был также переведен на татарский язык [3, с. 509 -510]. В данном учебнике, состоящем из двух частей, были разделы не только для изучения этимологии и синтаксиса, но и содержались избранные отрывки из Танаха (Священного Писания), фрагменты теологических сочинений караимских авторов, сочинения на древнееврейском языке, а также пространный словарь. Учебник И. Казаса стал настолько популярным, что к началу XX века в начальных караимских училищах, расположенных на территории Таврической губернии, его использовали в качестве основного пособия по изучению этого языка [4, с. 171].

В конце 60-х – начале 70-х годов XIX века Илья Ильич, наряду с работой в мужской гимназии и разработкой методических работ, принял участие в создании татарской учительской школы в Симферополе, в которой он был не только преподавателем, но и инспектором [5, с. 27]. Кроме того, благодаря пожертвованиям караимов, проживавшим в разных уголках Российской империи, в 1894 году в уездном городе Евпатории было открыто Александровское караимское духовное училище, названное в честь императора Александра III. В данном училище, автором которого и был И. Казас, обучающиеся могли получить среднее образование, при этом срок обучения составлял 7 лет. Кроме богословских предметов здесь также преподавались русский язык и словесность, история, география, немецкий язык в объеме гимназического курса, педагогика в объеме учительской семинарии, арифметика, геометрия, физика в объеме реальных училищ. Обучение велось на русском языке, однако предметы религиозного характера могли преподавать только караимы. При этом обязательным предметом был древнееврейский язык, что было связано, прежде всего, с тем, что заведение готовило кадры для караимского духовенства. Обучение в заведении было как платным, так и бесплатным. Бесплатное образование могли получить лишь 20 мальчиков из необеспеченных караимских семей, которые, несмотря на свое бедное положение, проявляли склонность к наукам и обучению, однако после завершения обучения они должны были отработать 3 года учителями караимских школ и столько же – газзанами, т.е. священнослужителями [1, с. 109-110].

Однако И. Казаса волновал не только вопрос повышения качества и уровня образования среди мужского населения караимов, но и женского. Так, например, благодаря его стараниям 2 января 1892 года была открыта Симферопольская девичья школа имени Э.Ч. Коген, в которой девочки могли получить начальное образование. Курс обучения в школе, которая

несмотря на то, что была частной, но бесплатной для караимок, составлял 3 года, и в течение этого времени девушки изучали караимское вероучение, русский язык с элементами географии и истории, арифметику, черчение, рисование и рукоделие.

Таким образом, И. Казас внес значительный вклад в образование караимского населения, он являлся активным сторонником открытия новых школ, в которых бы караимские дети, при чем как мальчики, так и девочки, могли изучать не только богословие, но и светские науки. Помимо этого, И. Казас занимался также активной методической деятельностью, составлял различные учебники по изучению древнееврейского, русского и крымскотатарского языка, которые отличались простотой и ясностью изложения материала и были популярны во многих учебных заведениях караимов.

Библиографический список

1. Тюркские народы Крыма: Караимы. Крымские татары. Крымчаки. / Отв. ред. С.Я. Козлов, Л. В. Чижова. М., 2003. 459 с.
2. Сигаева Г.В. Крымские караимы и их вклад в многонациональную культуру России и Крыма // Культура народов Причерноморья. Симферополь, 1998. № 3.
3. Прохоров Д.А. И.И. Казас – организатор караимских учебных заведений (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии: Сб. научн. тр. 2005. Вып. XI.
4. Кожан И. Илья Ильич Казас – выдающийся караимский просветитель и педагог // Перекоп – ворота в Крым: материалы II Международной научно-практической конференции (25–26 ноября 2015 г., г. Армянск) [сборник статей]. Армянск, 2015.
5. Караимская жизнь. Ежемесячный журнал. Январь-февраль. Книга 8-9. М., 1912.

Н.Д. Токарева

Санкт-Петербургский государственный университет

СОЗДАНИЕ СМОЛЬНОГО ИНСТИТУТА БЛАГОРОДНЫХ ДЕВИЦ КАК ВОПЛОЩЕНИЕ ЗАМЫСЛА О ВОСПИТАНИИ «НОВОЙ ПОРОДЫ ЛЮДЕЙ»

Едва вступив на российский престол, императрица Екатерина II обратила особое внимание на состояние русского общества, для которого было характерно сочетание показного блеска и проявления ярко выраженной грубости нравов [3, с. 5]. Поэтому Екатерина II принялась за так называемое «обновление русского общества» [3, с. 7]. Императрица была уверена, что только при помощи образования и воспитания можно создать «новую породу людей», которые бы обеспечили обществу прогресс, необходимый

для осуществления задуманных ею преобразований [3, с. 8]. Будучи уверенной в том, что женское благонравие оказывает непосредственное влияние на благонравие всего государства, Екатерина II задумала основать дом для воспитания девиц, которые бы смогли стать «образцом женских достоинств» [5, с. 102–103].

Одним из примеров реализации этой идеи стало основание Воспитательного общества благородных девиц, указ об учреждении которого был подписан Екатериной II 5 мая 1764 года. Позже общество получило название Смольного института благородных девиц [1, с. 5].

Одним из главных инициаторов создания этого учреждения выступил И.И. Бецкой – личный секретарь Екатерины II [5, с. 101]. И.И. Бецкой родился 14 февраля 1704 года в Стокгольме. С 1729 года на службе в Коллегии иностранных дел в России, и на протяжении всей жизни неоднократно бывал в Европе, в том числе и в Париже, где и познакомился с французскими просветителями, оказавшими сильное влияние на его педагогические воззрения [3, с. 12].

Основным источников идей И.И. Бецкого служили взгляды знаменитых просветителей – Жан-Жака Руссо, Джона Локка и Клода Гельвеция [7, с. 162]. Согласно их учению, только окружающая среда влияет на формирование в человеке плохих наклонностей [3, с. 15]. Именно поэтому И.И. Бецкой стремился оградить воспитанниц от влияния так называемой «испорченной среды», в результате чего, по его мнению, можно воспитать из них «идеальных людей» по просветительской модели [4, с. 103].

Екатерина II, в свою очередь, главной задачей воспитания «нового человека» видела в том, чтобы сформировать подлинного гражданина: богобоязненного, законопослушного, добродетельного, трудолюбивого и высоко нравственного. Наибольшее внимание при этом, по мнению императрицы, следует уделять нравственному воспитанию. Такие нравственные качества, как честность, смелость, скромность, естественность Екатерина II считала «истинной добродетелью» [6, с. 182].

Смольный институт благородных девиц был предназначен для воспитания женщин в таком духе, которые бы, в свою очередь, воспитали бы таким же образом своих детей, в результате чего общество бы смогло преобразоваться и стать более цивилизованным [1, с. 5].

С подачи И.И. Бецкого был разработан «Устав воспитания двухсот благородных девиц», согласно которому в институт требовалось принимать девочек в возрасте не старше пяти-шести лет [2, с. 3]. Этот возраст предполагал, что девочки еще не были испорчены невежественной окружающей средой [1, с. 4].

Обучение в Смольном институте должно было длиться не менее двенадцати лет [5, с. 103]. В течение этого времени девочкам следовало жить в институте, практически не видя своего родного дома и семьи. Такая изоля-

ция воспитанниц была одной из наиболее важных составляющих образовательной программы И.И. Бецкого [4, с. 103].

Кроме того, в основу программы воспитания благородных девиц были положены четыре составляющие – «физическое воспитание», физико-моральное, собственно-моральное и дидактическое посредством обучения» [5, с. 103]. Физическое воспитание основывалось на предписании девочкам часто бывать на свежем воздухе и много двигаться. Физико-моральное – на воспитании в них любви к труду. Собственно-моральное – на требовании изолировать девочек от всего, что «хотя бы тень порока имеет» [5, с. 104]. Образовательная часть программы девочек включала в себя обучение воспитанниц нескольким иностранным языкам, «закону Божьему», различным видам искусств, рукоделию, истории, географии, опытной физике. Однако в институте образованию отводилась лишь второстепенная роль. На первое место всегда ставилось воспитание [5, с. 105].

Таким образом, Смольный институт благородных девиц, учрежденный Екатериной II, явился принципиально новым для своего времени учебным заведением, что не только положило начало возникновению государственной системы женского образования, но и явилось непосредственной реализацией идей императрицы Екатерины II и ее сподвижника И.И. Бецкого по воспитанию «нового человека».

Библиографический список

1. Белоусов А.Ф. Институтки // Институтки: Воспоминания воспитанниц институтов благородных девиц. М.: Новое литературное обозрение, 2001. С. 5-32.
2. Бецкой И.И. Устав воспитания двухсот благородных девиц учрежденного Ее Величеством Государынею Императрицею Екатериною Второю, Самодержицею Всероссийскою Материю Отечества, и прочее и прочее и прочее. СПб., 1764.
3. Данилова А.М. Благородные девицы. Воспитанницы Смольного института. Биографические хроники. М., 2004.
4. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре (XVIII – начало XX века). СПб.: Азбука, 2017.
5. Перова Н.И. Смолянки, мариинки, павлушки... бестужевки. Из истории женского образования в Санкт-Петербурге. СПб.: Петрополис, 2007.
6. Стародубцев М.П. Взгляды Екатерины II на воспитание «Новой породы» дворянства как основа образовательной политики // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2014. № 164. С. 180-189.
7. Фанталов А.Н., Малязина М.А. Номо novus и деятельность И.И. Бецкого на ниве российского Просвещения // Вестник Шадринского Государственного Педагогического университета. 2019. № 3 (43). С. 161-166.

**ВКЛАД КУПЕЧЕСТВА В ФОРМИРОВАНИЕ
ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОСТРАНСТВА БАЙКАЛЬСКОЙ СИБИРИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.**

Во второй половине XIX – начале XX вв. города Байкальской Сибири (Иркутской губернии и Забайкальской области) становятся центрами формирования художественного пространства. Участниками этого процесса становились не только художники, но и коллекционеры, которые были связаны с искусством.

Историю формирования коллекций сибирского купечества во второй половине XIX – начале XX вв. изучали многие исследователи. По данной теме известны научные труды А.Д. Фатьянова, Ю.П. Лыхина, В.П. Шахерова, Т.В. Паликовой, Е.С. Манзыревой и других [4, с. 15; 5; 6, с. 73; 7, с. 12; 8, с. 5; 9].

Купечество участвовало в художественных мероприятиях и поддерживало общественные организации. Большие вложения вносились в научные экспедиции и просветительскую деятельность Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества (далее – ВСОИРГО). ВСОИРГО организовывало следующие художественные мероприятия во второй половине XIX – начале XX вв.: сельскохозяйственная выставка в Иркутске в 1868 г., антропологическая выставка в Москве в 1879 г., всемирная выставка в Париже в 1898 г., Нижегородская всероссийская выставка в 1896 г., выставка костюмов бурят в 1903 г., художественные выставки картин в 1909, 1910, 1912, 1913 гг. под руководством Р.С. Пророкова и т.д.

Источники сообщают нам о том, что с первого дня Рождества в 1908–1909 гг. в залах музея ВСОИРГО проходила выставка картин художника В.Д. Вучичевича. Городскому обществу Байкальской Сибири было представлено 70 работ – «почти исключительно видов сибирской природы». Она получила большие положительные отзывы, за две недели ее посетило более 1200 человек. 25 картин было куплено. Оставшиеся непроданными работы В.Д. Вучичевич намеревался выставить в Пасхальные дни в г. Красноярске [1].

Также документы сообщают нам о том, что возникали и трудности в организации отдельных мероприятий: не хватало помещений, денежных средств и т.д. Так сохранились записи об отказе и о разрешении в проведении мероприятий. В качестве примера можно привести заявление от члена отдела ВСОИРГО Руфима Самойловича Пророкова от 11 марта 1904 г.: «Несколько художников любителей обратились ко мне с просьбой возбудить ходатайство о разрешении им выставить в помещении музея на пасхальные недели масляные и акварельные картины для обозрения публики,

считали, чтобы входная плата на выставку шла в пользу отдела, а необходимые расходы по устройству ее (отдела) принять на свой счет. Находя искание должны стороны желательного устройства этой выставки имею честь внести этот вопрос на рассмотрение Распорядительного комитета» [2]. Также о разрешении на организацию художественной выставки отражено в письме ВСОИРГО от Владимира Дмитриевича Вучичевича-Сибирского: «Восточно-Сибирский отдел Императорского Русского Географического общества имеет честь почтительнее просить Ваше Высокопревосходительство разрешить устройство выставки картин художника Владимира Вучичевича-Сибирского в здании музея, от 25 декабря с. г. по 7 января 1915 г., сбор с посетителей которой, за исключением ста рублей, назначаемых на приспособление зала, печатание афиш и пр., назначено г-м Вучичевичем, в равном долями, в пользу отдела и местного общества изучения Сибири» [3].

Стоит отметить, что Иркутские, Верхнеудинские, Нерчинские купцы привозили из Франции, Китая и других регионов разные предметы, которые носили особую ценность. Коллекции В.Н. Баснина (1799-1876), А.М. Сибирякова (1849-1933), В.П. Сукачева (1849-1920), М.Д. Бутина (1835-1907) пополнялись редкими тканями, полотнами, рисунками, эскизами, статуэтками и украшениями.

Таким образом, во второй половине XIX – начале XX вв. сибирские коллекционеры участвовали в важном художественном процессе, в формировании представлений жителей Байкальской Сибири о предметах изобразительного искусства. В данный период живописные собрания становились объектами сосредоточения внимания жителей региона.

Исследование проведено при финансовой поддержке гранта Иркутского государственного университета для молодых ученых № 091-21-322 «Художественная жизнь в городах Байкальской Сибири второй половины XIX – начала XX вв.: история и особенности развития».

Библиографический список

1. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 293. Оп. 1. Д. 227. Л. 5.
2. ГАИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 227. Л. 5.
3. ГАИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 282. Л. 20.
4. Лыхин Ю.П. Художественная жизнь Иркутска (первая четверть XX века). Иркутск : Архитектур.-этнограф. музей «Тальцы», 2002. 334 с.
5. Манзырева Е.С. Развитие художественной культуры в городах Восточной Сибири (XIX – начало XX вв.) // Вестник Восточно-Сибирской государственной академии культуры и искусств. 2014. № 2 (7). С. 18–22.
6. Паликова Т.В. Культура городов Прибайкалья (вторая половина XIX века – 1917 год). Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета. Ч. 1., 1999. 118 с.
7. Фатьянов А.Д. Судьба сокровищ. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1967. 112 с.

8. Фатьянов А.Д. Художники, выставки, коллекционеры Иркутской губернии. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1995. 192 с.

9. Шахеров В.П. Кулеческие библиотеки в культурном наследии Иркутска // Историко-экономические исследования. 2021. Т. 22. № 3. С. 518–528.

Ю.О. Ивченко

Санкт-Петербургский государственный университет

ОРГАНИЗАЦИЯ РАСПОРЯДКА ДНЯ РЕБЕНКА В ДВОРЯНСКОЙ СЕМЬЕ КОНЦА XIX В. (НА АРХИВНЫХ МАТЕРИАЛАХ СЕМЬИ А.В. ПОЛОВЦОВА)

До сих пор не угасает интерес к вопросам повседневной жизни, домашнего обучения и воспитания. Исследование построено на неопубликованных, не введенных в научных оборот архивных материалах семьи Анатолия Викторовича Половцова, в частности, детских дневников его дочери, Ксении, которые имеют большую ценность для реконструкции повседневной жизни дворянских детей конца XIX в. [4, оп. 1. д. 2035-2042].

Отметим, что к концу XIX в. родители стремились не только обеспечить детей образованием, но и развивать естественные способности, привить определенные навыки и умения, которые помогли бы сориентироваться и самостоятельно определиться в будущем с выбором жизненного пути. Модель воспитания была связана с обучением. В возрасте 7-11 лет детей отправляли в учебные заведения, пансионы [1, с. 122]. Если родители решали оставить своих детей на домашнем обучении, то необходимо было восполнить базовый набор знаний, который требовался в том заведении, куда собирались отправить ребенка учиться [4, оп. 1. д. 2041. л. 17]. Таким образом, родители самостоятельно регулировали вопрос обучения своих детей. В свою очередь, программа, разработанная Анатолием Викторовичем, давала возможность сформировать идейные ценности личности ребенка. Действительно, нельзя не согласиться, что «цели и качество обучения зависели не только от учителей, но и от состоятельности семьи, от ее духовной направленности» [2, с. 87].

Сохранилась важная для реконструкции распорядка дня записка отца, Анатолия Викторовича, в которой расписаны часы и занятия детей [4, оп. 1. д. 2039]. После подъема детей приглашали на утренний час, завтрак был либо до 12, либо с 12 до 13 ч. Начало занятий было определено с 9:30 до 17 часов [4, оп. 1. д. 2039. л. 3]. Учебный процесс длился шесть дней, с понедельника по субботу. В разные дни прогулка намечалась с 11 до 13, с 13 до 14. Обед был достаточно поздним, около 17-18 часов. После этого время должно было тратиться на чтение, приготовление уроков [4, оп. 1. д. 2039. л. 2-5].

В процессе исследования был сделан вывод о том, что своеобразными маркерами времени для ребенка стали приемы пищи (события упомина-

лись «после завтрака», «после обеда» и т.д.). Для детей эти приемы пищи были не просто временем своевременного употребления *горячей* еды, а определенным «церемониалом», наделенным особым смыслом [3, оп. 1. д. 1571].

Расписание занятий могло меняться и не было строгим. Для нас интересна запись, где отец в каждый час отметил времяпровождение детей (запись, к сожалению, не датированная). В 8-8:30 дети должны были вставать, одеваться и молиться. С 8:30 до 9:00 ч. дети проводили свободно, занимались своими делами. С 9 до 10 ч. отмечено время как «дневник с папой». Дневник был частью образовательной программы. Ксения должна была научиться выражать свои мысли и писать грамотно, поэтому первые дневники проверялись отцом, о чем свидетельствуют пометы на полях [4, оп. 1. д. 2037. л. 12]. Анатолий Викторович по утрам изначально сам занимался с детьми, давал базовые сведения по географии, арифметике, грамматике и истории (затем эти функции были переданы фройляйн) [4, оп. 1. д. 2037-2041]. В 10-11 часов (или 10:30-11:30 ч.) дети занимались французским и немецким языками с гувернантками, приходящими на дом [4, оп. 1. д. 2038]. Затем следовала прогулка, а с 13 до 14 ч. проходили уроки рисования или музыки, а позже добавились гимнастика, танцы [4, оп. 1. д. 2037-2038]. На 14–15 ч. иногда приходился обед, чай. Необходимо отметить, что отцом выделялось время на «игры, отдых» с 15 до 16 ч. Затем час отводился на музыку, час (17–18 ч.) снова на игры, тем самым подчеркивалась возросшая за XIX в. рекреационная функция семьи [4, оп. 1. д. 2039].

Вечер отводился на совместное времяпровождение, где дети могли с родственниками заниматься чтением книг, в том числе на исторические и географические темы, часто устраивались музыкальные вечера, поэтому отец отвел время 18–20 ч. на музыку и пение. В 20–21 ч. проводился ужин. После этого дети отправлялись ко сну [4, оп. 1. д. 2039]. В дневниках Ксении часто встречается, что родители разрешали подзадержаться в гостях или же могли разрешить детям до 23 ч. заниматься своими делами, часто дети ложились спать, когда уходили гости [4, оп. 1. д. 2038. л. 13 об.].

В выходные дни и в свободное от обучения время семья часто гуляла, посещала зоопарк, ботанический сад, выставки, музеи, музыкальные концерты и театры, таким образом, родители старались организовывать досуг детей, включая просветительские, культурно-образовательные прогулки. Игры также стали формой совместного семейного времяпровождения. Анатолий Викторович и Екатерина Николаевна Половцовы хотели воспитать разносторонне развитых личностей, привлекали к разнообразной деятельности (в том числе и по дому, в летнее время – в саду имения) [4, оп. 1. д. 2036-2042].

Подводя итоги, подчеркнем, что 7-летний возраст был своеобразным рубежом и служил начальной точкой для усвоения детьми учебного материала. Распорядок детей был тщательно распланирован отцом Ксении.

Первоначальные учебные занятия включали в себя: языки, грамматику, арифметику, географию, историю, священную историю, рисование, музыку, гимнастику/танцы. Семейный уклад Половцовых сформировал организацию жизни всех членов семьи, а также систему ценностей, которая наметила определенные координаты и ориентиры в воспитании и образовании детей.

Библиографический список

1. Веретенко В.А. Дети в дворянских семьях России (вторая половина XIX – начало XX в.). СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2015.
2. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб.: Искусство СПб, 1994.
3. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 601.
4. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1654.

А.А. Кондина

Самарский национальный исследовательский университет

ЖИВОПИСНОЕ ТВОРЧЕСТВО К.П. ГОЛОВКИНА

Научная новизна темы определяется тем, что несмотря на наличие многочисленных работ о жизненном пути и разных сторонах деятельности выдающегося самарца К.П. Головкина, изучение его личного художественного творчества представлено в самарской историографии скромно. Исходя из этого, целью данной работы является систематизация и углубленное изучение живописного творчества и художественного наследия К.П. Головкина.

В качестве источников были использованы воспоминания В.П. Акимова [5], Г.П. Подбельского [6], дочери художника Е.К. Головкиной-Овчинниковой [7].

Константин Павлович Головкин был самоучкой в живописи, но это не значит, что картины и этюды его кисти не были прекрасным творением.

Тематику картин Головкина чрезвычайно разнообразна. [6, с.117]. В первую очередь, Головкина недаром называли певцом Волги. Большая часть его работ посвящена этой могучей реке. Он изображал Волгу и все связанное с ней в разные времена года и в любую погоду. [8, с.15].

Черты волжского раздолья прекрасно воспринимаются в картине «Жигули. У переправы». Увлеченный бескрайними волжскими просторами, Головкин редко писал пейзажи без изображения великой реки. Их насчитывается около десятка. Это картины: «Последний снег. Осокори», «Зимнее солнце», «Ветряные мельницы», «Серый день в лугах», «Дождь» [2, с.25].

Автор стремился передать разные состояния реки. У него есть Волга в сильный ветер («В ветер на Волге», «Волга с беляками»), но чаще Волга в его работах пребывает в спокойном, задумчивом состоянии. Головкин иногда пишет ее на рассвете или закате, пытаясь передать световые эффекты. Волга выступает как дарительница жизни и смысла [1, с.38].

«Волга у Жигулевских гор» из Музея-усадьбы Батюшковых в деревне Даниловское Устюжского района и «Рыбаки на Волге», несмотря на то, что это фотографии, в них просматриваются черты лирической настроенности. Поэтическое осмысление пейзажа можно встретить и в жанровых полотнах, хотя в них нельзя не заметить определенного влияния фотографии, которой художник активно занимался [8, с.17].

Будучи пейзажистом, Головкин в своем творчестве не избегал и социальной тематики. Несколько больших полотен маслом были посвящены теме труда простого человека, например, «Мальчик – каменотес», «Бурлаки на Волге», «Грузчики», «Рыбаки с неводом», «Сушка и починка сетей» и другие. И вновь все эти картины имели фоном Волгу. Кто-то из друзей живописца однажды сказал, что репинским бурлакам на Волге нужна головкинская Волга.

Картины К.П. Головкина были популярны, его живопись нередко покупалась людьми, понимающими и ценящими искусство. Несколько полотен приобрел коллекционер фон Вакано, были картины в семье потомков Батюшкова, в доме известного доктора Заводчикова, висели в помещении Волжско-Камского банка, в Кинельском сельскохозяйственном техникуме [3, с.23].

Нередко среди обширного изобразительного материала выявляется последовательно развивающаяся интрига с каким-нибудь особо полюбившимся художнику волжским объектом – например, перевалочным столбом, наделенным в волжской системе ценностей особой коммуникативной, сигнальной миссией. Так, полотну «У перевалочного столба», экспонировавшемуся на VIII выставке самарских художников в 1899 году, предшествуют сохранившиеся в собрании акварель – «Сигнальный столб в Жигулях» и масляный этюд – «Семафорная мачта» [2, с.41].

Принято считать, что за период с 1891 по 1916 год Головкин написал около 170 картин и представил их на ежегодных выставках самарских художников. Каталоги свидетельствуют о том, что он иногда выставлял и по двадцать с лишним произведений одновременно. Как известно, в настоящее время в собрании Самарского художественного музея хранятся пять, а в музее имени Алабина – одна картина Головкина. В Саратовском художественном музее имени Радищева, Вольской картинной галерее, Бузулукском и Устюженском краеведческих музеях – по одной. Одна – в собрании потомков Н.Д. Батюшкова в Санкт-Петербурге (по крайней мере, находилась там до 1970-х гг.). Таким образом, по большей части о картинах Головкина мы можем судить, в основном, по сохранившимся черно-белым репродукциям.

Но есть и другая часть художественного наследия Головкина, относительно хорошо сохранившаяся и доступная для изучения. Речь идет о собрании его этюдов и графических работ за период с начала 1890-х до середины 1920-х годов, основу которого составили альбом этюдов (50) и папка набросков (365), подаренные художником самарскому музею. Позже, в семидесятые годы, к ним добавились и произведения Головкина, поступившие в коллекцию из собрания его дочери, Е.К. Головкиной-Овчинниковой [1, с. 32].

Если говорить об этюдах, то в них Головкин колеблется между документально точной фиксацией особенностей конкретного ландшафта, различных граней волжской специфики и желание отразить лирические переживания природы, передать ее внутреннее состояние. Из наиболее удачных работ можно выделить: «Баржи на реке» (1895); «Волга во время ледохода» (1897); «Поляна весной» (1896); «Рожь» (1897); «У опушки леса» (1907). Здесь есть целостность, настроение, заявлена глубина природной жизни. В одних этюдах автор приближается к холодной, серебристо-зеленоватой манере К.Я. Крыжицкого, в других (в 1900-е гг.), под влиянием мастеров «Союза русских художников», работает в теплой, пленэрной тональности.

Если проанализировать работы Головкина, то создается впечатление, что в творчестве он соприкасается с немецкой художественной ментальностью. В них есть сочетание фактологической сухости деталей и общего романтически приподнятого восприятия мира как «вещи в себе» [2, с. 40].

Таким образом, Константин Павлович оставил после себя богатое личное художественное наследие, состоящее из немногих сохранившихся картин, репродукций, этюдов и набросков. Безусловно, художественное наследие Головкина является уникальным, так как на нем изображены пейзажи нашего края, в которые живописец вложил свою душу. И конечно, оно требует дальнейшего изучения со стороны искусствоведов, историков и широкой популяризации.

Библиографический список

1. Алексушина Т.Ф. Коллекционеры старой Самары. Самара, 2005.
2. Володин В.И. Возвращаясь к Головкину. Самара, 2008.
3. Володин В.И. Из истории художественной жизни города Куйбышева. Конец XIX – начало XX века. М., 1979.
4. Володин В.И. Коммерсант и художник. // Волжская заря. 10 декабря. 1991.
5. Воспоминания В.П. Акимова «Рядом с художниками» // Володин В.И. Возвращаясь к Головкину. Самара, 2008.
6. Воспоминания Г.П. Подбельского «Художник-любитель» // Володин В.И. Возвращаясь к Головкину. Самара, 2008.
7. Головкина-Овчинникова Е.К. Об отце // Волжская заря. 10 сентября. 1992.
8. Едилович Л.В. Гражданин Самары Константин Павлович Головкин: Летопись жизни. Самара, 2007.

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЖЕНЩИН-ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ САМАРЕ

Издавна на Руси сложилась традиция безвозмездной помощи нуждающимся. Большинство крупных купцов владели промышленными предприятиями, главным образом по обработке сельскохозяйственной продукции, крупными земельными участками, которые сдавались в аренду крестьянам. Неписанным правилом для Самарского купечества во второй половине XIX – начала XX вв. была различного рода благотворительность [2, с. 10]. Часто на фоне громких мужских имен забываются не менее выдающиеся имена женщин, которые смогли не просто сохранить и приумножить свои капиталы порой практически самостоятельно, но и жертвовать большие суммы нуждающимся. В этой связи благотворительная деятельность женских предстательств купеческих династий нуждается в дальнейшем изучении.

Династия Курлиных – одна из самых известных купеческих семей в Самарской губернии. Одной из первых в этом роду среди женщин благотворительностью стала заниматься Мария Захаровна Курлина. Она состояла постоянным членом правления Самарского общества Красного креста и очень часто перечисляла на помощь нуждающимся большие суммы денег. Желая увековечить память о сыне, Мария Захаровна внесла пожертвование Самарскому обществу поощрения образования 13 тысяч рублей для учреждения особой стипендии. Некоторая часть средств из этой суммы была отдана не только отличившимся слушателям, но и для бедных учащихся Самарской гимназии, которые не были освобождены от уплаты за обучение [1].

Варвара Курлина в течение сорока лет была членом множества благотворительных обществ, например, член попечительства Императрицы Марии Александровны о слепых, общества Красного креста в Самаре, Мариинского приюта и Николаевского сиротского дома.

Однако большую известность получила Александра Курлина, которая стала опекуном своего супруга, когда его здоровье резко ухудшилось, и он был положен в больницу для душевнобольных. Это стало причиной огромных пожертвований, которые выделяла Александра для этого заведения. На ее средства на территории больницы было построено особое отделение для высоко почтенных больных, в одной из палат которой и лежал ее муж. К сожалению, это не помогло ему выздороветь, и в 1914 году он умирает. Она также состояла в попечительстве детских приютов, училища для слепых [1].

Одной из самых известных благотворительниц дореволюционной Самары – была вдова купца первой гильдии Алексея Николаевича Шадрин – Ольга Васильевна. Получив огромное наследство, она полностью ушла в

благотворительность, состояла в попечительском совете комитета «Самарской общины сестер милосердия императорского высочества в.к. Ольги Николаевны», была почетным членом Самарского губернского попечительства детских приютов и попечителем Самарского общества попечения о бедных и Мариинского приюта для детей военных. Например, в 1912 году она на свои средства выстроила отделение больницы со всем необходимым оборудованием на 7 коек [3].

Мария Кондратьевна Санина открыла бесплатные столовые для бедняков, общая стоимость которых составляла около 170 тыс. рублей [4, оп.2, д.130, л. 20]. В 1912 году ей разрешили на собственные средства построить храм старообрядческой церкви белокринцкого толка. Также ею были открыты множество приютов для бедных. В годы Первой Мировой войны Мария стала одним из активнейших членов Самарской общины сестер милосердия, основной целью которых было оказание помощи пострадавшим солдатам и инвалидам. Много средств было пожертвовано ею городским больницам и госпиталям.

Хотя революция уничтожила самарское купечество, память о их меценатстве и бескорыстной помощи нуждающимся до сих пор живет в истории Самары. А многие самарские женщины смогли не только вдохновить своих мужей на благотворительность, но и сами порой претворяли в жизнь грандиозные проекты.

Библиографический список

1. Ерофеев В. Курлины, купеческий род// Историческая Самара: [сайт] — URL:<https://историческая-самара.рф/каталог/самарская-персоналия/к/курлины,-купеческий-род.html> (Дата обращения 07.10.2021)
2. Казанцева С.Г. Благотворительность как форма ответственного бизнеса самарских предпринимателей в конце 19 — начале 20-ого века // Основы экономики, управления и права, 2012. № 4.
3. Самарская благотворительница Шадрина// Блог Самарских краеведов: сайт. 2012. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kraeved-samara.ru/archives/296> (дата обращения 07.11.2021).
4. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. 465.

Т.Г. Бузаева

Самарский государственный институт культуры

«УНИВЕРСИТЕТСКОЕ БРАТСТВО» В САМАРЕ ЭПОХИ ВЕЛИКИХ РЕФОРМ

6 декабря 1850 г. был издан указ об открытии с 1 января 1851 г. новой Самарской губернии [8, с. 90]. В ее городах в первой половине и середине XIX в. были созданы начальные уездные и приходские училища в Ставро-

поле, Бузулуке, Бугуруслане, Самаре, Николаевске, Бугульме и Новоузенске [1, с. 45]. В губернской Самаре открылись средние учебные заведения для мальчиков (гимназия в 1856 г.) и девочек (женское училище 1-го разряда в 1859 г.) [3, с. 253, 260].

Высших учебных заведений в губернии не было. Однако подчеркивая престиж университетского образования, и поощряя молодых людей к его получению, выпускники высших учебных заведений, проживавшие и служившие в Самаре, организовали 19 февраля 1859 г. «первый университетский праздник» в городе, о чем подробно рассказала местная газета 11 апреля того же года [6].

Цель нашего исследования – показать этот праздник как составную часть общественной жизни предреформенных лет. Объективно ее активизация была обусловлена общероссийскими процессами, но в Самаре она также стимулировалась пребыванием на посту начальника губернии с 1853 по 1860 гг. К.К. Грота [7, с. 248]. Человек прогрессивных убеждений, он поддерживал объединение усилий общества и властей губернии в разных сферах, особенно народного образования и культуры.

19 февраля 1859 г. отмечалась 4-я годовщина востшествия Александра II на престол. В Самаре в зале Дворянского благородного собрания собрались 56 выпускников Петербургского, Московского, Казанского и еще четырех университетов России. Увеличение числа образованных людей в Самаре было заслугой К.К. Грота – воспитанника Царскосельского лицея, который приглашал на службу талантливую и деятельную молодежь. В этом и других начинаниях его поддерживал вице-губернатор Г.С. Аксаков, выпускник столичного Училища правоведения, а в будущем и сам губернатор в Уфе и Самаре [4, с. 409, 411].

На встрече, помимо самих выпускников, которые служили в органах управления и юстиции, медицинских учреждениях, училищах и гимназиях, присутствовали почетные гости. Ими были бывший профессор Казанского университета Г.С. Суворцев, почетный попечитель гимназии С.П. Шелашников, бывший директор гимназии А.П. Пономарев и губернатор К.К. Грот [5, с. 229].

Среди участников был публицист, философ, историк, литературный критик Ю.Ф. Самарин. Как знаток крестьянского вопроса, был включен новым императором Александром II в состав Самарского губернского комитета по разработке Положения об улучшении быта помещичьих крестьян, а затем работал в Петербурге в составе Редакционных комиссий по составлению главных документов Крестьянской реформы. Также на празднике присутствовали управляющий Самарской палатой государственных имуществ Д.С. Протопопов, основатель археологического отдела Тверского музея А.К. Жизневский, основатель кумысолечебницы доктор медицины Н.В. Постников, другие представители «просвещенной бюрократии» и интеллигенции [5, с. 229-330].

За одним праздничным столом собрались высшие губернские должностные лица, учителя, врачи, работники юстиции. Не только воспоминания студенческой молодости собрали этих людей. Один из присутствующих, А.А. Шишков так говорил о цели собрания: «Мы собрались попить, но не так, как пировали прежде, не еда и не хмель нас не свели. Нас свело пробудившееся недавно чувство мысли, раскованной с недавнего времени... Всех занимающий вопрос – освобождение России от крепостного права...» [5, с. 228]. Шишков, как и Самарин, активно участвовал в подготовке Крестьянской реформы, оба они занимали либеральные позиции.

Встреча длилась четыре часа. Участниками произносились речи и тосты, в которых звучали слова благодарности профессорам и ректорам университетов, подтверждались идеалы студенческой поры – честного и самоотверженного служения народу, выражались надежды на скорую отмену крепостного права, доступность высшего образования для всех сословий. Бывшие студенты исполняли студенческую песню на латинском языке «Гаудеамус». Участники договорились, что такие встречи будут регулярными. К сожалению, полностью эти планы не осуществились. Однако время от времени встречи бывших студентов в Самаре происходили. Итогом одного из таких университетских праздников стало создание в 1873 г. в Самаре Общества поощрения высшего образования. Это общество материально поддерживало выпускников самарских школ в стремлении учиться в университетах других городов, поскольку в родном городе этой возможности еще не было [9, с. 170]. Народное образование не могло развиваться без помощи частных лиц и добровольных ассоциаций, составлявших гражданское общество [2, с. 9–10].

Университетские праздники в Самаре стали шагами по пути его формирования. Их также можно считать мероприятиями, объединявшими сторонников преобразований в период подготовки и проведения Великих реформ.

Библиографический список

1. Артамонова Л.М. Священники-законоучители начальных школ городов Самарской губернии в середине XIX века // Двадцать первые Иоанновские чтения: материалы науч. конф. Самара, 2017. С. 43–59.
2. Артамонова Л.М. Участие провинциальной общественности и администрации в общероссийском движении по открытию воскресных школ (1859–1862 гг.): из истории становления гражданского общества в России // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2016. № 4. С. 9–17.
3. Кабытов П.С., Дубман Э.Л., Тюрин В.А., и др. История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней: монография. В 2 т. Самара, 2020. Т. 2. 2-е изд., испр. и доп. 480 с.
4. Климкина Э.В. Самарский губернатор Г.С. Аксаков в молодые годы // Национальное культурное наследие России: региональный аспект. Материалы V Всерос. науч.-практ. конф. Самара, 2017. С. 409–414.

5. Носков А.Н. Первый университетский праздник // Люди и события культурной жизни старой Самары. Самара, 2002. С. 228-236.

6. Самарские губернские ведомости. 1859. № 15. 11 апреля. Часть неофициальная. С. 112-119.

7. Смирнов Ю.Н. Переход с охранительных на реформистские принципы устройства Самарской губернии в первое десятилетие ее существования: губернаторы С.Г. Волховский и К.К. Грот (1850-е гг.) // Модернизация культуры: порядки и метаморфозы коммуникации. Материалы III Международной научно-практической конференции. Самара, 2015. Ч. 1. С. 246-253.

8. Смирнов Ю.Н. Политика освоения Заволжья и организация управления его территорией в XVIII – первой половине XIX веков (основные этапы) // Вестник Самарского государственного университета. 1997. № 1. С. 75-92.

9. Средняя Волга и Заволжье в процессе развития российской цивилизации и государственности (вторая половина XVI – начало XX вв.): учеб. пособ. / под ред. П.С. Кабытова, Э.Л. Дубмана, О.Б. Леонтьевой. Самара, 2013. 384 с.

М.В. Алпатов

Пензенский государственный университет

ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ ГОРОДСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ: ПЕНЗА В 1917 Г. (ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ)

Крушение имперской государственности предопределило радикальные изменения привычных форм и практик жизнеустройства рядовых участников революционной эпохи. В этих обстоятельствах меняются базовые характеристики повседневности, естественный фон уступает место экстремальному. Определяя экстремальность в контексте «феномена края» [3], необходимо учесть предельное состояние психологического напряжения, спровоцированное скачкообразными, а, на некоторых этапах, и галопирующими изменениями, угрожавшими не просто нормальности жизненного мира, но физическому существованию личности.

Основными источниками по изучению экстремальной повседневности, позволяющими реконструировать обыденную реальность в трехмерном измерении: власть – социум – человек, выступают: делопроизводственная документация местных властей, материалы периодической печати и источники личного происхождения. Хронотоп ключевых событий, формирующих основные грани рутинных каждодневных практик, буквально по дням воспроизведен в региональных печатных изданиях – Пензенских губернских ведомостях, Вестнике Пензенского губернского Исполнительного комитета и комиссариата, Известиях рабочих, крестьянских и военных депутатов. Появление новых периодических СМИ само по себе отражало трансформацию политической и гражданской идентичностей населения губернского города, медленно, но неуклонно погружавшегося в хаос анархии.

Предчувствие перемен крылось в нарушении транспортного сообщения, блокировке жизненного пространства, в нарастающей автаркии. Так, по сообщениям СМИ, с 1 февраля из-за неблагоприятных погодных условий на юге и юго-востоке страны практически остановилось движение пассажирских и товарных поездов на Московско-Курской, Рязано-Уральской и др. железных дорогах. Расчистка заносов и нормализация сообщения растянулась до начала марта [4, № 26, 35].

«Краем» обывательского спокойствия к весне 1917 г. становятся базары, а точнее места торговли хлебом. К марту в Пензу и крупные торговые села полностью прекратился подвоз важнейшего в структуре жизнеобеспечения товара – ржи и ржаной муки. Пензенский губернатор А.А. Евреинов в своем обращении призвал держателей хлеба срочно продать излишки, пригрозив реквизициями и понижением твердой цены [4, № 46].

Временной отсчет начала революции в Пензе приходится на вечер 1 марта 1917 г. Отметим при этом, что первая оценочная реакция СМИ последовала лишь 4 марта. «Весть о государственном перевороте дошла до г. Пензы вечером 1 марта при чем местные граждане узнали о нем из телеграмм Председателя Государственной Думы. Телеграммы эти, между прочим, раздавались в городском общественном театре, где давали первое представление «Касатки» гр. Толстого и по мере появления, расхватывались публикой и жадно читались ею» [4, № 49]. «Революция по телеграфу» вызвала резкую активизацию уличной массовой активности и роста социальной агрессии: 5 (6) марта толпа солдат забила до смерти начальника Пензенского гарнизона генерала-майора М.А. Бема [5, с. 4]. Организация власти виделась через формирование широкого представительства: «временный исполнительный комитет в составе 5 членов от города, 5 членов от Губернского земства и по 1 члену от каждой из существующих организаций просветительских и рабочих» [4, № 50]. И, тем не менее, можно отметить, что шоковая ситуация и состояние вакуума политического пространства в российской провинции сохранялись до 10 марта. Первым решением новых революционных властей и завершением начальной стадии революции стало объявление 10 марта «праздником завоевания Русским народом свободы и днем памяти павших борцов русской революции» [4, № 54].

Три весенних месяца городское пространство формировалось экстремальными практиками стихийного массообразования, объединявшими в себе социальную агрессию и масленичные гуляния. Пенза оказалась во власти толпы. Так, митингующую стихию, широко разлившуюся от исторического центра города – Соборной площади вниз до привокзальной Ярмарочной площади 1 мая 1917 г. отличал «образцовый порядок, «отпечаток торжества социализма» [2, № 2]. А 22 мая произошла кровавая расправа над капитаном Жигаревым, позволившим себе сделать замечание праздно шатавшимся солдатам [5, с. 5].

Еще одним признаком экстремальной повседневности становится полное пренебрежение к санитарным нормам, к привычной обустроенности

жизни: требования («просьбы») городских властей привести дворы и тротуары в порядок нарочито грубо игнорировались [1, № 48].

Отголоском Корниловского мятежа и новым форматом организации пространства и времени в российской глубинке стало введение военного положения в Пензенской губернии («в связи с восстанием генерала Каледина на Дону»). В городах запрещались всякие собрания и митинги на улицах и площадях, время работы увеселительных заведений ограничивалось 11 часами вечера [1, № 89]. Как известно, решение было запоздалым, и ограничить рост погромных настроений ни в Пензе, ни в уездах не удалось. По сообщениям Вестника Пензенского Губернского Исполнительного Комитета и комиссариата от 28 октября 1917 г. «Погромное движение охватило уезды губернии. Так, в Наровчатском уезде нетронутыми остались лишь 10 имений, все остальные разгромлены в большей или меньшей степени. Есть убитые и раненые» [1, № 110]. Этот же день можно считать завершением «революции по телеграфу» в Пензе: в этом же номере Вестника была опубликована телеграмма Временного правительства от 26 октября о штурме Зимнего дворца, заканчивавшаяся словами: «Первое нападение на зимний дворец в 10 часов вечера отбито» [1, № 110]. Наступило время самоорганизации экстремального хронотопа в новом политическом оформлении.

Библиографический список

1. Вестник Пензенского губернского Исполнительного комитета. 1917.
2. Известия рабочих, крестьянских и военных депутатов. 1917.
3. Магомед-Эминов М.Ш. Феномен экстремальности // Вестник СПбГУ. Сер. 12. 2010. Вып. 1. С. 28-38.
4. Пензенские губернские ведомости. 1917.
5. Сухова О.А. Право на насилие: российское крестьянство в революции 1917 г. (по материалам Пензенской губернии) // Центр и периферия (Саранск). 2016. № 2. С. 4-10.

Е.О. Попович

Казанский (Приволжский) федеральный университет

«НЕВЫЯВИВШЕЕСЯ ПОКОЛЕНИЕ»: ОПЫТ ВОСПИТАНИЯ НОВОГО ЧЕЛОВЕКА В ДЕТСКИХ ДОМАХ ТАССР В 1920–1924 ГГ.

Одной из сложнейших задач, решение которых, по сути дела, знаменовало бы собой завершение строительства коммунизма, признавалось воспитание нового человека. Ее трудность опосредовалась тотальным характером семейного воспитания, мешавшего людям будущего позитивно воспринимать большевистские проекты. Поэтому задача вырвать ребенка из буржуазной семьи, разглагольствования о которой внушали коммунистам

лишь отвращение [8], ставилась во главу угла всего воспитательного процесса. Но к концу Гражданской войны на просторах России оказались миллионы детей, вырванных из социально-семейных связей. Молодое советское государство получило уникальную возможность самостоятельно воспитывать из своих малолетних граждан образцовых «людей нового типа». Однако, как изящно выразилась нарком государственного призрения и автор теории стакана воды: «Старое – негодно, новое еще не выявляется» [5]. Намерение сформировать субъекта социальной трансформации было прокламировано в новой программе партии лишь в 1919, поэтому утверждение концептуальных подходов и создание инфраструктуры на основе педагогических воззрений идеологов марксизма явно отставало от темпов прироста числа беспризорников, а основными экспериментальными площадками становятся детские дома и детские колонии [4].

Если в имперское время на всю Казань приходится три детских дома, то на территории ТАССР в 1920-е годы их создается более двух десятков. Создаются и распределительные пункты, но в 1924 году остается лишь один распределительный пункт, который не справляется со своими функциями [3, оп. 1. д. 32]. В среднем, в каждом детском учреждении в Татарстане воспитывалось от 80 до 130 человек, но их число могло достигать и трех сотен [2, оп. 1. д. 3. л. 1].

Реализацию большевистского проекта в ТАССР осложнялась голодом в Поволжско-Уральском регионе. В 1921 году из ТАССР было эвакуировано 12 796 человек. Реэвакуация, начавшаяся осенью 1922, к маю 1924 года вернула в ТАССР 9 000 детей, что грозило обернуться крахом структуры социальной помощи. Число детей, все еще нуждавшихся в помощи, в 1924 году составляло приблизительно 60 % от общего числа детей» [3, оп. 1. д. 732. л. 3]. Большинство детей в детских домах – крестьяне, более половины – круглые сироты. В детских домах воспитывались русские, крышени, татары, марийцы в различных соотношениях (как правило, доминировали русские и татары).

Важнейшую роль в деле воспитания беспризорников играл штат детских домов и трудовых колоний. Он состоял из молодых сотрудников [3, оп. 1. д. 34. л. 3], находился в тяжелом материальном положении [3, оп. 1. д. 34. л. 4], отчего отмечалось расхищение имущества детских домов заведующими и штатом [7], оставление детей без присмотра [3, оп. 1. д. 45].

В 1922 году ситуация следующая: трудовое воспитание не охватывает всех детей [1, оп. 1. д. 732. л. 3], при проведении уроков в детских домах часто не получается организовать условия для получения знаний – отсутствует освещение по вечерам [3, оп. 1. д. 99. л. 36], недостает учителей и воспитателей [3, оп. 1. д. 99. л. 16], учебников [3, оп. 1. д. 45.], классы – маленькие и неукомплектованные стульями и партами [3, оп. 1. д. 35]. Для расширения кругозора воспитанников предполагается устраивать экскурсии на природу и в культурные места города, на производство, что не всегда получается реализовать в полной мере [3, оп. 1. д. 45]. Для обучения

детей предлагаются следующие предметы: родной язык и русский язык (распределение часов в пользу второго), математика, естествознание, обществоведение, пение [3, оп. 1. д. 35. л. 6]. Среди воспитанников отмечается интерес к пионерии [3, оп. 1. д. 64. л. 4]. Предпринимаются попытки наладить среди детей театральную работу [1, оп. Зл. д. 787а. л. 4], проводятся беседы на антирелигиозные темы [3, оп. 1. д. 35. л. 6].

После перевода детских домов в 1923-м на местное финансирование, количество детских домов значительно сокращается, снабжение существующих не налаживается. Не хватает элементарных вещей: водопровода и канализации, умывальников, мест для стирки белья [3, оп. 1. д. 35], дров для отопления помещений. Такие условия способствовали развитию эпидемий, мешали организовать учебный процесс [1, оп. Зл. д. 787а. л. 85]. И хотя для помощи беспризорникам властями и равнодушными гражданами устраивались агитационные мероприятия, делались отчисления, в газете Красная Татария регулярно публикуются материалы о том, что дети бегут из детских домов [6], на улицах появляется оборванная детвора [1, оп. 1. д. 732. л. 24].

Власти Татарии к 1924-му году не была выработана единая методическая практика работы с беспризорными детьми: на страницах «Красной Татарии» ведутся рассуждения о моральной дефективности [6], а в материалах по борьбе с беспризорностью на 1924-1925 год отмечается, что «намечаемая работа по борьбе с детской беспризорностью еще до сих пор недостаточно изучена» [1, оп. 1. д. 732. л. 3]. Особенно подчеркивается необходимость выработки единой методологии [1, оп. 1. д. 732. л. 3]. Это свидетельствует о беспомощности системы государственного воспитания в деле социализации беспризорников на момент перевода детских домов на местное финансирование [1, оп. 1. д. 732. л. 3].

Хотя большевики располагали уникальными организационными возможностями реализовать самые разнообразные идеи, потенциал их исканий основывался на энтузиазме педагогов и самих воспитуемых и не мог быть реализован автономно в условиях острого дефицита всех видов ресурсов. Утопичность идеи в совокупности с крайне неблагоприятными историческими условиями, обернулась по сути дела социальной катастрофой, в результате которой структуры социалистического общества оказались заполнены асоциальными представителями маргинальных субкультур.

Библиографический список

1. Государственный архив Республики Татарстан (далее – ГА РТ.) Ф. Р-3682.
2. ГА РТ. Ф. Р-5104.
3. ГА РТ. Ф. Р-900.
4. Зорин В.А. Детдома и детское коммунистическое движение // Сборник статей и материалов II Всероссийского съезда СПОН по вопросам детской беспризорности, детского дома и правовой охраны детей и подростков. М: Отдел социально-правовой охраны несовершеннолетних, 1926.

5. Коллонтай А.М. Письма к трудящейся молодежи. Письмо первое. Каким должен быть коммунист // Молодая гвардия. 1922. № 1-2. С. 136-144.

6. Красная Татария. 1924. №10. URL: http://rt-online.ru/wp-content/uploads/2016/01/10_16.05.1924.pdf.

7. Славко А.А. Детская беспризорность в России в первое десятилетие советской власти. М.: ИНИОН РАН, 2005. 172 с.

8. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии. URL: <https://esperanto.mv.ru/Marksismo/Manifesto/manifesto.html>.

В.А. Вербовой

Самарский национальный исследовательский университет

ДУХОВНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МИТРОПОЛИТА ИОАННА (СНЫЧЕВА) В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ЕПАРХИИ В 1990–1995 гг.

Одним из важнейших направлений деятельности митрополита Иоанна стала духовно-просветительская. В Куйбышевской епархии архиерей тоже уделял много внимания этой сфере, но в Санкт-Петербурге он смог проявить себя в большем количестве направлений, чем ранее. Стоит выделить две причины активизации духовного просвещения. Во-первых, после распада СССР произошло потепление государственно-церковных отношений, вследствие чего у РПЦ появилась возможность открывать свои структуры в различных сферах общественной жизни. Во-вторых, после деидеологизации государства в обществе возникла потребность в религиозно-философских учениях, которую Церковь могла использовать в целях укрепления своего влияния.

Митрополит Иоанн продолжал личный прием большого количества людей, как делал это в Куйбышевской епархии, несмотря на серьезные проблемы со здоровьем [4]. К нему приходили люди разного социального статуса, в том числе и простые верующие, но к каждому архиерей относился одинаково внимательно. Рассматривая проблемы верующих, он отличался неформальным подходом [3, с. 504].

Владыка не ограничивался личными приемами и часто выступал на публичных мероприятиях и в СМИ. Легендарными для горожан стали ежемесячные встречи митрополита Иоанна с общественностью в Концертном зале у Финляндского вокзала [10, с. 5]. На встречах он выступал по актуальным проблемам и отвечал на вопросы слушателей. Периодически для встреч использовались и другие площадки, например, 8 апреля 1993 г. он выступал в Доме писателей [10, с. 5].

В феврале 1991 года митрополит Иоанн выступил с инициативой основания православного философско-богословского общества, одной из главных задач которого бы являлось «формирование, распространение и исследование в обществе духовно-нравственных ценностей, православной тра-

диции народа» [8]. Он поручил доктору философских наук О.Я. Бороздкиной заняться поиском учредителей общественной организации. Ими стали историк Л. Н. Гумилев, ректор Ленинградской консерватории В.А. Чернушенко, профессора Ленинградского государственного университета, другие ученые и общественные деятели [1, с. 416]. 4 июня 1991 г. общество было организовано, возглавил его сам митрополит, а секретарем была назначена О.Я. Бороздкина [10, с. 427-428]. В целях объединения вокруг общества технической и гуманитарной интеллигенции был организован цикл лекций по проблемам философии, богословия и другим дисциплинам. С первой программной лекцией выступил сам митрополит Иоанн [1, с. 428].

Логичным продолжением данной инициативы стало создание архиереем всероссийской просветительской организации – богословского отделения Петровской академии наук и искусств (ПАНИ). Основателями самой академии, помимо Иоанна, были видные представители патриотической общечеловечности: В.Г. Распутин, И.С. Глазунов, М.К. Калашников и др. [5] В состав богословского отделения также вошли многие архиереи и священнослужители, например митрополит Владивостокский и Приморский Вениамин (Пушкарь) [1, с. 416]. Будучи руководителем отделения, митрополит Иоанн инициировал слияние двух структур [1, с. 416]. Организация действует и сейчас, имеет научные региональные отделения. Создание богословского отделения ПАНИ должно было стать предпоследним шагом в формировании структуры духовно-образовательных учреждений. Архиерей планировал создание православного университета, но этот план он не успел реализовать [1, с. 428]. Уже позже, 27 ноября 1993 года, был основан первый православный детский сад в Санкт-Петербурге, ставший следующим шагом в создании образовательной системы уже на начальном уровне [7, с. 570].

По его инициативе был открыт ряд православных СМИ. Возродился журнал «Санкт-Петербургские епархиальные ведомости», начала выходить газета «Православный Санкт-Петербург», а главным достижением в этой сфере стало создание православного издательства «Царское дело» [6, с. 6].

Владыка считал важным поддерживать общественные инициативы верующих. Например, он благословил создание Братства во имя Державной иконы Божией Матери, основными целями которого были содействие открытию храмов в честь Богородицы и возрождение в обществе духа православного благочестия [9]. Отдельное внимание митрополит Иоанн уделял трезвенническому движению. В феврале 1993 года он помог развитию клуба трезвенников, назначив им духовника и дав ряд наставлений по организации работы [2, с. 508]. В том же году благословил создание Братства бодрствования во имя мученика Вонифатия [2, с. 572].

Духовно-просветительская деятельность митрополита Иоанна (Снычева) отличалась системностью и чрезвычайной активностью. Архиереем приняты шаги по созданию православной образовательной системы в Санкт-Петербургской епархии, которая была полностью выстроена, исключая одну из ступеней, которой должно было стать создание университета. Архиерей

благословил создание ряда православных СМИ и издательств, стремясь расширить влияние Церкви. Также митрополит Иоанн стал одной из самых публичных фигур РПЦ первой половины 1990 годов, часто выступая на конференциях и встречах с общественностью, в печати и по телевидению и защищая интересы Церкви.

Библиографический список

1. Бороздкина О.Я. Да будет вечным имя твое... Машинопись // Был человек от Бога... / Сост. Е.И. Душенова. СПб., 2015.
2. Михайлов В.А. Встречи с владыкой Иоанном // Был человек от Бога... / Сост. Е.И. Душенова. СПб., 2015.
3. Православный Санкт-Петербург. 1996. // Был человек от Бога... / Сост. Е.И. Душенова. СПб., 2015.
4. Пять лет с Владыкой (воспоминание игумена Пахомия (Трегулова) // Православный Санкт-Петербург. 2000. Октябрь. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravpiter.ru/pspb/n101/ta010.htm> Дата обращения: 13.11.2021
5. Об Академии // Петровская академия наук и искусств. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.петрани.рф/об-академии.html> Дата обращения: 13.11.2021
6. От редакции // Санкт-Петербургские епархиальные ведомости. Выпуск 1. [Электронный ресурс]. URL: <http://spb-eparh-vedomosti.ru/article.php?id=1> Дата обращения: 13.05.2021; Хроника // Санкт-Петербургские епархиальные ведомости. СПб., 1991. Выпуск 12. Часть 1.
7. Санкт-Петербургские епархиальные ведомости. 1992. // Был человек от Бога... / Сост. Е.И. Душенова. СПб., 2015.
8. Хроника // Санкт-Петербургские епархиальные ведомости. СПб., 1992. Выпуск 6. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://spb-eparh-vedomosti.ru/article.php?id=188> Дата обращения: 13.11.2021.
9. Хроника // Санкт-Петербургские епархиальные ведомости. СПб., 1992. Выпуск 8. [Электронный ресурс]. URL: <http://spb-eparh-vedomosti.ru/article.php?id=238> Дата обращения: 13.11.2021.
10. Хроника // Санкт-Петербургские епархиальные ведомости. СПб., 1994. Выпуск 12. Часть 1. С. 5.

А.В. Протасова

Самарский национальный исследовательский университет

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНЫХ ЗНАНИЙ В АНТИРЕЛИГИОЗНОЙ ПРОПАГАНДЕ 1920-Х ГГ. (НА МАТЕРИАЛАХ САМАРСКОЙ ГУБЕРНИИ)

После революционных преобразований, религиозные представления начали разрушаться, что конечно требовало создания новых норм и идеалов, так как любой верующий начинает искать ответа на самые простые вопросы, которые раньше могли быть объяснены с помощью священных книг и писаний. Неутешительные результаты антирелигиозной пропаган-

ды, которая началась с активного внедрения и проведения демонстраций и шествий, очерняющих религиозные праздники, показали необходимость перехода к другим формам и методам работы. В этом отношении партия решила перейти от простой дискредитации религии к объяснению населению основ естественных наук, что должно было привести к логическому отказу от религиозности. Наиболее насущные вопросы в основном касались самых простых вещей. Так, Р. Гинзбург пишет, что рабочих наиболее часто волновали вопросы «...происхождения человека и земли, происхождения религии, происхождения праздников и обрядов...» [1, с. 8]. Переход к более глубокой и проработанной антирелигиозной пропаганде, затрагивающей изучение явлений природы и человеческой жизни, также можно проследить и на страницах периодической печати Самарской губернии: «...в первый раз наше «комсомольское рождество» проводилось к демонстрациям, с широкими карнавалами, с уличными шествиями, и т.д. Мы тогда в те времена не столько разрушали религиозное суеверие и языческие обычаи, сколько показывали населению наш организованный кружок безбожников. Естественно, что мы должны были вслед за показной стороной нашего безверия заняться всерьез и надолго глубокой антирелигиозной пропагандой, основанной на тщательном и глубоком изучении явлений природы и человеческой жизни...массам молодежи и сельскому населению...дать вместо оглушающих его демонстраций против бога и вместо голых лозунгов простое ясное понятие о том, что крестьянин поможет сам себе, своему хозяйству, если будет вместо молитвы знать законы природы и ее явления» [5, с. 1].

На страницах еженедельной газеты Самарского Губкома РКСМ «Голоса молодежи» часто встречаются статьи, посвященные раскрытию тех или иных законов природы, стихийных явлений и прочих вопросов, которые до этого часто понимались с религиозным подтекстом. Например целые колонки посвящались происхождению молнии и грома [4, с. 3]. Также советские активисты пытались связать языческих богов и их «аналогов» в традиционных конфессиях, чтобы доказать однотипность объяснения природных явлений через божественное понимание. Так, Илья пророк приравнивался к Перуну – громовержцу [4, с. 3]. Также акцент был сделан на языческих праздниках. Например, в планах работы коллективов пропагандистов Самарской губернии отмечался день Ильи-пророка, выпадающий на 15 августа. Согласно указаниям, он должен быть ознаменован в деревенских ячейках в целях ознакомления населения с основами естествознания, чтобы наглядно разъяснить миф об Илье. Методический план проведения должен быть проработан в коллективе, чтобы иметь возможность провести беседу «Колесница Ильи» [2, оп. 1. д. 458. л. 17]. Вообще коллективы пропагандистов на каждом своем заседании должны были аккумулировать вопросы: как относятся различные слои деревни к религии, попу, антирелигиозной пропаганде, и как проводить комсомольское рождество [2, оп. 1. д. 458. л. 65], чтобы тщательнее проводить свою работу. Кроме

того, что безбожники старались отвлечь население, утверждая новые традиции и вводя новые праздники. Например, с 4–20 октября 1924 г. по Самарской губернии и 19 октября в Самаре проводился «Праздник урожая», который устанавливался по всей территории СССР в один из воскресных дней октября [2, оп. 1. д. 467. л. 3]. Цель данного мероприятия состояла в освещении положения сельского хозяйства в каждом уезде в частности, пропаганде сельскохозяйственных культур. Другой праздник «День леса», ставил своей задачей «агитацию и пропаганду за деревонасаждение, охрану лесов, городских садов, очистки садов и лесов... [2, оп. 1. д. 468. л. 1]. Являлись ли данные практики советской власти образцами влияния на народную религиозность – очевидно, что да. Так как она рассматривается как «...специфическая черта народной культуры и как частные культовые практики, закрепившиеся в бытовом поведении народов» [3, с. 8]. С точки зрения партийной идеологии, народная религиозность была результатом отсталости: образование и просвещение должны были снять завесу суеверия с очей масс и просветить их светом разума» [4, с. 93]. Однако, именно тот факт, что повседневная религиозная жизнь основной части православного христианства была тесно связана с народными языческими поверьями и традициями, стало решающим фактором при использовании партии обращений к фольклору. Этот метод работы с мировоззрением населения имел больше влияния на показатели уровня религиозности, однако, как и другие формы работы, не показал желательных результатов, оставаясь одним из возможных путей развития антирелигиозной пропаганды.

Библиографический список

1. Антирелигиозная пропаганда // Антирелигиозное воспитание в школе / под ред. А.Т. Лукачевского. Сборник №1. М.: Безбожник, 1929.
2. Самарский государственный архив социально-политической истории (СО-ГАСПИ). Ф.1.
3. Мурзин А.А. Народная религиозность как феномен культуры: монография. М: ИНФРА-М, 2017. 144 с.
4. Смолкин В. Свято место пусто не бывает: история советского атеизма / Виктория Смолкин; пер. с англ. О.Б. Леонтьевой, науч. ред. М.Ю. Смирнов. М.: Новое литературное обозрение, 2021. 552 с.
5. Голос Молодежи. Понедельник. 29 сентября 1924 г. №103.

С.В. Николаев

Самарский национальный исследовательский университет

ВЛАДИМИР ВЫСОЦКИЙ В МЕМУАРАХ И ВОСПОМИНАНИЯХ СОВРЕМЕННОК

В советском социокультурном пространстве творчество Владимира Высоцкого и его образ занимают особое место. Оно стало составной частью

культурного кода советского народа. Его родные и близкие, люди, знавшие лично и когда-либо встречавшиеся с Высоцким, так или иначе знавшие поэта, сохранили в своей памяти поистине бесценный багаж воспоминаний о нем. В этой связи, мемуары родных Высоцкого, воспоминания друзей и коллег артиста, являясь важнейшим источником для реконструкции полной биографии поэта и выдающегося артиста. Вместе с тем, появляется реальная возможность выявить коммуникативные связи Высоцкого и показать, как его творчество оказывало воздействие на общество и какое влияние на его творчество оказывало общение с обществом. Научная значимость этих нарративных источников состоит также и в том, что в них содержится историческая информация, раскрывающая черты характера и внутренний мир Высоцкого.

Целью настоящей работы является источниковедческий анализ мемуаров и воспоминаний современников Владимира Высоцкого.

В совокупности общее число современников, которые каким-либо образом поделились своими воспоминаниями о Высоцком, насчитывается около трехсот человек. В первую группу авторов воспоминаний мы включаем членов семьи поэта. В нее же входят друзья детства. Отдельную группу составляют коллеги по сцене и театру. В третью группу вошли люди, которые хотя бы один раз встречались с Высоцким, но для них это были поистине бесценные моменты беседы с артистом. Для конкретизации отметим, что для дальнейшего исследования нами привлечены только самые выделяющиеся и уникальные воспоминания и мемуары.

Процесс реабилитации творчества Высоцкого начался в период Перестройки. Одновременно о поэте появились статьи в крупных периодических изданиях. Поначалу это были интервью с родителями поэта, записанные журналистами. Мать Высоцкого – Нина Максимовна, дала несколько интервью, в которых рассказала о личностных качествах сына [5]. Своими воспоминаниями о сыне также поделился его отец – Семен Высоцкий [6]. Факты и личные воспоминания о поэте содержатся в публикации его двоюродного дяди и по совместительству его концертного администратора [11]. О поэте, о его детстве, друзьях и знакомых также вспоминала его двоюродная сестра Ирэна [3].

Ценная информация о семейной жизни поэта отражена в личных воспоминаниях, которые написали жены Высоцкого. Представляют интерес воспоминания первой жены Изы, в которых она попыталась дать характеристику личным качеств молодого Высоцкого, с которым прожила в браке с 1960 по 1965 гг. [4].

Семейная жизнь В.Высоцкого и его отношения с женой отражены в нескольких интервью Людмилы Абрамовой – второй жены артиста, имеющая от него двух сыновей Аркадия и Никиту, которые она дала В.К. Перевозчикову (составителю). Людмила рассказала различные факты из творческой и семейной жизни Высоцкого [1].

Но наибольшую ценность и научную значимость представляют воспоминания Марины Влади, которая была в браке с поэтом последние 10 лет его жизни. Влади рассказывает о своих взаимоотношениях с Высоцким, вспоминает малоизвестные факты его жизни, среди которых были зарубежные поездки. Она описывает встречи В. Высоцкого с известными деятелями культуры. Также Влади уделила внимание творческому процессу Высоцкого. Она приводит сведения о его выступлениях в театре и на концертах [2].

Свои мемуары написали друзья и коллеги Высоцкого по театру и кино. Актриса Алла Демидова, с которой у Высоцкого получился хороший творческий союз, в своих воспоминаниях писала об артисте, как об очень хорошем актере и профессиональном партнере и друге [8]. Воспоминаниями о Высоцком поделились Вениамин Смехов [12] и Валерий Золотухин [9], актеры и коллеги по театру. В них внимание привлекает информация о творческой деятельности артиста Высоцкого, в которой акцентируется внимание на его профессиональных качествах.

О моментах, связанных с поэтом, об историях знакомства с ним, об историях из жизни, связанных с Высоцким, пишут также и его друзья детства и юности [10, 13]. Про поэта и связывающую с ним дружбу в своих мемуарах писал Всеволод Ханчин, который в 1967 г. в рамках Городского молодежного клуба (ГМК-62) организовал концерты Высоцкого в городе Куйбышеве [14].

Самые известные воспоминания о поэте, написанные иностранцем, можно считать книгу болгарского театроведа Любена Георгиева, у которого с Высоцким была многолетняя дружба [7].

Необходимо отметить, что в мемуарах автор зачастую субъективно излагает суть происходящего. Подлинность же многих историй и воспоминаний из таких источников проверить зачастую невозможно. Однако комплексный анализ мемуарной литературы позволяет дать критическую оценку мемуаров и использовать сравнительно-сопоставительный анализ, чтобы установить подлинность происходивших событий. В этой связи особую значимость представляет сравнение схожих записей у разных авторов. Однако в таких источниках имеют место быть уникальные воспоминания и истории, честность изложения которых остается за автором. Конечно, особую значимость приобретает составление хроники повседневной жизни артиста и поэта В. Высоцкого, в которую могли бы войти сведения о его встречах с разными людьми.

Библиографический список

1. Абрамова Л.В. Факты его биографии: Людмила Абрамова о Владимире Высоцком / интервью и сост. В.К. Перевозчиков. М.: Россия молодая, 1991. 110 с.
2. Влади М. Владимир, или Прерванный полет. М.: Прогресс, 1989. 176 с.
3. Высоцкая И.А. Мой брат Владимир Высоцкий. У истоков таланта. М.: Астрель, 2012. 192 с.

4. Высоцкая И.К. Короткое счастье на всю жизнь. М.: Молодая гвардия, 2005. 182 с.
5. Высоцкая Н.М. «Носил он совесть близко к сердцу» // Огонек. 1986. № 38. 20-27 сентября. С. 18-20; Владимир Высоцкий: Эпизоды творческой судьбы. «Дом на Первой Мещанской, в конце». // Студенческий меридиан. 1988. № 1. С. 48-50.
6. Высоцкий С.В. Жил и пел для нас / зап. А. Ключенков // Советский воин. 1988. № 2. С.42-44.
7. Георгиев Л. Владимир Высоцкий. Встречи, интервью, воспоминания. М., Искусство, 1991. 268 с.
8. Демидова А. Владимир Высоцкий, каким знаю и люблю. М: Союз театр, деятелей РСФСР, 1989. 176 с.; Мой Высоцкий. М.: Эксмо, 2016. 256 с.
9. Золотухин В.С. «Все в жертву памяти твоей...»: Валерий Золотухин о Владимире Высоцком: дневники. М.: Центр творч. встреч ТПФ Союзтеатр, 1992. 234 с.; Секрет Высоцкого: дневниковая повесть. М.: Алгоритм, 2000. 315 с.
10. Карапетян Д.С. Владимир Высоцкий: между словом и славой: воспоминания / послесл. А.Е. Крылова. М.: Захаров, 2002. 277 с.
11. Леонидов П. Владимир Высоцкий и другие: средство от себя. Красноярск: Красноярск, 1992. 302 с.
12. Смехов В.Б. Владимир Высоцкий // Смехов В.Б. Театр моей памяти. М.: Вагриус, 2001. С. 319–340.; Живой и только: воспоминания о Высоцком. М.: Интерконтакт: Радуга, 1990. 108 с.
13. Утевский А.Б. На Большом Каретном. – М.: Полиграфресурсы, 1999. 142 с.;
14. Ханчин В. Носил он совесть близко к сердцу: Высоцкий в Куйбышеве / общ. ред. П.В. Жукоцкой. Самара: Парус, 1997. 142 с.

Д.А. Федотов

Самарский национальный исследовательский университет

**СОЦИАЛЬНОЕ И МАТЕРИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО
ЛИТЕРАТОРА В 1940–1960-Е ГГ.
(НА МАТЕРИАЛАХ ФОНДА ПОЭТА-ПЕСЕННИКА В.Г. АЛФЕРОВА)**

Современные подходы к изучению истории повседневности предполагают анализ жизненной практики определенного социального, профессионального слоя общества, по выбранным характеристикам, раскрывающим ту или иную сторону жизни. В этой связи воссоздание полного спектра форм и условий жизнедеятельности определенных социальных групп, в контексте воссоздания положения жизни провинциальных советских писателей, представляет особый интерес [4, с. 3-4].

Следует отметить, что внимание исследователей в отношении изучения социального и материального положения советских писателей в большинстве своем обращено к исследованию положения столичных деятелей и иных участников культурной жизни, являющихся фигурами значимыми и известными. Исследователи в большинстве монографий и статей фокусируют свое внимание на обстоятельствах жизни и деятельности писателей

Москвы и Ленинграда. Периферия анализируется лишь как дополнение, причем дифференциация и отбор зачастую происходят по принципу членства в Союзе писателей СССР, что заметно сужает исследовательскую картину. Условия жизни и творческой работы провинциальных советских литераторов исследованы недостаточно [2, с. 23]. За последнее десятилетие появился ряд работ по этой тематике [6, с. 206-207; 1], однако по Поволжью таких работ крайне мало.

Данная работа построена на основе анализа биографии В.Г. Алферова и его личного фонда в ЦГАСО [5]. Являясь ярким представителем самарской публицистики, прозы, поэзии и песенного творчества, одним из пионеров литературы социалистического реализма в нашем регионе, писатель был в контакте с большим количеством творческих людей со всей страны. Письма от литераторов и редакторов журналов дают нам обстоятельную картину, раскрывая социальные и материальные условия не только В.Г. Алферова, но и многих, с кем он был в творческом и рабочем взаимодействии.

В рассматриваемый период одно лишь творчество не давало возможности полностью покрывать все расходы и потребности, поэтому авторы часто работали корреспондентами, редакторами в газетах, журналах. В 1940-е В.Г. Алферов трудился в журнале «Лапоть», работал журналистом в местных газетах, ответственным секретарем редакции [5, оп. 1. д. 38. л. 1].

В период 1940–1952 гг. В.Г. Алферов работал в газетах и одновременно издавал свои произведения в разных журналах с получением гонорара. В 1952–1969 гг. он завершил свою трудовую деятельность и полностью сосредоточился на творчестве [3, с. 1].

Литератор был вынужден работать дополнительно в журналах и газетах, так как сталкивался с рядом трудностей. Гонорары за издание произведений зачастую задерживались на внушительный срок: от 6 месяцев до года [5, оп. 2. д. 171. л.43], часто редакции предлагали переписать присланный материал [5, оп. 2. д. 168. л. 16]. Это свидетельствует о том, что издание собственных произведений для провинциального литератора было делом весьма сложным и не могло полностью обеспечить его материально.

Обратившись к суммам гонораров, мы видим, что в сравнении со средними заработными платами работников, они были значительными. Например, в 1959 г. В.Г. Алферов получил 340 руб. за песню «Жигулевская тропинка» [5, оп. 2. д. 173. л. 12], в 1960 г. – 400 руб. за текст песни от Омской филармонии [5, оп. 2. д. 171. л. 35]. Стихотворения оценивались дешевле. В письме 1962 г. от редактора журнала «Советский композитор» гонорары за стихи оценивались в «13, 33, 88 рублей за публикацию стихотворений в сборниках» [5, оп. 2. д. 173. л.35]. Однако следует отметить, что в данный период писатель полностью погрузился в творчество, находясь с 1952 г. на пенсии, которая позволяла ему не беспокоиться о финансовом положении и всецело заниматься рассылкой своих произведений по издательствам. Обычный же провинциальный литератор, работающий, по сло-

вам Алферова, «без отрыва от производства» столько времени и возможностей не имел, поэтому такие выплаты были для него более редким явлением.

Квартирный вопрос у В.Г. Алферова был решен лишь на пенсии, только после принятия его в члены Союза писателей СССР. У обычного корреспондента, журналиста, занимающегося параллельно творческой деятельностью, не столь видного и значимого на региональном уровне, возможности были не больше, чем у любого человека, занятого в другой производственной сфере.

Таким образом, можно заключить, что литературная деятельность в провинции в период 1940-1960-х гг. для авторов сочеталась с профессиональным трудом в качестве корреспондента или редактора в местных периодических изданиях. Совокупность заработной платы и гонораров обеспечивала высокий для провинции уровень жизни, однако отдельное творчество без основной работы было невозможным.

Библиографический список

1. Антипина В.А. Повседневная жизнь Советских писателей, 1930-1950-е годы. М.: Молодая гвардия, 2005. 408 с.

2. Бортников С.Д. Авторитаризм и художественная интеллигенция (социокультурная и политическая парадигма) // Мир науки, культуры, образования. 2007. № 2 (5). С. 22-27.

3. Капица В.Ф. Антипина В.А. Повседневная жизнь советских писателей, 1930-1950-е годы. М.: Молодая гвардия, 2005. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/2007-01-026-antipina-v-a-povsednevnyaya-zhizn-sovetskih-pisateley-1930-1950-e-gody-m-mol-gvardiya-2005-408-s-zhivaya-istoriya-povsednevnyaya/viewer> (дата обращения: 17.11.2021).

4. Антипина В.А. Повседневная жизнь советских писателей в 1930-х-начале 1950-х гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2005. 25 с.

5. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. Р-1586.

6. Шорохова И.В. Материально-бытовые условия жизни писателей Карелии в 1950-е – первой половине 1960-х гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 8-1 (58). С. 206-210.

А.А. Хажанинов

Самарский национальный исследовательский университет

СПОРТИВНАЯ КАРЬЕРА ВЫДАЮЩЕГОСЯ СОВЕТСКОГО ФУТБОЛИСТА ЛЬВА ЯШИНА (НАЧАЛО 1950-Х – НАЧАЛО 1970-Х гг.)

С начала 1950-х и до начала 1970-х годов советский футбол находился на высоком уровне, это объяснялось появлением нового поколения талантливых игроков. В стране был отмечен небывалый рост заинтересованности футболом, так как игроки помимо качественных выступлений на полях чемпионата страны, великолепно выступали на международном уровне.

Ярким представителем плеяды знаменитых футбольных мастеров того времени был Лев Яшин. Вместе с тем в научной исторической литературе проблемы изучения важнейшего периода развития футбола в СССР, вклада выдающихся футболистов в его развитие находятся на начальном этапе изучения.

Целью настоящей работы является анализ спортивной карьеры и оценка роли Льва Яшина в развитии советского футбола.

В нелегкие военные и послевоенные годы футбол не был просто игрой, он был некой отдушиной, возможностью реализовать себя. В самый популярный вид спорта на дворовых футбольных полях играли многие советские мальчишки, одним из которых был Лев Яшин.

Лев Яшин родился 22 октября 1929 г. в семье рабочего. С раннего детства мальчик играл в футбол, показывая свои лучшие качества на поле — прекрасные способности в совокупности с большим трудолюбием [2, с. 44].

В период военного времени юный Лев Яшин работал на подмосковном заводе в Тушино, играя за местную молодежную команду под руководством футбольного тренера Н. Лариончикова [2, с. 120]. Юный футболист мечтал играть в нападениях, но тренер команды, ввиду высокого роста подроска, всегда определял Яшина на игру в воротах.

В 1947 году Лев Яшин был призван в армию, где показал свои лучшие спортивные качества. Благодаря этому на него обратил внимание один из тренеров столичного «Динамо» А.И. Чернышев [2, с. 128]. Уже в 1949 году Лев Яшин вошел в основной состав команды, став запасным вратарем. В этом же году молодой вратарь дебютировал за основной состав «Динамо» [2, с. 145].

Путь юного голкипера был очень тернист, ввиду провалов в дебютах за столичное «Динамо» в 1950 году. Вратарь Яшин после этого почти не выходил на поле до 1952 года, оставаясь запасным. В этот период Лев Яшин решил себя попробовать в хоккее с шайбой и довольно успешно. В 1953 году получил звание мастера спорта, выиграв командные соревнования на уровне страны [5, с. 54]. Игра в хоккей сильно закалила Яшина как спортсмена [6, с. 6].

В 1954 году Л. Яшин был вынужден выбирать между футболом и хоккеем, и Лев Иванович выбрал футбол, вернувшись в стан московского «Динамо» [6, с. 10]. С этого момента началась богатая история выступления Льва Яшина в столичном «Динамо», он сыграл за клуб 326 матчей, завоевав множество командных и индивидуальных наград [4, с. 89].

1954 год ознаменовался дебютом Льва Яшина за сборную СССР, где он заменил выдающегося советского голкипера Алексея Хомича. В октябре этого же года юный вратарь сыграл в матче со сборной Швецией, проявив свои лучшие вратарские качества, не пропустив ни одного гола [1, с. 98]. С этого момента Яшин надолго время стал основным вратарем советской сборной по футболу.

Лев Яшин явился основной фигурой в достижении главных успехов сборной СССР по футболу во второй половине 1950-х – 1960-х гг. Основными заслугами Льва Яшина можно назвать золото на олимпийских играх в Мельбурне в 1956 году, где он пропустил минимальное количество мячей. Также нужно отметить его вклад в завоевание Кубка Европы в 1960 г., серебряные медали европейского первенства 1964 г. и бронзовые на чемпионате мира в Англии спустя два года после чемпионата Европы [2, с. 167].

Главными и решающими факторами успеха Льва Яшина в игре на воротах являлись спокойствие, четкость действий. В каждом матче чувствовалась уверенность и выдержка Льва Яшина, что помогало ему справляться с самыми сложными игровыми ситуациями [1, с. 58]. Также вратаря Яшина отличали умения грамотно перемещаться по всей территории штрафной площадки, всегда находить нужную позицию, предугадывая полет мяча. Лев Яшин являлся основной составляющей в игре в пас своих команд, как «Динамо», так и сборной СССР [1, с. 79]. Во многом сочетание данных качеств футбольного вратаря сделало Льва Яшина выдающимся голкипером в истории футбола XX века.

Благодаря прекрасным выступлениям в футбольных соревнованиях, Лев Яшин был одним из первых советских футболистов, так широко прославившихся за рубежом. Это стало основанием для участия Льва Яшина в 1963 году в матче в составе сборной мира, посвященном столетию английского футбола, где он был признан лучшим футболистом Европы этого года. Престижную награду Льву Яшину вручило известное французское издание «Франс футбол» [4, с. 102].

Несмотря на колоссальные успехи в спорте, Лев Яшин не отличался заносчивостью, оставаясь добрым и чутким человеком. Все спортсмены, игравшие с Л. Яшиным всегда отзывались о нем с большим уважением и теплотой [4, с. 117].

В 1971 году в Москве на стадионе «Лужники» состоялся матч столичного «Динамо» со сборной мира. Лев Яшин, которому на тот момент было 42 года, провел прощальный матч, завершив спортивную карьеру игрока [1, с. 209].

Таким образом, Л.И. Яшин является выдающимся футбольным вратарем, завоевавшим большое количество командных и личных наград. Лев Иванович оставил после себя большую вратарскую школу, сильно повлияв как на развитие футбола в нашей стране, так и на развитие мирового футбола.

Библиографический список

1. Асаулов В.Ф. Лев Яшин – русский гений. М.: Вагриус, 2008. 368 с.
2. Галедин В.И. Лев Яшин. М.: Молодая гвардия, 2014. 304 с.
3. Евтушенко Е.А. Моя футболиада. АСМИ, 2009. 144 с.
4. Соскин А.М. Лев Яшин. Блеск сквозь слезы. М.: Алгоритм, 2009. 384 с.
5. Соскин А.М. Лев Яшин. Легендарный вратарь. М.: Алгоритм, 2017. 352 с.
6. Яшин Л.И. Записки вратаря. М.: Журнал «Огонек», 1976. 18 с.

МУЗЫКАЛЬНОЕ ТВОРЧЕСТВО КОМПОЗИТОРА Н.П. АННАЕВА

Н.П. Аннаев – самарский самодеятельный композитор и краевед, который больше известен своей краеведческой деятельностью и самым главным достижением – систематизацией краеведческой картотеки Константина Головкина, но музыкальное творчество всегда оставалось для него главным делом жизни.

Музыкальные и певческие способности у Аннаева проявлялись еще в детстве, но серьезно взяться за это дело ему удалось поздно, в почти тридцатилетнем возрасте. Несмотря на это, Николай Павлович не только выучился, но и нашел свое место в музыке.

Аннаев окончил землеустроительный техникум в 1927 году и работал землемером, пока интерес к музыке не пересилил. С 1931 года он стал заниматься на подготовительных курсах при музучилище, а в 1933 году поступил в Московское музыкальное училище имени Гнесиных на композиторское отделение. В 1937 году он получил диплом педагога музыкально-теоретических дисциплин и преподавал в детских музыкальных школах [1, оп. 2. д. 15. л. 1]. Но любовь к сочинительству у него не пропала.

В первые годы своего преподавания в музыкальной школе, Николай Павлович успевал уделять время и композиторству. Так, в это время им были написана fuga «На севере диком» и несколько прелюдий.

По-настоящему плодотворно сочинять музыкальные произведения Аннаев начал только после выхода на пенсию в 1960-х гг. Как он сам писал: «в 1962 году, уходя на пенсию ... решил посвятить себя музыкальной композиции» [1, оп. 2. д. 15. л. 2].

Успехов он достиг в сочинении фортепианных миниатюр, романсов, сольных и хоровых песен на основе стихотворений.

Так, романсы «Виноград», «Колыбельная», «Последние цветы» были им написаны на слова А.С. Пушкина. Также Николай Павлович писал музыку на стихи К.Д. Бальмонта, К. Гребенского, Г. Ибсена и У. Уитмена.

Особую страницу его творчества занимают музыкальные произведения, написанные на стихотворения национальных поэтов – Давида Кугультинова, Стойчо Стойчева, Христо Кацарова, Владиса Лукса. Особенно хочется отметить романсы на стихи калмыцкого поэта Давида Кугультинова. На его глубокие философские произведения, возвышенные, но при этом наполненные изящной простотой изложения, хорошо легла музыка Николая Павловича и только усилила их эмоциональную составляющую [1, оп. 1. д. 24. л. 53].

Также Н.П. Аннаев активно сотрудничал с самарскими поэтами Николаем Жоголевым и Василием Алферовым.

Ряд своих музыкальных сочинений Николай Павлович посвятил памяти П.И. Чайковского. К этому композитору у Аннаева был особый интерес, он изучал его творчество и даже сумел выявить связь знаменитого композитора с Самарой.

В 1967 году Аннаев отослал свои произведения «Элегия» для скрипки с фортепиано и романсы «Подснежник» и «Колыбельная», посвященные П.И. Чайковскому, в дар Дому-музею имени П.И. Чайковского и теперь среди других произведений, посвященных этому замечательному композитору, находятся и сочинения Н.П. Аннаева.

Важным событием стала возможность продвинуть в печать две фортепианные фуги Аннаева – двухголосую фугу ми-минор и трехголосую фугу ля-минор. Первую выпустило издательство «Музыка» в сборнике фортепианных пьес «Новые страницы» в 1965 году, а вторая напечатана издательством «Советский композитор» в сборнике полифонических пьес в 1971 году [1, оп. 2. д. 15. л. 3].

Как для любого творческого человека для Николая Павловича Аннаева был важен отклик общественности на его музыкальную деятельность и этот отклик был.

Слушателей своей музыки Николай Павлович нашел довольно быстро, начиная с 1964 года, его музыка много раз звучала в разных местах. Проводились концерты с исполнением его музыки в детской музыкальной школе №3, в музыкальном училище, областной библиотеке, в Доме музыки и на местном Куйбышевском радио. Последняя радиопередача с названием «Композитор Аннаев Н.П.», полностью посвященная его творчеству Аннаева прозвучала 27 июля 1976 года [2, с. 20].

Таким образом, музыкальное творчество Николая Павловича Аннаева выражало большую любовь к музыке, которая сохранилась в нем с самого детства до глубокой старости. Путь к композиторству был для него тернистым, но благодаря большому желанию, трудолюбию и таланту он сумел стать независимым композитором. Самой большой радостью для Н.П. Аннаева, как и для любого творца, было слышать исполнение своих музыкальных произведений, которые стали исполняться не так часто ближе к его кончине. В наше время большинство самарцев даже не знают о существовании такого местного композитора, но все меняется и когда-нибудь произведения самодельного самарского композитора обязательно найдут своего слушателя.

Библиографический список

1. Цветова Е. М. Дорогу осилит идущий // Самарская Лука. 1998. № 2.
2. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. Р-4978.

**ДИАЛОГ СО ЗРИТЕЛЯМИ В КУЙБЫШЕВСКОМ ДРАМАТИЧЕСКОМ
ТЕАТРЕ. ПО ВОСПОМИНАНИЯМ П.Л. МОНАСТЫРСКОГО**

Театр в 1960-е годы — и это одно из его принципиальных открытий — выстраивал особые взаимоотношения со зрительным залом [7, с. 12]. Мемуары П.Л. Монастырского и Л.А. Финка являются значимыми источниками, позволяющими изучить деятельность П.Л. Монастырского по ведению «работы со зрителями».

Режиссер считал необходимым не формальный, а творческий и ответственный подход к такой работе [1, с. 210-213]. Провинциальный театр формирует художественный вкус зрителей, однако для этого необходима и развитая способность зрителя к соучастию в творческом процессе. Монастырский в своих воспоминаниях неоднократно утверждал, что формирование этой способности является задачей самого театра. Провинциальный театр — средство социальной ориентации, потому что именно эмоционально-творческий характер восприятия, помогает зрителю использовать полученную театральную информацию в арсенале жизненного опыта [6, с. 180-185].

Куйбышевский драматический театр проводил серию бесед по телевидению на темы, связанные с театром. Поменялся формат рекламы на улицах, которая стала заметнее. Проводился ряд мероприятий, направленных на диалог со зрителем, например, конкурс «Театральная маска» — на лучшую творческую работу сезона, в которой жюри и счетной комиссией являлись зрители. Активно использовалась техника. В фойе театра была установлена справочная машина, при помощи которой зрители могли получить информацию по самым различным вопросам деятельности театра, которая способствовала расширению представлений зрителей о деятельности театра, что Монастырский считал важной задачей театрального коллектива. Для репертуарных поисков было полезно знать социальный состав зрителей, для чего в одном из холлов был повешен большой стенд, который задавал зрителям три вопроса: возраст, пол и социальное положение. [1, с. 215-220].

П.Л. Монастырский был убежден, что художественный руководитель должен всегда находиться в поиске не только в творчестве, но и в создании в театре комфортной атмосферы [3, с. 38]. Вместо резкого звонка на спектакли в театре зазвучали музыкальные позывные, в которых узнавались такты песни из спектакля «Золотая карета». По договоренности с городской транспортной организацией в театре было установлено электронное табло, с помощью которого можно было заказать себе место в автобусе дальнего маршрута. В результате — резко возрос интерес к театру людей, живущих в отдаленных районах города. Рядом с кассой был установлен

видеомагнитофон, для того чтобы зрители, стоя в очереди за билетами, могли посмотреть просветительские фильмы. Около театра была посажена «театральная аллея».

Формой диалога со зрителями были проводимые театром зрительские конференции, которые в 1985 году носили название «Театр плюс зритель», а годом позже «Театр плюс город». На этих конференциях члены творческого коллектива театра совместно со зрителями обсуждали вопросы, касающиеся творчества театра. В зимнем саду театра также проводились поэтические вечера [1, с. 215-222].

Важную роль для расширения аудитории театра играли обсуждения спектаклей, театральная критика. П.Л. Монастырский вспоминал: «Ведь все наши работы, как правило, широко обсуждались общественностью, а это прекрасный путь к вовлечению в «нашу орбиту новых людей». Именно с этой работой П.Л. Монастырский связывает тот факт, что «без репертуарных и эстетических уступок все время растут показатели заполнения зрительного зала» [1, с. 212-222]. Л.А. Финк также указывал на роль критики в формировании эстетических вкусов зрителя, делающих возможным общение театра со зрителем на высоком уровне взаимопонимания [5, с. 275-277].

П.Л. Монастырский серьезно относился к выстраиванию системы взаимоотношений «театр – зритель», поэтому считал необходимыми крупные общественные акции всего коллектива. Для главного режиссера было необходимо выработать потребность «бывать в театре систематически» [1, с. 238-240]. Именно в неразрывно связанном с жизнью города провинциальном театре режиссер находил возможность для самореализации [2, с. 21-22].

Стремление к диалогу со зрителем давало свои результаты, по воспоминаниям современников, Куйбышевский драматический театр в годы деятельности П.Л. Монастырского отличался устойчивым зрительским интересом, аншлаги являлись для театра характерным и постоянным явлением [4, с. 276]. Театр в годы деятельности Монастырского стал играть важную роль в духовной жизни города [5, с. 283-286].

В стремлении к «работе со зрителем» проявилось характерное для театров данного периода стремление к диалогу со зрителем, общению с публикой. В Куйбышевском театре «работа со зрителем» отличалась хорошей организацией, что было связано во многом с убеждением главного режиссера в необходимости такой работы, осуществляемой с целью «обратить в свою веру» зрителя. Работа в этом направлении позволяла собирать аншлаги «без репертуарных и эстетических уступок».

Библиографический список

1. Монастырский П.Л. Аншлаг. Наблюдения, размышления, опыт главного режиссера. М.: Изд. СТД РСФСР, 1988.
2. Монастырский П.Л. Совершенно несекретно. О времени, о себе, о вас. Самара: Изд-во ООО «Офорт», 1996.

3. Монастырский П.Л. Режиссер и режиссура. Самара, Изд-во. СамГПУ, 2000.
4. Финк Л.А. Живая память: Статьи о литературе и театре. Куйбышев: «Книжное издательство», 1985.
5. Финк Л.А. При свете ramпы: Очерки и творческие портреты. Куйбышев. Изд-во: «Куйбышевское книжное издательство», 1980.
6. Фирер Н.Д. Социокультурный феномен провинциального театра// Человек и язык в коммуникативном пространстве: сборник статей. Красноярск.: Изд-во: «Сибирский федеральный университет», 2017.
7. Шалашова А.В. Текст спектакля и контекст эпохи: советский театр 60-х годов читает русскую классику. Автореферат дис.. кандидата искусствоведения. М., 2009.

СЕКЦИЯ V. ИСТОРИЯ РОССИИ В XX В.: ПРОБЛЕМЫ, ПОИСКИ РЕШЕНИЯ

А.А. Приезжева

*Самарский государственный
социально-педагогический университет*

ОСОБЕННОСТИ УСТНЫХ ВОСПОМИНАНИЙ ЖЕНЩИН – УЧАСТНИЦ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Изучение устных исторических источников, связанных с периодом Великой Отечественной войны – одно из наиболее динамично развивающихся междисциплинарных направлений в российской историографии [1, 4, 6]. В последние годы историки стали больше уделять внимания феномену женской военной памяти, как наименее исследованному [3, 7]. В данной статье кратко представлены некоторые результаты анализа воспоминаний 15 женщин-фронтовичек. Аудиофайлы с записями интервью размещены на сайте Управления государственной архивной службы Самарской области [2]. В качестве методов исследования кроме общеизвестных исторических методов применялся универсальный табличный метод, позволивший представить полученную информацию в более логичной и последовательной форме.

Из 15 женщин – участниц войны почти половина (7) в 1941–1945 гг. служили санитарками, медсестрами во фронтовых госпиталях; 3 – в разведке, 2 – в войсках ПВО и связи, 1 – в стрелковой бригаде (секретарь военного трибунала), 1 девушка была военной регулировщицей. Военные профессии, которые пришлось освоить женщинам, отразились в их воспоминаниях в описаниях специфики и трудностей службы, в осознании важности той работы, которую каждая выполняла во время Великой Отечественной войны.

Интересно отметить: несмотря на то, что интервью были записаны, когда возраст информанток составлял от 80 и более лет, все женщины помнили предвоенные и военные события до мельчайших подробностей. Некоторые из них допускали неточности в датах или вовсе опускали их, но при этом безошибочно называли свои военные части, воинские специальности, военные звания, имена командиров и сослуживцев, населенные пункты и пр.

Наиболее памятными датами в жизни каждой женщины оказались две: первый и последний день войны. Их рассказы о начале войны помогают понять, каким было предвоенное поколение советских девушек. Так, чтобы поскорее уйти на фронт приписали себе два года 16-летние Ляля Зуева и Надя Решето, ушли воевать добровольцами Мария Маликова (18 лет),

Юлия Савельева (20 лет), Анна Ульянчук (18 лет). На долю некоторых девушек выпала не одна, а две войны – Великая Отечественная и война с Японией (Т.А. Абрамова, Л.Х. Зуева, А.М. Ульянчук).

Военная жизнь в воспоминаниях женщин предстает как пусть и страшная, но работа, которую они старались выполнять хорошо. Ни одна из них не преувеличивала своих боевых заслуг, некоторые откровенно рассказали, что они не думали, что совершили какой-то подвиг (например, Раиса Прорвина), другие женщины даже не упоминали полученные в годы войны награды. То же относится и к полученным ими ранениям.

Устные воспоминания женщин-фронтовичек отличаются эмоциональностью, обостренным восприятием отталкивающих явлений фронтового быта (грубость, приставание со стороны сослуживцев-мужчин и начальствующего состава). Уже пожилые и немало испытавшие в своей жизни женщины описывали эти факты с болью, негодованием; обязательно подчеркивали, что, сумели дать обидчикам достойный отпор. Одна из бывших фронтовичек рассказала о письме, в котором родственники предупредили ее о том, что вернувшись, она столкнется с негативным отношением к себе, так как некоторые сограждане были убеждены в плохом поведении женщин на фронте. Пришлось приобретать новый опыт – адаптации к «мирной жизни» [5].

Значительную часть воспоминаний составляют рассказы о работе и семейной жизни после демобилизации из армии. И то и другое у большинства бывших фронтовичек сложилось на редкость счастливо, хотя, разумеется, не обошлось без трудностей и потерь. Секрет подобного счастья оказался прост: они любили свою работу, людей с которыми трудились, всегда старались помочь другим, умели радоваться жизни. О том, как они восприняли распад страны в 1991 г., за которую они воевали, ни одна из участниц войны не рассказала, но отношение в основном негативное к произошедшим переменам некоторые высказали. Их удивляли, а иногда и возмущали меркантильные настроения (А. Ульянчук), социальное расслоение современного общества (Н. Крутовская), бездушное отношение власти к гражданам (З. Ладыженко) и др.

Устные воспоминания женщин-фронтовичек имеют не только вспомогательное значение при реконструкции военной истории 1941–1945 гг., но и являются ценным самостоятельным источником, который навсегда запечатлел живые голоса женщин – непосредственных участниц Великой Отечественной войны.

Библиографический список

1. Будницкий О.В. Революция памяти: устная история Великой Отечественной войны // Российская история. 2021. № 3. С. 187–201.
2. Воспоминания участников Великой Отечественной войны [Электронный ресурс]: <https://archive.samregion.ru/pobeda/fonovideo>.

3. Завершинская Н.А. Тематизация памяти о «Женщине на войне» в современных деконструкциях событий Второй мировой войны // Человек. Сообщество. Управление. Краснодар, 2016. Т. 17. № 2. С. 82–98.

4. Кузнецов А.С. Устная история как метод и источник для военно-исторической антропологии на примере изучения Великой Отечественной войны // Устная история: жизненные стратегии и повседневные практики сельского населения юга Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны: сб. науч. статей. Барнаул, 2017. С. 40–52.

5. Реброва И.В. «Женская» повседневность в проблемном поле Великой Отечественной войны // Женщина в российском обществе. 2008. № 2 (47). С. 25–33.

6. Ханипова И.И. Великая Отечественная война в памяти народа: потенциал источников личного происхождения и материалов устной истории // Историческая этнология. 2021. Т. 6. № 1. С. 43–64.

7. Шилова И.С. Женщина в войне // Устная история (Oral History): теория и практика: материалы всероссийского научного семинара (Барнаул, 25-26 сентября 2006 г.). Барнаул, 2007. С. 111–114.

Э.И. Савенков

Саратовский национальный исследовательский университет

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ 50-Й И 51-Й ТАНКОВЫХ БРИГАД В ПЕРИОД ФОРМИРОВАНИЯ В САРАТОВЕ

23 декабря 1941 г. на основании директивы Главного автобронетанкового управления Красной Армии №225 начался процесс формирования двух соединений, которые в дальнейшем получили наименование 50-я и 51-я танковые бригады [3, оп. 2. д. 1. л. 2]. Штабы новых частей были расположены в городе Саратове, в Ильинских казармах на площади им. Фрунзе, теперь Ильинская. Как вспоминал В. Н. Нечаев в своей работе «50-я гвардейская танковая бригада»: «с предписаниями штаба Приволжского военного округа, военкоматов города Саратов, Саратовской области и Поволжья в одиночку и группами спешили молодые люди» [1, с. 6]. Процесс формирования частей растянулся на несколько месяцев. В апреле 1942 г., бригады были передислоцированы в Тулу, где стали частью сформированного 3-го танкового корпуса, и только в мае этого же года, вошли в состав резерва Западного фронта [2, с. 5]. За это время трижды менялся штат, а соответственно и численность личного состава. Нет никаких сомнений в том, что процесс формирования любой воинской части сопровождается собой ряд поставленных целей и задач, а также вопросов и трудностей, которые необходимо было решить в кратчайшие сроки. Один из таких — организация быта личного состава.

На данный момент, такая значимая веха в истории, как военно-бытовая повседневность Великой Отечественной войны имеет фундаментальное научное освещение в разных аспектах. Однако вопросы, связанные с бы-

том танковых частей, не являются приоритетной темой. Тоже самое можно сказать и о повседневности в период формирования воинских частей, которая остается за бортом научного интереса отечественной историографии.

Цель работы заключается в рассмотрении повседневности 50-й и 51-й танковых бригад в период формирования в городе Саратов с января по апрель 1942 г. Основные источники в изучении поставленной проблемы — документы, которые хранятся в Центральном архиве Министерства обороны Российской Федерации.

Как уже было указано ранее штабы бригад располагались на площади им. Фрунзе, в зданиях Ильинских казарм. Однако это была не единственная задействованная территория. В документах упоминается наличие парка автомашин, который располагался на территории ипподрома [4, оп. 2. д. 19. л. 38], недалеко от привокзальной площади, а также учебного полигона, находившегося севернее города [3, оп. 2. д. 1. л. 5]. Сами казармы были поделены между частями, которые отвечали за чистоту закрепленных за ними участков. Так, штаб 50-й ТБр располагался по адресу Шелковичная 19, а 51-й ТБр на Шелковичной 17 [4, оп. 2. д. 19. л. 2].

Расписание, по которому жили части, было нацелено в первую очередь на обучение бойцов. Так, в приказе №6 по 51-й ТБр от 17 января 1942 г. устанавливалось следующее расписание: 6:00 — подъем; 6:10—6:30 — утренняя зарядка; 6:35—7:05 — туалет; 7:10—7:30 — утренний осмотр; 7:35—8:15 — завтрак; 8:20—17:50 — 9 часов занятий, с перерывом на обед с 15:00 по 16:00; 18:00—20:00 — часы массовой работы; 20:00—22:00 — свободное время с ужином в 21:00; 22:00—22:30 — вечерняя проверка; 23:00 — отбой [3, оп. 2. д. 1. л. 3—3 об].

Первой бригадой, которая начала свое формирование можно считать 51-ю, с прибытием в штаб 28 декабря 1941 г. командира бригады Михаила Андреевича Воротникова [3, оп. 2. д. 1. л. 2]. 1 января 1942 г. началось формирование 50-й ТБр [3, оп. 2. д. 10. л. 397]. Впоследствии, именно эти даты и стали отмечаться как годовщины создания частей.

В течение двух последующих недель прибыл весь комначсостав, а затем, в соединения зачислялись рядовые. Прибывшее пополнение должно было соответствовать заданным рамкам, для прохождения службы. Однако в условиях положения на фронте, это не всегда было возможным. Так, начальник политотдела 50-й ТБр Д. М. Куликов сообщал, что: «На комплектование бригады прибывает совершенно не проверенный личный состав. Так, например, 21.01.42 года из прибывших на комплектование бригады 866 человек отсеяно 315. Это говорит о том, что контингент прибывающих на комплектование не отвечает самым элементарным требованиям предъявленных в танковых частях» [4, оп. 1. д. 10. л. 8].

Трудности были связаны и с материально-техническим обеспечением. В первую очередь возникли проблемы с обмундированием личного состава. Сообщалось, что: «Часть личного состава до сих пор ходит в гражданс-

ком платье», это напрямую сказывалось на воинской выправке и дисциплине [4, оп. 1. д. 10. л. 2] и приводило к жалобам самих бойцов. Например, красноармеец И. В. Галат во время построения на занятия заявил: «Куда я пойду на такой холод. Пусть дадут одеться и обуться, тогда я пойду. Зачем же посылать нас босыми и в летнем обмундировании» [4, оп. 1. д. 10. л. 8]. Части получили вещи только в канун 24-й годовщины РККА [4, оп. 1. д. 10. л. 25]. С появлением обмундирования, обострилась ситуация с его содержанием в чистом виде. Так, в приказе 51-й ТБр №70 от 21 марта 1943 г. сообщалось, об организации «простейшего типа прачечной», поскольку у одной части личного состава были обнаружены вши, а другая стирала свои вещи в частном порядке в квартирах города [4, оп. 1. д. 10. л. 25].

Проблемы возникали и с питанием. В политдонесении 50-й ТБр отмечалось удовлетворительное состояние рациона, с единственным недостатком: «это отсутствие овощей, вследствие чего пища почти ежедневно бывает однообразной и на складе ничего, кроме крупы и гороха, нет» [4, оп. 1. д. 10. л. 8]. Такое положение дел нашло отклик в жалобах бойцов. Так, три красноармейца взвода обеспечения мотострелкового батальона Елефанов, Таносов и Динашов в разговоре с хозяйкой дома рассказывали, что: «кормят очень плохо, а комначсостав кормят отдельно, даже котлеты жарят, они сами сыты и нас гоняют» [4, оп. 1. д. 10. л. 25].

Таким образом, формирование бригад сопровождалось трудностями, которые отрицательно сказывались на физическом и моральном состоянии личного состава. Отчасти это можно объяснить трудностью положения на фронте, а также в тылу, который только начинал адаптироваться к новым условиям военных реалий. Однако несмотря на все проблемы, с которыми бригады столкнулись в период формирования, личный состав был настроен по-боевому. Так, красноармейцы Ромазанов и Рахманов заявили: «Мы имеем большое желание в любую минуту идти на фронт и всегда готовы отдать свою жизнь за нашу прекрасную Родину» [4, оп. 1. д. 10. л. 3]. За период начала формирования бригада усиленно проходила боевое сколачивание подразделений. Уже впоследствии перед выступлением на западный фронт в мае 1942 г., командиром 3-го танкового корпуса генерал-майором Д.К. Мостовенко дана оценка подготовки бригад — «отлично».

Библиографический список

1. Нечаев В. Н. 50-я гвардейская танковая бригада. Саратов: Приволж. кн. изд-во, 1991.
2. Нечаев В. Н. Гвардейский Уманский: Военно-исторически очерк о боевом пути 9-го танкового корпуса. М: Воениздат, 1989.
3. Центральный архив Министерства обороны (ЦАМО). Ф. 3140.
4. ЦАМО. Ф. 3144.

КОШКИНЦЫ НА ФРОНТАХ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Территория Кошкинского района Куйбышевской (Самарской) области в 1941–1945 гг. находилась в глубоком тылу, поэтому основной задачей органов власти и населения было бесперебойное снабжение фронта кадрами, продовольствием, лошадьми и прочей продукцией сельского хозяйства [4].

В первый же день войны, не дожидаясь официальной повестки из районвоенкомата, поступили заявления о желании граждан отправиться на фронт. Население района в 1941 г. составляло 41243 человека. Уже к 25 июня 1941 г. добровольцами в Красную Армию вступили 123 уроженцев Кошкинского района [2, с. 15]. Всего за годы войны на фронт по мобилизации и добровольно ушли 9704 жителя Кошкинского района, из них 487 женщин [2, с. 17].

Столицу Родины – Москву обороняли более 180 женщинцев, из них погибли 123 человека. Ленинград героически защищали 298 кошкинцев, из них 229 пали в бою. Около 340 моих земляков вели оборонительные бои в период Сталинградской битвы, 192 из них сложили свои головы в этом сражении [3].

8 июля 1944 г. в боях за станцию Лесную (Брестская область, Барановичский район) один орудийный расчет остановил 15 вражеских танков и роту немецкой пехоты. Командовал расчетом 19-летний сержант Михаил Павлович Акимов, уроженец деревни Супонево Кошкинского района. Последние минуты этой неравной схватки Акимов, будучи раненным, сражался один. Сам подносил снаряды, сам заряжал и стрелял, пока не потерял сознание. За этот бой 25 сентября 1944 г. М.П. Акимову было присвоено звание Героя Советского Союза [2, с. 17]. О том, что он чувствовал, думал, о некоторых деталях этого страшного боя, он откровенно рассказал в письме, датированном 30 ноября 1944 г. «Я не могу назвать себя бывалым артиллеристом. Мне только двадцатый год, на моей груди до сих пор не было ни одного ордена. Первая награда, которой я удостоен, оказалась такой высокой, что я не мог об этом и мечтать даже во сне. Это – орден Ленина и «Золотая звезда» Героя Советского Союза» [5, с. 173].

С берегов родной Волги в начале войны увел на фронт свой полк майор Иван Федорович Самаркин – уроженец села Новая Кармала. 1185-й стрелковый полк, которым командовал он, участвовал в обороне Москвы и в разгроме фашистских войск под ее стенами. В его послужном списке освобождение станции Чернь, подмосковных сел и городов – Арсеньева, Белева и Мценска. Летом 1943 г. после освобождения Орла 356 стрелковая дивизия, в составе которой находился 1185 стрелковый полк, вела бои на Украине. Впереди Днепр, который надо форсировать, и чем скорее, тем лучше. Темной сентябрьской ночью полковник И.Ф. Самаркин скомандо-

вал своим подчиненным: «Вперед!». На плотах и лодках они прорвались через стену огня, сначала закрепились на правом берегу, а потом в жарких схватках расширили захваченный плацдарм, что позволило разместить на нем переправившиеся полки дивизии. Шестнадцать воинов дивизии получили за этот подвиг на Днепре звание Героя Советского Союза. В их числе был и наш земляк Иван Федорович Самаркин [2, с. 17].

Безвозвратные потери Кошкинского района в годы Великой Отечественной войны составили 5483 фронтовика (56,5 % от общего количества) [2, с. 18]. В том числе в с. Кошки не вернулось 379 человек, с. Старое Максимино – 246, с. Васильевка – 248, с. Новая Кармала – 188 [1, с. 18]. По данным О.Ю. Бушуевой район потерял еще больше – 5804 человека [1, с. 57]. Около 1500 сельчан вернулись с фронта инвалидами. Не перенеся последствий ранений, многие из них вскоре скончались.

Более 500 кошкинцев были удостоены медалей «За освобождение Варшавы», «За освобождение Праги», «За взятие Будапешта», «За взятие Вены», «За взятие Берлина». За героические подвиги 2738 кошкинцев были награждены орденами и медалями [3].

В честь не вернувшихся с фронта воинов-земляков на территории Кошкинского района воздвигнуто 24 памятника и обелиска. Так, 6 октября 2015 г. в с. Новая Кармала торжественно открыли мемориальную доску Герою Советского Союза Ивану Федоровичу Самаркину. В этом же году в честь 70-летия Великой Победы Новокармалинской средней общеобразовательной школе присвоили имя И. Ф. Самаркина [2, с. 18].

Можем ли мы сегодня сказать, что действительно «Никто не забыт, ничто не забыто», как написано в знаменитом стихотворении Ольги Берггольц? С одной стороны имена павших и пропавших без вести в 1941–1945 гг. жителей Кошкинского района Самарской области в годы войны занесены в Книгу Памяти [2]. Мы помним и тех фронтовиков, кого тяжелые раны преждевременно свели в могилу. Не забываем о заслугах тех фронтовиков, которые здравствуют и поныне. Их великий подвиг никогда не изгладится из нашей памяти. Высокий патриотизм кошкинцев, их несгибаемая воля к победе, бесстрашие, готовность идти на любые жертвы особенно ярко проявились в боях против фашистских захватчиков. С другой стороны, предстоит сделать еще очень много для установления полного списка кошкинцев не вернувшихся с войны, выявления достоверных сведений об их фронтовом пути.

Библиографический список

1. Бушуева О.Ю. Безвозвратные людские потери Куйбышевской области в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Монография. Самара: Реавиз, 2012. 188 с.
2. Книга Памяти: Рос. Федерация, Самар. обл.: в 19 т. Т. 16 / сост. Абаев В.В. и др. Самара, 1994. 312 с.

3. Кошкинский историко-краеведческий музей. Коллекция материалов о Великой Отечественной войне.

4. Маяк Ильича. 1941. № 107 (1339). 3 сентября.

5. Огненные годы: молодежь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. Сборник документов / сост.: Ларин Г.Д., Лобанихина И.М., Силаева З.А. и [др.]. Москва: Молодая гвардия, 1965. 527 с.

А.А. Игонин

Ульяновский государственный педагогический университет

РОЛЬ САНИТАРНО-ЭПИДЕМИОЛОГИЧЕСКОЙ СЛУЖБЫ В ПОСЛЕВОЕННОМ ВОССТАНОВЛЕНИИ УЛЬЯНОВСКА (1945–1953 гг.)

В годы Великой Отечественной войны Ульяновск пережил важное событие в своей истории – стал региональным центром новообразованной Ульяновской области. Такие перемены стали возможны во многом благодаря проведенной в годы войны эвакуации промышленных предприятий из западных областей Советского Союза. В связи с прибытием в город вместе с оборудованием заводов, сырья, других материалов и большого количества людей – рабочих с семьями, а также постоянно прибывающими ранеными бойцами Красной Армии для лечения в эвакогоспиталях обострились санитарно-эпидемиологические проблемы. Антисанитария и последовавший за ней рост разного рода заболеваний требовали действий: были мобилизованы силы управленческих кадров, работников сан-эпид. службы и жителей города, однако до конца войны, даже с началом реэвакуации части предприятий, полностью устранить проблемы санитарии и болезней не удалось. Это смогли сделать уже в период мирного восстановления.

Первым важным организационным мероприятием было деление Ульяновска на медицинские участки [1, оп. 2. д. 1. л. 1], т.е. за лечебными учреждениями закреплялись определенные зоны ответственности, в пределах которых они осуществляли контроль за здоровьем граждан и самостоятельно принимали профилактические меры.

В 1946 году, спустя всего год после окончания Великой Отечественной войны, еще остаются проблемой тифозные заболевания (сыпной и брюшной тиф). В частности, на одной из строек была зафиксирована вспышка сыпного тифа, распространителем которого является вошь, а вошь – результат загрязнения повседневной жизни рабочих. Стоит отметить, что в это время в городе еще было множество бараков, которые чистотой, мягко говоря, не отличались. Городской чрезвычайной противоэпидемической комиссией был принят ряд мер по ликвидации педикулеза, т.е. причины сыпного тифа, а именно: «обеспечить бесперебойную работу бани...; обеспечить проведение кольцевой санобработки всех семей, проживающих на

территории строительства...; принять все меры к недопущению вселения в бараки приезжающих без сан. обработки» [1, оп. 3, д. 8, л. 7] и др.

Отдельной проблемой стала вспышка скарлатины у детей летом 1946 г.: «Чрезвычайная противоэпидемическая комиссия отмечает снижение заболеваемости кори и рост числа заболеваний скарлатиной по городу в августе месяце. В августе крости 50 сл., скарлатины 126 сл., причем скарлатиной болеют в основном дети дошкольного и школьного возраста 10 лет» [1, оп. 3, д. 8, л. 16].

В целом, большинство больных, которых обслуживали лечебные учреждения города, имели желудочно-кишечные заболевания. Их причинами была антисанитария в жилищах (квартирах и многочисленных бараках) и проблемы с чистой водой. Помимо очистки воды способом профилактики были прививки [1, оп. 3, д. 11, л. 59].

Весьма показательный случай, отражающий санитарно-эпидемиологическую ситуацию в городе, описан в заметке в одной из ульяновских газет: «На пассажирской пристани имеется комната матери и ребенка, предназначенная только для матери и ребенка. Но в этой комнате можно встретить разных пассажиров с вещами без детей. ... В комнате ужасная антисанитария, слой грязи и мусора. Мы обратились по этому поводу к врачу, чтобы она обратила внимание. Она накричала на нас и сказала, что это не наше дело. Мать Ковалева 3-и сутки валяется на полу с ребенком и говорит, что за это время ни разу не убрали. Сегодня, 28, после моих походов прислали уборщицу подмести. Она достала грязную метлу и стала швырять мусор в комнате детей, не намочила веник. Когда ей об этом стали говорить, она на нас накричала, что мы сами свиньи. Просим редакцию поместить эту заметку и горздраву вмешаться в это дело и привлечь врача пристани к ответственности, т.к. это источник распространения заразных болезней. А в общих залах еще хуже» [1, оп. 2, д. 10, л. 10].

Важной составляющей работы по предупреждению антисанитарных условий и болезней была просветительская работа. Ее проводили мед. учреждения, школы, техникумы, вузы, а также тематика гигиены была одной из важных в массовых лекциях, которые являлись одной из форм проведения массового досуга. Среди них выделялись следующие темы: «Детские инфекционные болезни и меры профилактики», «Как сохранить здоровье», «Гигиена девушки» [2, оп. 1, д. 2, л. 36-43].

В послевоенную пятилетку была поставлена задача восстановления народного хозяйства. Ульяновск не стал исключением. Реэвакуация облегчила санитарно-эпидемиологическую ситуацию. Развернувшаяся перестройка города помогла привести в порядок улицы и избавить город от очагов инфекций – барачков. Санитарные объекты – бани, дезостанции, очистные сооружения и самоотверженная работа врачей помогли предотвратить массовые вспышки болезней. Свою роль в организации граждан сыграла и просветительская деятельность.

Библиографический список

1. Ульяновский городской архив (МКУ «УГА»). Ф. 58.
2. Ульяновский городской архив (МКУ «УГА»). Ф. 12.

С.А. Будылина

Ульяновский государственный педагогический университет

УЛУЧШЕНИЕ УСЛОВИЙ ТРУДА В КОЛХОЗАХ И СОВХОЗАХ УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ В 1950–1970-е гг.

На процесс развития сельского хозяйства оказывает влияние достаточно большой перечень факторов: агроклиматические условия, земельный фонд, механизация и трудовые ресурсы. Эффективность труда аграриев во многом зависит от существующих условий. В советском государстве на данный компонент обращали серьезное внимание, особенно в послевоенные десятилетия, правительство предпринимало различные шаги по созданию благоприятной обстановки для рабочих кадров и членов их семей.

На территории Ульяновской области в 1950-х – 1970-х гг. на основании плановости развития сельского хозяйства осуществлялись мероприятия по улучшению условий труда в колхозах и совхозах. В целях увеличения благосостояния тружеников и развития общественного производства, а также товарности были значительно повышены заготовительные цены на зерно, продукты животноводства, картофель, овощи, лен и коноплю [1, оп. 14 д. 226 л. 17].

У каждого колхоза области была заинтересованность в привлечении в коллектив квалифицированных механизаторов, трактористов и комбайнеров. Для этого на протяжении 1950-х – 1970-х гг. создавались благоприятные условия труда для рабочих кадров. В Николаевском районе в 16 хозяйствах (из 18 имеющихся) производился планово-профилактический ремонт и техническое обслуживание машинно-тракторного парка мастерами-наладчиками. Большое внимание уделялось молодым механизаторам, а также демобилизованным воинам, имеющим удостоверение тракториста-машиниста, им в первую очередь выделялась новая техника, предоставлялись квартиры, оказывалась материальная помощь [1, оп. 14 д. 226 л. 17]. Также сельскохозяйственным рабочим по уровню квалификации заработная плата. Основываясь на материалах документации колхозов Николаевского района, следует отметить, что среднемесячная оплата труда механизаторов в хозяйствах составляла: в 1973 г. – 153 руб., в 1974 г. – 167 руб. [2, оп. 3. д. 228. л. 15.].

В рамках мер по улучшению условий труда и поощрения работников выделялись путевки для организации отдыха, вручались поощрительные грамоты, благодарственные письма и медали за выполнение плана [5]. Дан-

ная политика поддерживалась на всем протяжении существования Советской власти.

Каждый колхоз области был обязан проводить работу по укреплению всех звеньев сельскохозяйственного производства кадрами. Так, Радищевский район, согласно постановлению бюро обкома КПСС, разработал мероприятия по улучшению условий труда и закреплению механизаторских кадров в сельскохозяйственном производстве. С августа 1975 года в районе вводились в эксплуатацию новые типовые мастерские в колхозах «Рассвет», «Победа», районном объединении «Сельхозтехника», пункты технического обслуживания в совхозе «Сызранский», автогаражи в совхозе «Южный», колхозе «Память Ильича», машинные дворы во всех совхозах и колхозах района. Улучшилась материальная обеспеченность механизаторов, среднемесячная оплата их труда возросла по сравнению с восьмой пятилеткой на 85 – 90 руб. и составила 188 руб. Механизаторам в первую очередь выделялись квартиры, правления колхозов оказывало большую помощь в строительстве индивидуальных домов [1, оп. 14 д. 226].

В рамках постановления ЦК КПСС «О мерах по улучшению условий труда и закреплению механизаторских кадров в сельском хозяйстве» 1975 г. была реализована программа по повышению квалификации работников сельского хозяйства. В Сингилеевском районе за период 1974–1975 учебного года на курсах механизаторского обучения в колхозах и совхозах, средних общеобразовательных школах и промышленных предприятиях было подготовлено 239 человек. Параллельно с обучением механизаторских кадров в колхозах и совхозах района проводились занятия по повышению классности [3, оп. 8. д. 230 л. 156].

На протяжении озвученного периода во многих колхозах области были установлены выплаты по инвалидности, начисление трудовых дней производилось в зависимости от группы инвалидности или начислялся процент от заработка за последний период работы. В колхозе «Путь Ильича» Никола-Черемшанского района устанавливалось следующее начисление пенсии: инвалидам I группы – 60 %, II группы – 20 %-35 % среднего годового заработка за последние 3 года их работы. В целях облегчения труда беременных и кормящих женщин во всех колхозах за 56 дней до родов и 50 дней после родов сохранялась оплата в размере от 50 % до 80 % выработанных ими трудов дней за последние 12 месяцев. [4, оп. 8. д. 232. л. 187].

Таким образом, колхозы и совхозы назначали материальные выплаты сельскохозяйственным работникам, оказывали помощь в постройке жилых домов, «передовиков» награждали благодарственными письмами, путевками отдыха за выполнение плана. Все данные действия направлялись на повышение эффективности труда.

Библиографический список

1. Государственный архив новейшей истории Ульяновской области (ГАНИУО). Ф. 8.

2. ГАНИУО. Ф. 14.
3. ГАНИУО. Ф. 9.
4. ГАНИУО. Ф. 10.
5. Постановление ЦК КПСС «О мерах по улучшению условий труда и закреплению механизаторских кадров в сельском хозяйстве» 1975 г. официальный сайт – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/901816932> (дата обращения 09.11.2021 г.)

А.А. Зубкова

*Самарский государственный
социально-педагогический университет*

ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ СРЕДНИХ ШКОЛ И ШКОЛ ФЗО КУЙБЫШЕВСКОЙ ОБЛАСТИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Великая Отечественная война внесла коррективы во все сферы жизни общества, в том числе и в образовательную среду. Директорам школ и училищ пришлось столкнуться с большим количеством проблем, в том числе с вопросами обеспечения продовольствием учеников, а также своих сотрудников. Теме продовольственного снабжения тыла, в частности школ и школ фабрично-заводского обучения (ФЗО) в 1941–1945 гг. в современной историографии уделяется недостаточно внимания [1–6].

В фондах Самарского областного государственного архива социально-политической истории были изучены протоколы заседаний бюро чапаевского и сызранского городских комитетов ВКП (б) военных лет [7, 8]. Они позволили установить вопиющие случаи в обеспечении учащихся и преподавателей указанных учебных заведений.

Питание детей в средних школах было неудовлетворительным на протяжении всего военного времени. Так, в феврале и марте 1943 г. хлеб в школы Чапаевска завозился не регулярно, не всегда школьные буфеты были обеспечены сахаром и кондитерскими изделиями. Во многих школах отсутствовал кипяток [7, оп. 1. д. 147. л. 193]. Иногда учащиеся получали испорченные продукты (например, испорченное консервированное молоко по стоимости 5,5 рублей за стакан). Полы на кухнях и в самих школьных столовых были грязные, посуда и столы мылись плохо. Повара нередко обвешивали учащихся. Вместо 200 г хлеба, выдавали 190 г., вместо 5 г. растительного масла – 3 г, вместо 60 г селедки – 52–54 г, вместо 16 г конфет (на два дня) – 14–15 г. Случались и отравления детей в школьных столовых [8, оп. 1. д. 242. л. 43].

В школах ФЗО существовали жестокие правила выживания. Учащихся могли морить голодом за малейшую провинность, за невыход на работу и др. Так, в школе ФЗО № 7 г. Сызрани учащихся лишали завтраков и обедов за невыполнение распоряжений мастера или директора школы. 20 мая

1942 г. ученика Баскова не допустили на работу, лишили пищи за отказ остричь волосы на голове. Учащаяся Кочейкина была лишена пищи на три дня за невыход на работу по причине отсутствия обуви. Эти факты обнаружили во время расследования самоубийства упомянутого Баскова, который 22 мая 1942 г. покончил жизнь самоубийством, выстрелив в себя из охотничьего ружья [8, оп. 1. д. 241. л. 331].

В конце 1942 г. на заседании бюро сызранского городского комитета партии заслушали отчет о состоянии и мерах улучшения работы школ ФЗО, ремесленных и железнодорожных училищ. В нем было отмечено, что обувью и одеждой учащиеся обеспечены частично; питание однообразное, недостаточной калорийности. Чтобы улучшить сложившуюся ситуацию, торговый отдел регулярно проверял отделы рабочего снабжения предприятий, где трудились учащиеся местных школ ФЗО [8, оп. 1. д. 242. л. 46].

Что же касается продовольственного обеспечения учителей, то можно отметить, что были перебои в обеспечении преподавателей хлебом, отоваривание продовольственных и промтоварных карточек проходило плохо, не все учителя смогли обеспечить себя на зиму овощами и картофелем [7, оп. 1. д. 149. л. 35]. Местные партийные и советские органы практически не принимали мер по обеспечению продовольствием и промтоварами учителей средних, неполных средних и начальных школ. Городские отделы народного образования, городские отделы торговли безразлично относились к материально-бытовым нуждам учителей. В отдельных районах Куйбышева, Сызрани и Чапаевска учителя долгое время не могли добиться решения по такому жизненному вопросу, как получение хлеба каждый день, нередко оставаясь без хлеба по несколько дней [8, оп. 1. д. 281. л. 89].

Таким образом, уровень снабжения учеников и учителей в средних школах и школах ФЗО Куйбышевской области в 1941–1945 гг. был низким и явно недостаточным. Учащиеся и учителя недоедали, страдало качество питания в школьных столовых, учеников школ ФЗО могли лишить еды за непослушание. Все это объяснялось не только условиями войны, но и недостаточно квалифицированным руководством учебных заведений.

Библиографический список

1. Война и дети. 1941–1945 (Они заменили взрослых, ушедших на фронт, и выстояли) / ред. совет: гл. ред. Г.В. Субботин и [др.]. Самара: Самар. отд-ние Литфонда России, 2005. 267 с.
2. Дети фронту: очерки о самарских детях и подростках – тружениках тыла / сост. А.П. Сусленков. Самара: Самарский институт управления, 2008. 52 с.
3. Кабирова А.Ш. Общество и дети: Борьба с детской безнадзорностью и девиантностью в Татарстане в период Великой Отечественной войны // Филология и культура. 2011. № 3 (25). С. 109–113.
4. Коренюк В.М. Провинциальное детство в 1941–1945 гг. (на материалах Молотовской области) // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия № 3. Гуманитарные и общественные науки. 2015. № 2. С. 72–77.

5. Носова М.С. Особенности детства в тыловом сибирском городе в годы Великой Отечественной войны (на примере Омска) // Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность. 2019. Том 4. № 2. С. 58–61.

6. Овчинников А.В. Власть и учительство в России в годы Великой Отечественной войны // Отечественная и зарубежная педагогика. 2020. Том 1. № 2 (66). С. 7–17.

7. Самарский областной государственный архив социально-политической истории (СОГАСПИ). Ф. 46.

8. СОГАСПИ. Ф. 1474.

А.В. Власов

*Саратовский национальный исследовательский
государственный университет*

«ПОБЕДИТЕЛИ И ПОБЕЖДЕННЫЕ»: СЛОЖНОСТИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ СОТРУДНИКОВ СОВЕТСКОЙ ВОЕННОЙ АДМИНИСТРАЦИИ И МЕСТНОГО НАСЕЛЕНИЯ В ВОСТОЧНОЙ ГЕРМАНИИ

В 1945 году СССР вышел на новую колею своего развития, что послужило причиной для исследователей назвать последующий за этим годом восьмилетний период как рождение сверхдержавы. Этот год стал утверждением и триумфом советской внешней политики, исполнением революционного пророчества, когда советский строй и советская культура доказали всему миру свое превосходство в капиталистической «боюне». Рожденные в 1917 году и утвержденные в 1945 году чувство превосходства и ощущения себя победителями создавали предпосылки не только для конструирования «интернациональной по форме и национальной по содержанию имперской культуры», но и для распространения этой культуры во внешний мир или создание других культур по данному образцу.

Интересным примером в этой связи является существование оккупационной зависимости Восточной Германии от СССР в 1945-1949 гг., в рамках которой произойдет кристаллизация «особого пути» Германии в границах Германской Демократической республики. Масштаб изучения проблемы насколько «имперским» СССР был в самые различные этапы своего развития воистину огромный. Он же подкрепляется также значительным градусом спорности тех или иных положений. Тем не менее дискуссионность применения постколониальной теории к истории и культуре СССР не лишает нас возможности (и соблазна) ее использования. Совокупность теоретических концептов постколониальных исследований позволяет обратиться к уже традиционным источникам по советской оккупации в Германии – архивным документам и эго-документам – с новыми вопросами. Большинство исследований, посвященных как германскому вопросу в советской политике, так и советской оккупационной администрации, присущее интенционально телеологическое истолкование источников, затрудняющих раскрытие многих проблемных вопросов, проливающих свет на «глубинные» процессы советско-германского взаимодействия после войны.

Первые шаги в этом направлении были предприняты в исследованиях в современном историографическом поле, которое не отождествляет себя с постколониальными исследованиями. В частности, это работы немецких исследователей Яна Фойтчика и Эльке Шерстяной, призывающие к более тщательному анализу, казалось бы, уже устоявшихся положений на проблемы советской оккупации Германии после войны [3][5]. В русле этого «постревизионизма» уже в рамках данного выступления крайне важной выглядит исследование отечественного историка, проведенное в Германии и которое следует причислить к немецким историографическим традициям. Речь идет о работе А.А. Тихомирова «Лучший друг немецкого народа»: культ Сталина в Восточной Германии (1945–1961 гг.)», в которой был изучено «культурное ядро» Социалистической единой партии Германии и ГДР [4].

Процесс перехода от войны к миру после 1945 года стал важной частью советско-немецких взаимоотношений в XX веке, он создал не только новую модель взаимоотношений – победителей и побежденных, но и новый опыт переживания краха ценностной системы координат немцами, а также опыт утверждения и признания своей системы советскими гражданами. После наступления мира двустороннее восприятие стран определялось негативными стереотипами и образами врагов, обнажавших конфликт конгруэнтности между советским и немецким мирами. Данный конфликт приводил к рождению «причудливых форм» социального взаимодействия и смешению дискурсивных полей.

1. Новая модель взаимоотношений может быть описана с помощью методологической концепции «власти-гегемонии» А. Грамши. Принятие советской власти (на неопределенное время) немецким населением воспринималось, во-первых, по праву победителя, силой советской армии и советского народа, сокрушивших грандиозный модернистский проект Третьего Рейха, во-вторых, по праву признания превосходства уже советского модернистского проекта, который погрузил немецкое общество в состояние тотальной неопределенности. Добровольное принятие новых властных отношений уже с первых же дней стало испытывать сложную проверку на прочность, когда происходило конкурирование с западным демократическим и глобалистским проектом с помощью изощренной системы пропаганды и экономического воздействия, что было вызвано союзнической оккупацией Германии. Положение Берлина здесь имеет особенное значение, что ярко проявлялось на протяжении конца 1940-х годов и второй половины XX века. «Власть-гегемония» в свою очередь создавала гибридную идентичность не только у немецкого населения, но и у советских военнослужащих и сотрудников.

2. Период оккупации помимо прочего способствовал выработке собственного «языка» в советско-германском взаимодействии и советско-советском взаимодействии [2]. На начальном этапе это выражалось в столкновении разных дискурсивных полей. Например, только ли страхом и раболепием руководствовался старый марксист В. Шмидт, обращаясь к Глав-

нокомандующему ГСОВГ-СВАГ Г.К. Жукову, называя адресата своей просьбой «Ваше Превосходительство»? [1] Как «националистический» курс, сформулированный в довоенный и военный период, соотносился с советским уже на территории Германии в период оккупации, если советское государство может только освободить, а не оккупировать? Здесь же особый интерес представляет смена иерархических диспозиций, т. к. в ображаемой географии того же немецкого населения русское общество находилось ниже их самих, и это конструировалось не только в период существования Третьего Рейха. Теперь же самое немецкое общество находилось в подчинении советского общества, которое провозглашало модус эгалитарности.

3. Контролируя процессы производства знания, имея административные и идеологические инструменты по навязыванию новой идентичности, советская власть в период оккупации столкнулась не только со сложностью создания образа социалистического строя в новой Германии. Зависимое и подчиненное положение немецкого общества, не только в активным, но и пассивным воздействием изменяли идентичность советских граждан в оккупационной администрации. Этот же процесс усиливался при идеологическом и экономическом воздействии союзников на немецкое и советское общества. В языке того времени это нашло отражение в таких формулировках, как «обуржуазились», «низкопоклонство перед иностранщиной», «безродный космополитизм» и «американский империализм». То есть создавалась парадоксальная ситуация, когда сами представители «метрополии» боялись стать «колонизируемыми» в стране, где политику «колонизации» они сами.

Изложенные тезисы отнюдь не бесспорны и нуждаются в апробации и обсуждении. За 1945-1949 гг. советский и немецкий миры создали огромное и далеко не однозначное для оценок историко-культурное пространство, позволяющее вновь и вновь возвращаться к нему с новыми вопросами в надежде постичь историческую «истину».

Библиографический список

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 7317. Оп. 2. Д. 2. Л. 1-2.
2. Козлов В.А., Козлова М.Е. «Бесчинства» как управленческий концепт. К пониманию военно-бюрократической культуры советского оккупационного режима в Германии (1945-1949 гг.) // Русский сборник. Исследования по истории России. Вып. XIV. М., 2013. С. 414-472.
3. Советская политика в отношении Германии, 1944-1954. Документы / сост., отв. ред. Я. Фойтшик. М., 2011.
4. Тихомиров А.А. «Лучший друг немецкого народа»: культ Сталина в Восточной Германии (1945-1961 гг.). М., 2014.
5. Шерстяной Э. Реформа Советской оккупационной политики в Германии на рубеже 1946-1947 годов // Новая и новейшая история. 2018. № 6. С. 68-88.

СИСТЕМА ОБРАЗОВАНИЯ В ВОСТОЧНОЙ ГЕРМАНИИ (1933-1945)

Система образования в странах социалистического лагеря строилась по образцу, сложившемуся к тому времени в СССР. Прежде всего, следует отметить идеологизацию образования, введение централизованного управления школой, единообразия ее типов и учебных программ, методов и приемов обучения. В школах были созданы коммунистические партийные ячейки, детские и юношеские политизированные организации по типу советских пионерской и комсомольской. Не исключением стала и оккупированная Восточная Германия.

После того, как Гитлер сделался рейсканцлером, положение дел в Германии стало меняться. Средняя классическая школа состояла из восьми годов обучения. Любой школьный предмет изучался теперь с национал-социалистической точки зрения. Большинство учебников было заменено новыми, которые были написаны, составлены и отредактированы правительственными чиновниками. «Майн кампф» Адольфа Гитлера стала книгой для чтения на занятиях по истории. Следующей по важности после «Майн Кампф» была книга Розенберга «Миф XX века», которую большинство думающих немцев воспринимали как плохую шутку. Был также введен новый предмет – наука о расе, религиозные же занятия стали факультативными [1, с. 326]. Была даже предусмотрена следующая расовая директива: «Все преподаватели получили указание обучать своих учеников причинности и эффективности расовых проблем, чтобы довести до них значение расы для жизни и существования немецкого народа. Занятия с детьми следует начинать с самого раннего возраста, Всемирную историю надо изучать как историю разсовершенных людей. Расовая идея ведет к устранению демократии и других «уравнительных тенденций», преподносимых как международная цивилизация» [3, с. 27].

Два раза в неделю в школах проводились вечерние занятия. Их проводили молодые девушки. Кроме того, каждый ученик школы должен был присутствовать на публичных мероприятиях, а также молодежных встречах. Субботы и воскресенья были заняты экскурсиями, походами с ночевкой в палатках и маршами. Летом учащиеся занимались часами строевой подготовкой на воздухе. Мальчики маршировали как солдаты на плацу, а девицы отдавали команды не хуже унтер-офицеров. Вечерние занятия с мальчиками проводились в том же здании. Довольно часто учащихся собирали в одной большой аудитории, где некие личности читали лекции по расовым проблемам. Эти лекции вскоре принесли свои плоды. У нескольких ребят рождались незаконнорожденные сыновья, зачатые в стенах гитлерюгенда. Девчонки считали, что выполнили свой долг, а возможные отцы

долго спорили о том, чья же это была «работа», не считаясь с тем, что девочки могли слышать их рассуждения [1, с. 325].

Годы нацистского господства (1933 – 1945 гг.) показали, насколько эффективно может быть использована в политических целях система образования. Нацизм, подобно другому революционному движению, ставил перед собой цель привлечения молодого поколения и использования его в своих целях.

Теперь рассмотрим, как проходило обучение в средней школе в советской зоне оккупации.

С 11 мая по 2 июня 1946 года в землях и провинциях советской зоны управления земель и провинций приняли и опубликовали почти идентичные законы о демократизации школы.

Основная ступень образования – неполная средняя школа. Все дети, которым не менее чем за 3 месяца до начала учебного года исполнилось 6 лет поступали в неполную среднюю школу. Обучение в ней было обязательным. Школа состояла из восьми классов, в которых преподавались немецкий язык, история, краеведение, география, биология, физика, химия, математика, основы искусства, труд, музыка и физкультура. На пятом году обучения для всех учеников вводилось преподавание одного из современных иностранных языков. На седьмом и восьмом году обучения повсеместно вводились дополнительные курсы по обучению второму иностранному языку, математике и естественнонаучным дисциплинам [2, с. 331].

После окончания неполной средней школы образование продолжалось в четырех старших классах средней школы с тремя уклонами. Она давала знания и развивала способности, необходимые для поступления в высшую школу. В средней школе наряду с преподаванием основных предметов вводились курсы, которые в систематической форме продолжали специализацию, начатую на седьмом году обучения в неполной средней школе.

Таким образом, говоря о системе среднего образования, можно сделать вывод: школьное обучение в нацистской Германии базировалось на «национал-социалистическом мировоззрении, Реформа СВАГ, призванная демократизировать систему образования позволила взять под контроль воспитание молодых граждан Восточной Германии.

Библиографический список

1. Макки Ильза. Завтра весь мир // Моссе Дж. Нацизм и культура. Идеология и культура национал-социализма. Москва, 2003. С. 326.
2. Распоряжение имперского министра образования Б.Руста. Таймс, Лондон, 1935 // Моссе Дж. Нацизм и культура. Идеология и культура национал-социализма. Москва, 2003. С.331.
3. Развитие начального образования в советской оккупационной зоне в 1945 году // Взносы на воспитание. Берлин, 1949. №6. с.27.

РЕАКЦИЯ СССР НА «ДЕЛО КАТАЛИНЫ» 1952 г.

13 июня 1952 г. над Балтийским морем вблизи советских границ был сбит самолет-разведчик «Дуглас ДС-3», 16 июня – шведский самолет «Каталина», который отправился на поиски экипажа «Дугласа» [2, с. 374; 9, с. 124–125]. Их нахождение недалеко от территориальных вод СССР не могло не вызвать беспокойство Москвы с учетом представления советской стороной Швеции как прозападно ориентированного государства, премьер-министр которого, к тому же, в апреле 1952 г. посетил США «к сожалению для советской стороны, раньше, чем СССР» [11, с. 176–177].

Инциденты с самолетами вызвали напряжение в советско-шведских отношениях. Последовал обмен нотами, в которых Швеция и СССР отстаивали свои позиции относительно произошедшего.

16 июня 1952 г. Стокгольм выразил протест советскому правительству [9, с. 125; 11, с. 307–308]. Однако на следующий день последовал ответный протест Москвы о нарушении советской границы шведским военным самолетом, который отказался следовать за советскими истребителями для посадки на аэродром и открыл по одному из них огонь, и после ответного огня ушел в сторону моря [7, оп. 3, д. 1095, п. 114, л. 25, 108].

Следующую ноту Стокгольма 18 июня с заявлением о том, что шведский самолет, пропавший 16 июня, не был вооружен и совершал полет над международными водами, Москва отклонила. Советское руководство утверждало, что, во-первых, шведский самолет находился в 4 милях от советской сухопутной границы, т. е. в пределах советских территориальных вод. Во-вторых, ссылаясь на открытие огня шведским самолетом, Москва подчеркнула, что самолет был вооружен. В-третьих, Москва обратила внимание шведов на нарушение границы их самолетами дважды в 1951 г. и потребовала впредь не допускать подобных действий [8, оп. 2, д. 1364, л. 102–103].

Оставался открытым вопрос о пропавшем 13 июня «Дугласе». 21 июня шведский посол хотел выяснить, не был ли данный самолет обстрелян советскими вооруженными силами [8, оп. 2, д. 1364, л. 107]. 24 июня Москва, отметив факт нарушения советской границы 13 июня двумя иностранными самолетами, ответила, что их национальная принадлежность ввиду неблагоприятных атмосферных условий не была установлена, и они были отогнаны советскими самолетами [8, оп. 2, д. 1364, л. 114–115].

Для выяснения обстоятельств инцидента Стокгольм решил привлечь силы международного расследования и предложил это Москве 1 июля [8, оп. 2, д. 1364, л. 140–144]. Здесь также были изложены итоги расследования шведской аварийной комиссии, утверждавшей, что «Каталина» 16 июня не нарушал советские границы [8, оп. 2, д. 1364, л. 145–155]. 16 июля

Москва отвергла предложение Стокгольма, ответив, что защита советских границ является неотъемлемым правом и долгом СССР. Итоги расследования шведской комиссии советское руководство посчитало бесосновательными, ссылаясь на «приблизительное» определение Стокгольмом времени и местонахождения самолета [8, оп. 2, д. 1364, л. 174–179].

Ноты советского руководства Швеции были опубликованы в советской прессе. В центральных газетах «Правда» и «Известия», газетах военного министерства «Красная звезда», военно-воздушных сил «Сталинский сокол», военно-морского министерства «Красный флот», а также «Комсомольская правда» 18 июня был опубликован «Протест Советского Правительства Правительству Швеции» 17 июня [6, №170, с. 2; 1, №143, с. 2; 4, № 143, с. 2; 10, № 143, с. 2; 5, № 143, с. 2; 3, № 143, с. 2]. Следующие три ноты советского правительства 19, 24 июня и 16 июля были напечатаны в указанных газетах 20, 25 июня и 17 июля, однако их названия носили более умеренный характер «В Министерстве Иностранных Дел СССР». Данные ноты не были прокомментированы, однако советским руководством было решено опубликовать беседу с начальником штаба авиации военно-морских сил СССР генерал-лейтенантом авиации А. М. Шугининым в газете «Красный флот» 18 июля, в которой генерал высказал мнение о противоречивости фактов расследования в Швеции инцидента с «Каталиной» [7, оп. 3, д. 1095, п. 301, л. 67, 150–156; 5, №169, с. 2].

Однако шведское руководство аргументы советской стороны не вполне устраивали. В связи с этим 5 августа последовала новая нота главы МИДа Швеции Э. Ундена, повторявшая сказанное Стокгольмом выше [8, оп. 2, д. 1364, л. 182–184]. Ответ СССР на ноту 5 августа последовал только 8 октября. Москва, как и Стокгольм, оставалась на своей позиции [9, с. 126].

В результате Э. Унден 16 октября 1952 г. выступил с заявлением об инциденте на Балтийском море на осенней сессии Генеральной Ассамблеи ООН [12, с. 82–89], однако со шведской стороны не последовало прямое обращение в ООН для рассмотрения данного вопроса [9, с. 126].

Таким образом, Москва отклонила ноты Стокгольма по поводу случившегося 13 и 16 июня 1952 г., выразив протест Швеции относительно нарушения шведскими самолетами советской границы и отклонив предложение Стокгольма о передачи данного вопроса в международные инстанции, объяснив защиту советских границ неотъемлемым правом и долгом СССР.

Библиографический список

1. Известия. №143, 145, 149, 168. М., 1952.
2. Комаров А.А., Коробочкин М.Л. СССР и шведский нейтралитет. 1945 г.-середина 1950-х гг.//Россия в мире: образы и грани взаимодействия. М., 2019.
3. Комсомольская правда. №143, 145, 149, 168. М., 1952.
4. Красная звезда. №143, 145, 149, 168. М., 1952.
5. Красный флот. №143, 145, 149, 168, 169. М., 1952.
6. Правда. №170, 172, 177, 199. М., 1952.

7. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАС-ПИ). Ф. 17.
8. РГАСПИ. Ф. 82.
9. Рупасов А.И., Самуэльсон Л. Советско-шведские отношения: вторая половина 1940-х – начало 1960-х гг. М., 2005.
10. Сталинский сокол. №143, 145, 149, 168. М., 1952.
11. Erlander T. 1940 – 1949. Stockholm, 1973.
12. Utrikesfregor. Offentliga document m.m. г:rande viktigare svenska utrikespolitiska fregor. 1952. Stockholm, 1953.

А.А. Вишнякова

*Самарский государственный
социально-педагогический университет*

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КУЙБЫШЕВСКОГО ПРОФСОЮЗА РАБОЧИХ КОММУНАЛЬНОГО ХОЗЯЙСТВА В 1946–1950 гг.

Первый отраслевой самарский профсоюз был создан в 1918 г. на базе организаций рабочих и служащих конно-железных дорог, водопровода, городских бань, трубочистов, возникших еще в 1905 г. В условиях послевоенного восстановления страны возникла необходимость увеличить количество низовых профсоюзных организаций и объединить их в систему.

Согласно постановлению ВЦСПС от 18 ноября 1945 г. профсоюз рабочих коммунального хозяйства пополнился служащими бань, прачечных и парикмахерских. Такое решение должно было решить важную задачу укрепления финансовой базы профессионального движения. Уменьшить штат платных работников удалось за счет создания в 1946 г. областных комитетов. Эти организации получили возможность массового и целенаправленного управления низовыми коллективами [1, с. 196–198].

Среди направлений деятельности Куйбышевского профсоюза рабочих коммунального хозяйства в 1946–1950 гг. следует выделить основополагающее – выполнение заданий четвертой пятилетки. XV пленум ВЦСПС 1946 г. поставил перед областным союзом задачу – разъяснить цели пятилетнего плана восстановления и развития народного хозяйства СССР и обеспечить достижение установленных показателей за счет повышения производительности труда.

Особую роль в деятельности профессиональной организации Куйбышевской области играла идеологическая работа в трудовых коллективах. Обучение велось не только в области истории и политэкономии, но и по вопросам профессионального, технического преобразования процесса функционирования коммунальных предприятий. Такая образовательная деятельность была призвана повысить уровень квалификации рабочих и творческой активности, ускорить внедрение новых технологий в производствен-

ный процесс и, как следствие, увеличить нормы выработки [1, оп. 1. д. 23. л. 23].

Наряду с обучением одним из основных видов деятельности Куйбышевского профсоюза являлась организация областных первенств и социалистических соревнований. Ежегодно бани, прачечные и парикмахерские г. Куйбышева, как организации, которые находились в удручающем состоянии, участвовали в таких мероприятиях. Трест Горзеленстрой присоединился в 1947 г. к областному социалистическому соревнованию на лучшее благоустройство города, а служащие гостиницы «Астория» взяли на себя обязательства по выполнению годового плана, экономии ресурсов и повышению уровня политико-воспитательной работы [1, оп. 1. д. 23. л. 44; д. 48. л. 96].

По завершении работы XVI пленума ВЦСПС в 1947 г. комитеты профессионального союза рабочих коммунального хозяйства стали заниматься внедрением и заключением коллективных договоров между служащими и администрацией предприятий. Этот документ охватывал повседневную и бытовую жизнь рабочих – выполнение производственных планов, соблюдение техники безопасности и охраны труда [1, оп. 1. д. 21. л. 1].

С 1949 г. к традиционным пунктам коллективного договора добавилось обязательное участие служащих коммунальных предприятий в социалистических соревнованиях [1, оп. 1. д. 32. л. 30]. Документально зафиксированное, неукоснительное участие в таких мероприятиях должно было вызвать «повышение активности служащих в жизни предприятий и усилить их борьбу за повышение производительности труда» [1, оп. 1. д. 23. л. 22].

Исполнение обязательств эффективно контролировалось при помощи общественных смотров из состава профсоюза [1, оп. 1. д. 42. л. 49]. Они оценивали материально-техническое оснащение предприятий и качество обслуживания клиентов [1, оп. 1. д. 21. л. 19]. В качестве способов мотивации использовали также доски показателей, Книги почета, переходящие Красные знамена и почетные грамоты.

Несомненно, огромное внимание уделялось улучшению социального положения членов Куйбышевского профсоюза рабочих коммунального хозяйства. В 1946–1950 г. шло активное строительство, направленное на улучшение жилищных условий служащих сферы благоустройства города [1, оп. 1. д. 27. л. 39]. Ежемесячно работникам коммунальных предприятий выделяли путевки в санатории и дома отдыха, 70–75 % от стоимости которых оплачивала профсоюзная организация [1, оп. 1. д. 29. л. 3]. Имелись факты помощи больным и находящимся в тяжелом материальном положении, выплачивались пособия на погребение, пенсии работающим пенсионерам [1, оп. 1. д. 23. л. 42].

1 января 1947 г. Президиум ВЦСПС выпустил постановление «Об улучшении работы профсоюзов по оказанию помощи рабочим и служащим в воспитании детей». Еще одной статьей расходов Куйбышевской профсо-

юзной организации рабочих коммунального хозяйства стала выплата материальной помощи многодетным семьям, семьям погибших, инвалидов, пособий по родам и беременности, уходу и кормлению новорожденных, внешкольное обслуживание детей [1, оп. 1. д. 21. л. 12].

На заседаниях Куйбышевского обкома профсоюза рабочих коммунального хозяйства периодически рассматривались жалобы работников на действия со стороны начальства. Эти данные позволяют утверждать, что профсоюз активно участвовал в рассмотрении подобных обращений, способствовал их разрешению и выводил заявления рабочих на уровень народного суда [1, оп. 1. д. 21 л. 3; д. 23. л. 2, 20; д. 29. л. 16, 61].

Таким образом, нельзя не отметить вклад работников коммунальных предприятий и усилия профсоюзных организаций, сумевших воодушевить людей, в деле выполнения пятилетнего плана 1946–1950 гг., в том числе, в области благоустройства городов.

Библиографический список

1. Гладков И.Г. Они обслуживают нас. М.: Профиздат, 1965.
2. Самарский областной государственный архив социально-политической истории (СОГАСПИ). Ф. 9462.

И.С. Самсонова

Самарский национальный исследовательский университет

РОЛЬ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СССР В РАЗВИТИИ НАРОДНОЙ ДИПЛОМАТИИ (1960–1980 гг.)

Взаимодействие с иностранными гражданами в СССР в 1960-е – 1980-е гг. осуществлялось через ряд организаций различного уровня: от центральных партийных органов до отдельно взятых региональных предприятий и учреждений. Общественные организации, которые поддерживали связь с иностранной общественностью, имели сеть отделений в союзных республиках и отдельных, наиболее крупных городах Советского Союза. Идеологический контроль за их деятельностью существовал фактически на всех ступенях партийного аппарата: от ЦК КПСС и до партийных комитетов в общественных организациях, союзах и учреждениях культуры.

В разработке проблемы интернациональной деятельности СССР, в частности определения роли общественных организаций в ее осуществлении, можно выделить два этапа: советский и современный. В советский период было издано значительное количество литературы, которая была посвящена проблемам борьбы СССР за мир (В.П. Мошняга, В.В. Картунов, М.И. Басманов и др.), установлению мира и упрочению международной дружбы (К.Л. Малакшанов, В.В. Кравченко, В.М. Мисийчук и др.), про-

блемам интернационального воспитания молодежи (У.Э. Агустнаян, О.А. Дмитриев, Ю.Н. Головчанский и др.). Однако необходимо отметить, что данные исследования написаны в соответствии с марксистско-ленинской идеологией и выделяются отсутствием комплексного подхода к исследованию проблемы. На современном этапе расширяется круг исследуемых проблем, активно используются новые методологические подходы, создаются новые исследовательские школы и концепции. Появляются работы, отражающие интернациональную деятельность через призму протестных движений и митингов солидарности (Ю. Градскова, Н.В. Белошапка и др.), въездного туризма (Е.Б. Андреева, М.В. Соколова и др.), деятельность культурных и общественных учреждений, рассмотренную, в том числе на региональном уровне (О.В. Чижикова, Л.П. Борисова и др.). Все это позволяет более глубоко исследовать процесс становления интернациональной деятельности и оценить ее значение для современной действительности.

К ведущим общественным организациям, посредством которых СССР устанавливал дружеские и культурные связи с другими странами, были: Всесоюзный ленинский коммунистический союз молодежи (ВЛКСМ), Союз Советских обществ дружбы и культурных связей с зарубежными странами (ССОД) и Центральный совет по туризму и экскурсиям Всероссийского центрального совета профессиональных союзов (ЦСТЭ ВЦСПС). Организацией иностранного туризма в СССР занимался ВАО «Интурист» [1, с. 99].

Среди форм интернациональной работы общественных организаций СССР в изучаемый период можно выделить: собрания общественности, беседы, различные конференции и вечера отдыха, активная пропаганда советского образа жизни и достижений в различных сферах деятельности через органы СМИ, а также мероприятия, проводимые культурно-просветительскими учреждениями [2, с. 52].

В 1960–1970-е гг. в рамках идеологического сотрудничества выделилось самостоятельное, отдельное направление – взаимодействие объединений молодежи в сфере интернационального воспитания. В области идеологического воспитания молодежные объединения использовали опыт, полученный странами социалистического лагеря во время Второй мировой войны и в послевоенные годы. В 1970-е – 1980-е гг. в СССР были созданы учреждения культуры, Дома культуры и науки, ставшие местами концентрации информации о жизни Советского Союза, характеризующие ее с культурной, общественной и научной позиций.

Усиление противостояния СССР и США в конце 1970-х – начале 1980-х гг. привело к прекращению межправительственных контактов с рядом западных держав, придерживавшихся проамериканского курса во внешней политике. Туристический поток иностранных граждан в данный период существенно сократился, однако, деятельность туристских организаций не прекратилась [1, с. 101]. В отношении неправительственных организаций, частного и общественного характера, взаимодействие продолжалось. Такая

ситуация на международной арене благоприятствовала расширению идеологического контроля внутри самой страны. Одной из форм деятельности молодежных организаций в указанный период являлось участие детей и молодежи в различных массовых советских кампаниях, среди которых были акции поддержки народов разных стран в борьбе с империализмом [3, с. 128].

Таким образом, можно сделать вывод, что в 1960-е – 1980-е гг. XX века активно развивается такая форма взаимодействия с зарубежной общественностью, как народная дипломатия. Советские общественные организации в изучаемый период, являясь массовыми объединениями, не только выражали мнение народа, но и выполняли роль помощника власти в осуществлении намеченного государством и партией курса по расширению социальной активности и сознательности среди советской общественности, а также пропаганде советского образа жизни за границей. Однако, в виду усиления идеологических установок при Л.И. Брежнев, народная дипломатия в СССР была поглощена госаппаратом, поэтому потеряла свой изначальный смысл и действовала в рамках политики, проводимой коммунистической партией, в рамках советской идеологии.

Библиографический список.

1. Андреева Е.Б. Туризм в СССР: организационная структура системы туризма и международных обменов во второй половине XX века // Туризм и культурное наследие. Межвузовский сборник научных трудов. Саратов, 2009. С. 98-102.

2. Викторов А.Г. Общественно-политическая жизнь советской провинции 1965-1985 гг.: понятие, сущность и формы // Путь науки: Международный научный журнал. 2016. №2(24). С. 52-54.

3. Градскова Ю. Интернациональное воспитание и позднесоветская солидарность с Чили и Латинской Америкой – между геополитикой, протестом и самореализацией? // Журнальный клуб Интелрос «Laboratorium». 2011. №3. С. 118-142.

Д.В. Богданов

Самарский национальный исследовательский университет

УСЛОВИЯ ДЛЯ ОТКРЫТИЯ КУЙБЫШЕВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

В 60-е годы XX века Куйбышевская область входила в число лидеров социально-экономического развития страны. В регионе сформировались и функционировали аэрокосмический, машиностроительный, нефтехимический, энергетический кластеры. Помимо столичных вузов подготовку инженерно-технических кадров для предприятий региона вели политехнический институт с филиалами в Ставрополе (Тольятти) и Сызрани, институт связи, инженерно-строительный институт. Подготовкой гуманитарных кадров занимался лишь педагогический институт. Поэтому в области преоб-

ладала инженерно-техническая элита и остро ощущался дефицит специалистов в области гуманитарного и естественнонаучного знания. В этой связи в вузовской среде, прежде всего в Куйбышевском педагогическом институте, стал обсуждаться вопрос об открытии в областном центре государственного университета [4, с. 31]. Но в ходе дискуссии некоторые ученые выдвигали идею о том, что университет должен вести подготовку специалистов по естественным наукам – химиков, биологов, математиков и физиков.

Власти Куйбышевской области приняли активное участие в основании университета. Куйбышевский областной совет депутатов трудящихся 30 июня 1968 года «О создании минимальных условий для открытия КГУ» [4, с. 31].

Таким образом, поставленный вопрос об открытии в г. Куйбышеве университета был инициирован научной общественностью города, и эта инициатива была поддержана властными структурами Куйбышевской области. При такой ситуации, когда в регионе действовали отраслевые вузы, работавшие для удовлетворения потребностей экономики, университет был необходим.

Инициатива научной общественности была реализована. В 1969 году, согласно утверждению официальных источников, «в период подготовки к 100-летию со дня рождения В.И. Ленина», открылся Куйбышевский государственный университет (с 1991 по 2015 годы – Самарский государственный университет, ныне после объединения с Самарским государственным аэрокосмическим университетом имени академика С.П. Королева – Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева) [4, с. 147].

14 декабря 1966 года Председатель Совета Министров СССР А.Н. Косыгин подписал Постановление № 940 «Об организации Куйбышевского государственного университета» [3]. Первоначально в структуру университета вошли физический, механико-математический факультеты и факультет гуманитарных наук. В августе 1969 г была организована работа приемной комиссии. В университет на первый курс было зачислено 200 студентов и 1 сентября 1969 г. начался учебный процесс [4, с. 35]. 17 октября 1969 г. в зале драматического театра им. М. Горького состоялось торжественное открытие университета [4, с. 32]. В 1970 г. был открыт прием на специальности «юриспруденция» (в составе факультета гуманитарных наук), а также химия и биология (в составе химико-биологического факультета) [2, с. 160].

Таким образом, открытие университета в Куйбышеве было долгожданным событием. В крупнейшем промышленном городе Советского Союза концентрация специалистов в естественных и гуманитарных науках была незначительной, и уровень культуры был невысоким. Поэтому в 1966–1969 годах был основан Куйбышевский государственный университет с целью восполнения недостатка гуманитарной и естественнонаучной элиты. Следовательно, открытие университета должно было способствовать повышению уровня культуры в Куйбышеве.

Библиографический список.

1. Кабытов П.С., Леонов М.М., Леонтьева О.Б. Предисловие// Университеты в социокультурном пространстве Самарского региона: материалы круглого стола, состоявшегося в Самарском университете 8-9 декабря 2018 г./ под ред. П.С. Кабытова, М.М. Леонова, О.Б. Леонтьевой; сост. М.М. Леонов, О.Б. Леонтьева. Самара, 2019.
2. Кабытов П.С., Леонов М.М., Мачнев В.Я. Самарский государственный университет в 2009–2015 гг. //Взлет: сборник очерков. Т. 3. Самара, 2017. С. 159-175.
3. Постановление Совмина СССР от 14.12.1966 № 940 «Об организации Куйбышевского государственного университета»// КонсультантПлюс. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=38025#UL6ploSiHYBySprx01> (Дата обращения: 14.11.2021).
4. Самарский государственный университет.1969-2009: к 90-летию со дня основания и 40-летию со дня возрождения /Самар. гос. ун-т; под общ. ред. Носкова И.А. Самара, 2009.
5. Элиты Самарской (Куйбышевской) области в 1960-1990-е годы. Очерки истории: коллективная монография / Под ред. П.С. Кабытова. Самара, 2014.

И.М. Кузин

*Самарский государственный
социально-педагогический университет*

МОЛОДЕЖНОЕ БУНТАРСТВО В 1990-е гг. В САМАРЕ: «САМАРСКОЕ ОБЩЕСТВО ДУРАКОВ»

Начало 90-ых гг. в СССР – время митингов и шествий, неформальных объединений и клубов. Данный процесс не обошел и г. Самару. Из этого времени вышли будущие члены и создатели «Самарского Общества дураков» в количестве 3 человек, которые были его оплотом – М. Бородкин, А. Чечков, который состоял в должности «упал намоченного по связям», т.е общался с прессой [7]. А также Павел Биктеев, который на 1991 г. был студентом Самарского политехнического института в возрасте 20 лет [5]. Все трое были членами Самарского социал-демократического клуба [4].

Дураки как организация возникли 8 февраля 1991 г. [9]. Молодежь была основной социальной силой. У дураков имелось знамя – желтый флаг [5].

Зимой 1991 г. инициатива Г. Исаева по регистрации Партии Диктатуры Пролетариата в Горсовете убедила будущих дураков идти в Горсовет для регистрации общества [4]. В результате одноразовая акция по высмеиванию Партии Диктатуры Пролетариата благодаря общественному запросу, популярности и вниманию со стороны самарских СМИ, вопреки ее создателей и инициаторов превратилась в многоразовую цепочку акций, шествий и демонстраций, связанных с высмеиванием на тот момент политической ситуации в лице Самарского общества дураков и ее членов.

Устав «Самарского Общества дураков» дошел до нас в отредактированном варианте (март 1991 г.). В нем была отмечена цель общества: «одурачи-

вание остального населения ненасильственными, гуманными методами на строго добровольных началах». Общество возглавляли – Президент и секретарь, а органом управления являлся Общий сход [7]. А. Чечков называл его Сбродом, поэтому можем сделать вывод о том, что эти названия синонимичны [4]. Членами общества являлись граждане, достигшие 14 лет, но в исключительных случаях до 14 лет принимали в качестве «придурков». Также принимались лица, внесшие выдающийся вклад в дело одурачивания населения в качестве почетных членов [7].

Для реализации Уставной цели 1 апреля 1991 г. на площади Славы произошла «церемония презентации» общества дураков у монумента, который в народе прозвали Паниковским. Дураки данной акцией реализовывали идею «одурачивания населения» на практике. Также дураки совершили «распиливание» монумента для «доставания оттуда миллионов узбекской мафии», якобы спрятанные там. У монумента были прикреплены плакаты с лозунгами, среди которых был: «Дураки всех стран, объединяйтесь» [1]. После демонстрации 1 мая пропустить ноябрьскую демонстрацию дуракам было никак нельзя. Для шестива был сделан танк из подручных средств. Дойдя до пл. Куйбышева, оказалось, что там проводят митинг коммунисты, но парад прошел благополучно без драк [4]. Возник спор относительно того, кому принадлежал праздник – коммунистам или дуракам. Дураки даже предлагали коммунистам вступить в общество в знак примирения, но те отказались [2]. К концу демонстрации символ советского милитаризма был спущен к красноармейскому спуску, где был утоплен [4].

В очередной дурацкой акции планировалось, что в свой день рождения общество дураков должно было быть похоронено. Дураки решили, что с этим пора заканчивать, к тому же идеи на новые дурацкие мероприятия подходили к концу [4]. Информация о времени и месте проведения дня рождения общества была опубликована в газете: 8 февраля в 15:00 на ул. Ленинградской [10]. В результате стечения обстоятельств в данной демонстрации, главным действием которого стал бутафорский гроб, в котором лежал член общества дураков М. Бородин, общество дураков не было «похоронено» и таким образом, смерть обошла его стороной, и оно, по мнению А. Чечкова, живет до сих пор [4]. Можем сделать вывод о том, что общество дураков и его участники в морально-идейном плане к февралю 1992 г. «выдохлись».

По мнению П. Биктеева, политика в стране превратилась в театр абсурда до такой степени, что стало даже непонятно, где комедия, а где трагедия. Также он отметил, что общество дураков займет свою нишу и, может быть, поможет понять гражданам, где политика, а где абсурд [5].

Таким образом, Самарское Общество дураков не оказало существенного влияния на политические процессы в г. Самара. Их бунтарство на самарских улицах и народная любовь остались в газетных полосах Самары и в умах очевидцев, участников «дурацких» шествий, акций и демонстраций.

Цель дураков оказалась на практике утопичной, идеалистичной и нереализуемой. Самарская молодежь, которая была основной социальной силой общества дураков, скорее пыталась в данной неформальной организации найти или создать для себя в угоду своему юношескому максимализму некую отдушину, в которой ей было бы весело, интересно, и проще жить, а также для того, чтобы спрятаться от той серой реальности в лице экономического обнищания, политической деградации и социальной незащищенности, что их окружала в начале 1990-х гг., нежели чем заниматься политической борьбой в такое тяжелое и непонятное время.

Библиографический список

1. Волжский комсомолец. 1991. 13 апреля.
2. Волжский комсомолец. 1991. 16 ноября.
3. Волжский комсомолец. 1991. 26 октября.
4. Встреча с Андреем Чечковым. 2021. 12 октября. URL: <https://youtu.be/d6UрEPuSWk0/> (дата обращения: 31.10.2021).
5. Мегapolis – Экспресс. 1991. 4 июля. № 27.
6. Молодежная волна. 1992. 05 февраля.
7. Устав Самарского общества дураков, 1991. 10 марта. [Электронный сайт] URL: http://old.nasledie.ru/oborg/2_18/0085/01.htm (дата обращения: 31.10.2021).

С.Н. Абрашкин

Самарский национальный исследовательский университет

МЕХАНИЗМ НАЗНАЧЕНИЯ ГУБЕРНАТОРОВ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В 1991–1992 гг. (НА МАТЕРИАЛАХ САМАРСКОЙ, САРАТОВСКОЙ И УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТЕЙ)

Особенности кадровой политики при назначении губернаторов, конкретные практики обновления губернаторского корпуса не теряют своей актуальности в изучении института губернаторства рассматриваемого периода.

Важнейшую роль в процессе формирования региональных органов власти сыграли события 19-21 августа 1991 г. Позиция органов власти регионов в дни переворота (их лояльность/нелояльность к российским властям или путчистам) стала одним из основных критериев кадровой политики российского Центра [7, с. 48].

Согласно указу Президента от 22 августа 1991 года № 75 «О некоторых вопросах деятельности органов исполнительной власти в РСФСР», исполнительно-распорядительные функции государственного управления в краях, областях, автономных округах осуществлялись главами администраций. Глава администрации по согласованию с соответствующим советом народных депутатов назначался президентом РСФСР и был подотчетен ему [2, л. 112].

В Самарской области после событий 19-21 августа 1991 года, где проявилась нерешительность и «нейтральная позиция» властей, произошла смена областного руководства. 21 августа президент РСФСР Б.Н.Ельцин подписал указ №70, по которому председателем самарского облисполкома А.В.Тархов был отправлен в отставку [11, с.222]. После переворота председатель городского совета К.А.Титов посетил Комитет по местному самоуправлению Верховного Совета РСФСР [13, с.3]. В своих воспоминаниях Титов изначально причисляет себя к сторонникам демократических сил и отмечает, что кадровые вопросы при назначении глав регионов после августа 1991 года находились в ведении на тот момент главного государственного инспектора РФ Валерия Антоновича Махарадзе и государственного секретаря РСФСР Геннадия Эдуардовича Бурбулиса. Однако депутаты Верховного совета от Самарской области кандидатуру К.А. Титова на пост главы администрации не поддержали. Руководитель секретариата в администрации президента России В.В. Илюшин считал, что Титова нельзя было назначать, на тот момент Константина Алексеевича не поддерживали ни коммунисты, ни демократы [9, с.21-22]. У секретаря Госсовета при президенте России Г.Э. Бурбулиса возникли вопросы к личному делу Титова, так как в молодости Константин Алексеевич работал в комсомольских организациях и состоял в КПСС [10]. Но Б.Н. Ельцин принял иное решение. Указом президента РСФСР № 98 от 31 августа 1991 г. К.А. Титов был назначен Главой Администрации Самарской области [3, л. 147].

В Ульяновской области назначение главы администрации было непростым. Председатель областного Совета Ю.Ф.Горячев 19-21 августа 1991 г. занимал выжидательную позицию. Тем не менее, в сентябре 1991 года Ульяновский областной Совет поддержал его кандидатуру для назначения на пост главы администрации [14, с. 112]. Но президент своим указом № 154 от 24 октября 1991 года назначил главой администрации Ульяновской области В.В.Малафеева, директора ульяновского завода низковольтной аппаратуры «Контрактор» [4, л. 224]. Однако В.Малафеев не нашел поддержки среди региональных элит, и президент приостановил назначение указом № 165 от 2 ноября 1991 года «О Главе администрации Ульяновской области В.В.Малафееве» в «связи с обстановкой, сложившейся в области» [1, л. 6].

В январе 1992 года Б.Н.Ельцин приехал в Ульяновск. Во время посещения Ульяновского авиационно-промышленного комплекса президент спросил у заводчан, кого они хотели бы видеть на посту главы администрации области. Толпа потребовала назначения Ю.Ф.Горячева, его кандидатура также нашла поддержку у лидера ульяновских демократов, народного депутата России Валентины Домниной [8, с. 197-198]. Б.Н. Ельцин подписал указ о назначении, и 9 января 1992 года Ю.Ф.Горячев стал главой администрации Ульяновской области [5, л. 25].

В Саратовской области процесс назначения на должность главы администрации растянулся на полгода. Во многом это было связано с внутри-

политической борьбой кандидатов между собой. Самым серьезным претендентом считался Валерий Давыдов, лидер саратовского отделения «Демократической России». Ему составлял конкуренцию Владимир Головачев, представитель президента в Саратовской области, прежде возглавлявший саратовский Горком и Горсовет [12, с. 108-110]. В январе 1992 года Ельцин посетил Саратов, намереваясь решить кадровый вопрос на месте (как и в Ульяновске). Однако он отверг представленные кандидатуры, предложив пост главы администрации председателю областного совета Николаю Макаревичу, но не получил от него внятного ответа. В феврале 1992 года Ельцин остановился на кандидатуре Юрия Белых-народного депутата от Саратовской области. Во многом назначение Ю.Белых связывают как с поддержкой им демократических инициатив, так и с лоббистскими стараниями Владимира Исаева, саратовского нардепа, председателя одного из подкомитетов Комитета Верховного Совета РСФСР по законодательству [8, с. 247].

Несмотря на то, что Ю.В.Белых был назначен последним из глав администраций в России, саратовский областной совет его назначение не согласовал, поэтому три месяца он считался исполняющим обязанности, а главой администрации его назначили только 30 июня 1992 года. [6, л. 161].

Таким образом, кадровые назначения глав администраций в 1991–1992 гг. в многом были вызваны чрезвычайными обстоятельствами, а критериями служили приверженность демократическим идеям, политическая позиция в событиях 19–21 августа 1991 года, личные знакомства на федеральном уровне. С 1995 года предусматривалось проведение прямых выборов глав региональных администраций. В декабре 1996 года удалось выиграть выборы Константину Титову и Юрию Горячеву. Юрию Белых так и не удалось стабилизировать внутривнутриполитическую обстановку в регионе и остановить противостояние элит, что стало одной из причин его досрочной отставки в феврале 1996 года.

Библиографический список

1. Архив Ельцин Центра. Ф.8. Оп.1. Д.1.Л.6.
2. Архив Ельцин Центра. Ф.8. Оп.1. Д.1.Л.112.
3. Архив Ельцин Центра. Ф.8. Оп.1. Д.1. Л.147.
4. Архив Ельцин Центра. Ф.8. Оп.1. Д.1.Л.224.
5. Архив Ельцин Центра. Ф.8. Оп.1. Д.2.Л.25.
6. Архив Ельцин Центра. Ф.8. Оп.1. Д.2.Л.161.
7. Ерохина О.В. Губернаторство России: История и современность: Монография // О.В.Ерохина. М.: Вузовский учебник, ИНФРА-М, 2014.
8. Иванов В. Глава субъекта российской федерации. Историческое, юридическое и политическое исследование (История губернаторов): В 2 т. Т. I. В 2 кн.: История: Кн. I. 2-е изд., испр. и перераб. М.: «Издание книг ком», 2020.
9. Игнашов А. Константин Титов. Фрагменты биографии. Запись бесед о жизни // Самарские судьбы. Самара, 2019. № 9.

10.Интервью с заместителем председателя Общественной Палаты Самарской Области К.А.Титовым от 28.05.19 // Личный архив автора.

11.Матвеев М.Н. Титов и Тархов в августе 1991 г. Три мифа о руководителях самарских Советов // Самарский край в жизни и творчестве выдающихся личностей. Сборник статей и материалов III международной научно-практической конференции. Самара. 2003. с. 215- 228.

12.Политика и культура в российской провинции [Текст]: Новгор., Воронеж., Саратов., Свердл.обл. / Междунар. ин-т гуманист.-полит. исслед. [и др.]; под ред. Рыженкова С., Люхтерхандт-Михалевой Г. М.: Летний сад, 2001.С.113.

13. Титов К.А. Спасибо всем, кто меня поддержал // Самарская газета. 1991. 9 сентября.

14. Федеральная и региональная элита России [Текст]: Кто есть кто в политике и экономике: ежегод. биогр. справ. / Центр полит. информ; Мухин А. 2-е изд., доп., перераб. М.: Гном и Д: Казаков, 2001.

Е.А. Аншаков

Самарский филиал Московского городского педагогического университета

КУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО В ГОДЫ ПЕРЕСТРОЙКИ

Перестроечный период оказался уникальным для культуры России. После введения гласности в культурном пространстве образовался вакуум, который заполнялся очень быстро, интенсивно и разнообразно, отображая различные, порой противоположные общественные настроения. Наследие перестроечного периода в культуре, мы можем наблюдать до сих пор. В феврале 1986 года на XXVII съезде КПСС Горбачев впервые озвучил такой термин как «гласность», политика которой подразумевала максимальную открытость деятельности государственных учреждений и свободу информации, однако она вовсе не означала свободу слова, а подразумевала разрешение говорить лишь то, что требовалось руководству.

На ранних этапах перестройки в живописи чувствуется кризис соцреализма, в связи с чем, художники уходят в активный натюрмортный жанр (Б.А. Мутовкин), либо в гиперреализм (Ф.С. Натанович, П.Н. Ковалев). К концу перестройки, русский авангард рождается заново. В 1990 г. образована группа ленинградских художников-примитивистов «Митьки», получившая название по имени лидера Дмитрия Шагина и вошедшая в художественный дискурс как «почвенный концептуализм. Они выполняли рисунки в технике «каляки-маляки» в виде картинки с надписью и» [2].

Одним из главных художественных событий времен перестройки стал прошедший в 1988 г. в Москве аукцион компании «Сотбис», на котором продавалось неофициальное искусство бывших подпольных художников. Главным его хитом стала работа художника Гриши Брускина «Фундаментальный лексикон», которую купил коллекционер из Мюнхена за 461 ты-

с.долларов [1]. В дальнейшем Брускина пригласили учувствовать в реконструкции рейхстага (ФРГ, Берлин). Он создал триптих, состоящий из 115 картин под названием «Жизнь превыше всего» [1].

В 1989 г. художники М.М. Шемякин и Э.И. Неизвестный возвращаются в СССР после эмиграции. Шемякин устроил выставку своих картин, где переплетались образы Венеции и Петербурга образца XVIII в. Неизвестный предложил возвести огромный монумент жертвам сталинских репрессий.

В 1986 г. моду на западную музыку открывают «Модерн Токинг». В 1991г. — проведен единственный раз фестиваль «Русский шансон. Лиговка-91» который положил начало новым блатным и приблатненным песням и сделал Петербург столицей реабилитированного жанра [4]. Выходит на официальную эстраду Александр Розенбаум, автор песен широкого тематического и жанрового диапазона. Первые программы из классики жанра с добавлением новых опусов выпустил в Ленинграде Аркадий Северный. Михаил Круг (Воробьев) сложил главную песню обновленной блатной песни — в формате «Таганки».

С конца 80-х приезжающий на родину из США Вилли Токарев поет про эмиграцию как про зону, а почти реэмигрировавший Михаил Шуфутинский работает в духе одесского кафешантана [4].

В 1986 г. на Рижском взморье начинают проводить первый в стране регулярный эстрадный фестиваль. «Юрмала». Он устанавливает новые стандарты «проходимости» в телеэфире. Раймонд Паулс стал законодателем всесоюзной моды. Юрмала создала спрос на поп-певцов молодых и нарядных. Концерты шли в прямой трансляции, и Центральное телевидение впервые решилось показать соотечественников с косичками и серьгами, а соотечественниц — в брючных костюмах [3].

В 1988 г. на эстраду выходит «Ласковый Май», коммерчески самый успешный проект советской поп-музыки. Продюсеры не стеснялись давить на жалость: все участники коллектива — воспитанники детских домов. Другой блестящий ход: впервые для бренда взято уменьшительное имя фронтмена. «Юра Шатунов» — то, что надо для образа невинно-порочного подростка [5].

Культура стала ресурсом, который оформил «перестроечное» мышление и дал дорогу новому укладу жизни (демократизации, свободе слова и т. д.) став большой духовной подпоркой. Это выражается, как в публицистике, так и в художественном творчестве, которое сыграло существенную роль в процессе смены парадигм социокультурного развития, общественного и экономического уклада. Хотя, нужно иметь в виду то, что вся культура перестройки, по большому счету, оказалась скорее итогом советской культуры предшествующих десятилетий, а затем и вовсе, была вынуждена потесниться в контексте коммерциализации культуры.

Библиографический список

1. Ковалев А. Художественная экономика России – место, где господин де Журден встречается с Великим Гэтсби. Арт-азбука. Словарь современного искусства/ под ред. М. Фрая. [Электронный ресурс]. URL: <http://azbuka.gif.ru/important/hudekonomika/> (дата обращения: 07. 11. 2021).
2. Плетнева Г.В. Куда ведет третий путь? // Творчество. 1990. №10. С. 5-8
3. Хачатурьян А. «Игра без правил». – О прошедшем в июле 1987 года II Всесоюзном телевизионном конкурсе молодых исполнителей советской эстрадной песни в Юрмале // Смена. 1988. № 1.
4. Эволюция шансона в России от блатняка до Стаса Михайлова// РИА. 2012. 20 апреля.
5. 30 лет группе «Ласковый май»: как «Белые розы» зазвучали из всех ларьков страны// ТАСС. 2016. 16 декабря.

Д.А. Афанасьева

Самарский национальный исследовательский университет

ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ И ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ ОРГАНОВ В ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ В 1990-е ГОДЫ

В связи с процессами Перестройки в России получили возможность заявить о себе партии и общественные организации, чьей основной целью была деятельность, направленная на национальное развитие и возрождение. Исключением не стала и Чувашская Республика. Национальное движение в 1990-х годах здесь характеризовалось конкуренцией трех организаций, выступающих за всестороннюю поддержку чувашского населения региона. Всечувашский общественно-культурный центр (ЧОКЦ), Партия чувашского национального возрождения (ЧАП) и Чувашский национальный конгресс (ЧНК) различными способами боролись за роль гегемона в национальном движении. Одним из методов борьбы были попытки различными способами установить прочные связи с властными структурами – органами местного и центрального управления, парламентскими партиями. В этой ситуации ЧОКЦ и ЧАП прибегли к тактике, которую можно характеризовать как политику «мимикрирования» – они частично отказались от прямого декларирования своей заинтересованности в решении национальных вопросов и постарались, в первую очередь, заявить о своей готовности решать экономические и социальные проблемы, самостоятельно или при помощи иных партий, организаций.

Общественная организация ЧОКЦ была основана в 1989 году [3, с. 19]. Ее главными целями, в числе прочих, провозглашались культурное возрождение нации, осуществление представительства чувашского народа в органах власти, достижение экономической самостоятельности региона.

Главными способами достижения указанных целей и задач были названы политическое представительство и проявление организацией законодательной инициативы [1, оп. 1. д. 49. л. 33]. Несмотря на то, что правительство Чувашской Республики издало указ о необходимости содействия организации [1, оп. 1. д. 106. л. 3-4], ЧОКЦ в первые же годы своего существования столкнулся с рядом административных проблем. Руководство организации, в связи с этим, стало ориентироваться на тесное сотрудничество с Социал-демократической партией РФ, для реализации собственных проектов при поддержке более влиятельной силы, что является ярким примером тактики «мимикрирования». Членами ЧОКЦ на основе собственной организации были организованы местные ячейки СДПР [1, оп. 1. д. 106. л. 2-3, 10]. Их деятельность оставалась плотно связанной с первоначальными целями и задачами ЧОКЦ. Попытки добиться политического представительства сторонников чувашского национального возрождения через выдвижение кандидатов, поддерживаемых СДПР, однако, не увенчались успехом. Социал-демократическая партия была вытеснена из политической жизни, а представители ЧОКЦ не смогли создать эффективного представительского блока ни в центральных, ни в местных государственных органах.

Тактика Партии чувашского национального возрождения, чьи основные задачи целями предполагали развитие чувашского народа на основе его общенациональных интересов как независимой этнической единицы и достижение политической и экономической самостоятельности, резко отличались от мер, предпринимаемых ЧОКЦ, однако также вписывались в концепцию «мимикрирования». Руководство партии, несомненно, опиралось на поддержку российских и зарубежных организаций, представляющих национальные движения, однако не стремилось к сращиванию с какими-либо влиятельными политическими структурами. Взаимодействие с властью, согласно уставу партии, предполагалось осуществлять при помощи выдвижения ЧАП кандидатов, содействия государственным программам [2, оп. 1. д. 1. л. 6]. При этом для получения представительства в правительственных органах и успешного конкурентирования с иными партиями, организация была готова отодвинуть национальные вопросы на второй план – предвыборная агитация ЧАП была построена вокруг экономических и социальных вопросов, тема возрождения культуры чувашского народа практически не звучала в речах кандидатов от партии, текстах брошюр и плакатов [3]. То есть, партия постаралась встать в один ряд с теми партиями, в перечень задач которых не входило решение вопросов национального характера, «мимикрировать» принять их правила игры, вероятно, чтобы избежать критики и отторжения потенциального электората не-чувашского происхождения. Несмотря на ряд успехов, партия вскоре оказалась вытеснена из политической борьбы и была расформирована.

Таким образом, можно заключить, что ЧОКЦ и ЧАП готовы были отодвинуть вопросы национального возрождения на второй план ради получе-

ния поддержки крупных партий и электората не-чувашского происхождения. Они не отказывались от целей поддержки чувашского населения, поднятия статуса национального языка и достижения самостоятельности региона, однако, по-видимому, в первую очередь, стремились к получению представительства своих сторонников в центральных и местных органах управления. Несмотря на кажущуюся дальновидность подобных действий, тактика «мимикрирования» не принесла успеха деятелям чувашского национального возрождения и оказалась проигрышной в сравнении с политикой открытого декларирования своей приверженности, в первую очередь, национальным интересам, характерного для Чувашского Национального конгресса, активно действующего и в настоящее время.

Библиографический список

1. Государственный архив современной истории Чувашской Республики (ГАСИ ЧР). Ф. Р-2917.
2. ГАСИ ЧР. Ф. Р-2930.
3. Филиппов В.Р. Чувашия девяностых: этнополитический очерк. М., 2001.

СТЕНДОВЫЕ ДОКЛАДЫ

В.А. Богданович

Российский государственный педагогический университет

ЗАГОВОР КНЯЖИЧА ВАСИЛИЯ ИВАНОВИЧА В 1497 г.

Вопрос о заговоре княжича Василия Ивановича в 1497 г. привлекал внимание исследователей со времен Н.М. Карамзина и С.М. Соловьева, но в дореволюционной историографии не получил полноценного внимания.

Детальное изучение заговора княжича Василия Ивановича началось после революций 1917 г. В книге «Русские земли в Средние века» историк - эмигрант Г. В. Вернадский рассматривал данное событие как проявление исключительно семейного противостояния [2, с. 125]. А.А. Зимин считал заговор 1497 г. проявлением «классовой» борьбы, так как основу круга сторонников Василия составили дети боярские и дьяки, а бояре и иная титулованная знать поддерживали Дмитрия [3, с. 141-142]. Ю.Г. Алексеев в книге «Государь всяя Руси» объединил подходы к заговору 1497 г. как к семейному и как к государственному делу, сохраняя между этими аспектами баланс. Р.Г. Скрынников рассматривал в качестве первопричины заговора 1497 г. наличие борьбы между великим князем и боярами за верховную власть в стране [7, с. 63-64]. Несмотря на наличие разнообразных позиций, тема заговора княжича Василия Ивановича в 1497 г. остается малоизученной в рамках отечественной исторической науки. Это только должно усиливать интерес к данному аспекту жизни Ивана III и его семьи.

Цель статьи – рассмотреть аспекты, связанные с заговором 1497 г. и первоначальным решением Иваном III вопроса о престолонаследии в пользу Дмитрия Внука.

Основной причиной заговора княжича Василия Ивановича в 1497 г. была династическая борьба между ним и его племянником Дмитрием после смерти брата Василия и отца Дмитрия Ивана Молодого в 1490 г.

Почти все основные участники заговора через своих родственников были связаны с удельными князьями. Владимир Гусев происходил из рода, служившего можайским князьям – давним противникам московских князей, а также младшим братьям Ивана III Борису Волоцкому и Андрею Углицкому. Иван Хруль Палецкий был из рода князей, служивших в Стародубе. Афанасий Еропкин и Щавей Скрыбин-Травин были потомками служилых смоленских князей, перебравшихся на службу в удельные дворы еще при великом князе Дмитрие Ивановиче [4, Т. 8. с. 189]. Только дьяк Федор Стромиллов не был представителем рода, связанного с удельными князьями. У заговорщиков отсутствовали высокие чины (в основном они были

дьяками и подьячими). Сведения о высоком чине думного дьяка у Владимира Гусева, которые есть в Летописном своде 1497 г. [6, Т. 28. с. 157], опровергались Никоновской летописью, где он назван сыном боярским [5, Т. 12. с. 246] и не связан с деятельностью Боярской Думы (нужно отметить, что данные сведения подвергаются сомнению в связи с поздним временем создания и крайней ненадежностью источника).

Наличие связей семей заговорщиков с удельными князьями и их дворами не могут быть достаточным аргументом считать заговор 1497 г. консервативным выступлением против самодержавной власти. Служилые люди часто переходили от великих князей к удельным и наоборот [1, с. 201]. Главным участником заговора был княжич Василий Иванович, который не собирался менять порядок управления государством, установленный его отцом. Заговор 1497 г. был реакцией на решение по вопросу о престолонаследии. Заговор казался Василию единственным способом получить власть [2, с. 127]. Участники заговора выразили несогласие с решением Ивана III важного государственного вопроса, который не влиял на данный момент времени на политический курс страны. Это было связано с отсутствием активной роли обоих претендентов на трон в управлении страной к осени 1497 г. [1, с. 198].

Четкий план заговора выработан не был. Существовали разрозненные пункты об убийстве Дмитрия либо лично одним из заговорщиков, либо с помощью «лихих баб и ведьм», благодаря которым отравить Дмитрия собиралась Софья Палеолог [2, с. 127], а также о захвате великокняжеской казны на Белоозере и в Вологде [7, с. 65]. Вероятно, реализация заговора должна была осуществиться в случае вокняжения Дмитрия после смерти Ивана III, так как великий князь в данный момент времени держал все нити управления государством в своих руках. Возникла реальная перспектива полноценной династической войны.

Для осуществления своих планов Василию, Софье и их окружению явно не хватило сил и четкого плана действий. Высшие круги знати не знали об этом заговоре, а сторонниками Василия были выбраны в целом нереализуемые идеи для исполнения заговора. Иван III, узнав о заговоре в конце декабря 1497 г., максимально в короткие сроки наказал виновных. Рядовые участники заговора были казнены, а Софья и Василий оказались в опале [5, Т. 12. с. 276]. Как писад Ю.Г. Алексеев, попытка заговора Василия Ивановича, возможно, ускорила церемонию венчания «на царство» Дмитрия Внука [1, с. 199].

Почему Иван III сделал выбор в пользу Дмитрия? Конкретная причина данного решения Ивана III остается дискуссионным вопросом в исторической науке. Возможно, Иван III опасался, что с приходом к власти Василия случится возврат к досамодержавным порядкам. Иван III до последнего колебался в выборе наследника, но заговор 1497 г. убедил его сделать наследником покорного внука Дмитрия, а не мятежного сына Василия.

Таким образом, события 1497 г. были следствием той неопределенности в вопросе престолонаследия, которую создал Иван III. Желая сохранить созданный порядок управления государством и московским княжеским домом, Иван III очень осторожно выбирал себе наследника. Успех «партии» Дмитрия Внука носил промежуточный и, как впоследствии оказалось, временный характер.

Библиографический список

1. Алексеев Ю. Г. Государь всея Руси. Новосибирск: Наука, 1991. 240 с.
2. Вернадский Г. В. Русские земли в Средние века. М.: Ломоносовъ, 2019. 288 с.
3. Зимин А. А. Россия на рубеже XV – XVI столетий. М.: Мысль, 1982. 333 с.
4. Полное собрание русских летописей. Т. 8. Продолжение летописи по Воскресенскому списку. Под ред. А. Ф. Бычкова. СПб.: Типография Э. Праца, 1859. 301 с.
5. Полное собрание русских летописей. Т. 12. Никоновская летопись. Под ред. С. Ф. Платонова при участии С. А. Адрианова. СПб.: Типография И. Н. Скороходова, 1901. 266 с.
6. Полное собрание русских летописей. Т. 28. Летописный свод 1497 г., воспроизведенный по списку 1518 г. Л.: М.: Издательство АН СССР, 1963. 411 с.
7. Скрынников Р. Г. Иван III. М.: АСТ, 2006. 285 с.

В.И. Серебряков, Д.А. Черкасов

*ВУНЦ ВВС «ВВА им. проф. Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина»
(г. Воронеж)*

РОЛЬ СТАРООБРЯДЦЕВ В НАРОДНЫХ ВОССТАНИЯХ В РОССИИ В XVII–XVIII вв. В ОЦЕНКАХ ДОРЕВОЛЮЦИОННЫХ ИСТОРИКОВ

В настоящее время среди тех, кто сочувствует старообрядцам, транслируется точка зрения о том, что не принявшие реформирование русской православной церкви по никоновскому образцу староверы являются самыми последовательными патриотами своей страны. В то же время, существуют неопровержимые доказательства того, что последователи протопопа Аввакума неоднократно принимали участие в различных антигосударственных выступлениях. Обращение к данной проблеме в России произошло во второй половине XIX столетия, когда ряд ученых, имевших различные религиозные убеждения и мировоззрение, обратили свое внимание на исследование различных аспектов роли старообрядцев в народных движениях.

Так Н. Ф. Каптерев на основании обширных архивных материалов приходит к выводу о том, что церковный раскол являлся сугубо внутрицерковным явлением. По его мнению, у старообрядчества не было никаких веских причин для дальнейшего существования, а непонимание этого при-

водило раскольников к участию в различного рода антицерковных и антиправительственных выступлениях. При этом ученый весьма критично отзывался о протопопе Аввакуме [1, с. 308–393]. Особенный вред, как считал Н.Ф. Каптерев, во многом обусловивший непримиримую борьбу старообрядцев в будущем, принесли постановления церковного собора 1667 г., признавшего старообрядчество отклонением от греческого православного обряда, то есть ересью, что на деле таковым не являлось [1, с. 420]. Отметим, что старообрядцы считают незаконно наложенные анафемы не имеющими силу и заявляют о том, что раскол можно будет преодолеть лишь в том случае, если представители РПЦ вернуться в лоно истинной, старообрядческой церкви [3, с. 88–89].

Во многом сходные, эволюционистские, позиции относительно причин раскола и деятельности старообрядцев имел и ординарный академик Императорской Академии Наук Е.Е. Голубинский. Он доказывал, что раскол являлся сугубо церковным делом, которое впоследствии, под влиянием ряда обстоятельств, получило политическую, в том числе антиправительственную окраску. Заслугой Н.Ф. Каптерева и Е.Е. Голубинского стало то, что своими довольно прогрессивными взглядами они сумели преодолеть представления о раскольниках как о темных и невежественных людях. К сожалению, они почти не обращались к проблеме роли старообрядцев в народных выступлениях, хотя, очевидно, оценивали бы ее исключительно в рамках религии.

В противовес им А.П. Шапов заложил основу рассмотрения раскола как народной борьбы против политического режима. Соответственно, народные выступления XVII–XVIII вв. он считал не только политическими, но и религиозными движениями. При этом он был уверен в том, что зачастую среди раскольников преобладали люди, настроенные антицерковно, стремившиеся освободиться не только от церковной, но и от государственной опеки. Данное обстоятельство и обусловило их активную роль в народных выступлениях. Ученый писал: «Народ сколько благоговел пред своим царем, сколько любил его, столько же любовь эта в большей части народонаселения была непостоянна, нетверда» [4, с. 471]. Это во многом обусловило участие старообрядцев в народных восстаниях времен царя Алексея Михайловича и в стрелецком бунте при Петре I. Иными словами, налицо преобладание социально-политических мотивов в деятельности раскольников, а вовсе не борьба за «старую веру». Анализируя четыре направления в русском старообрядчестве – азиатско-великорусское, западно-великорусское, византийско-великорусское и мистико-скептическое – А.П. Шапов доказывал, что именно социально-политические, а не религиозные обстоятельства обусловили участие староверов в народных восстаниях [5, с. 580–590].

Выдающийся отечественный историк В.О. Ключевский рассматривал поставленную проблему комплексно. С одной стороны, он отмечал рели-

гиозный мотив в участии старообрядцев в антиправительственных выступлениях, как борьбу за «старую веру», с другой — усматривал внешнеполитический аспект подобных движений. А именно — попытки старообрядцев с помощью народных выступлений снизить, а в идеале — ликвидировать, западное, тлетворное с их точки зрения, влияние на Россию [2]. Подробного анализа народных выступлений XVII–XVIII вв. В.О. Ключевский в своих трудах не проводил, не говоря уже об участии старообрядцев в них, вероятно, вследствие отрицательного отношения к бунтам.

Таким образом, анализ дореволюционной и эмигрантской историографии по проблеме роли старообрядцев в народных движениях XVII–XVIII вв. позволяет сделать вывод об отсутствии единых подходов и оценки данной проблемы. Отметим, что на сегодняшний день к единой точке зрения также не удалось прийти.

Библиографический список

1. Каптерев Н.Ф. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович: В 2 т. Т. 1. Сергиев-Посад: тип. Св.-Троиц. Сергиевой лавры, 1909.
2. Ключевский В.О. Русская история : Полный курс лекций, в 3 томах // Азбука веры. Православная библиотека. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Vasilij_Klyuchevskij/kurs-russkoj-istorii/ (дата обращения 06.10.2021).
3. Погасий А.К. Церковные расколы в российском православии XIV — начала XX веков. Казань: Изд. дом МедДок, 2009.
4. Шапов А.Ф. Русский раскол старообрядчества, рассматриваемый в связи с внутренним состоянием русской церкви и гражданственности в XVII веке и в первой половине XVIII. Казань: Издание книгопродавца Ивана Дубровина, 1859.
5. Шапов, А.Ф. Умственные направления русского раскола / Сочинения: в 3 т. Т. 1. СПб.: Издание М.В. Пирожкова, 1906.

С.М. Баданова

Сыктывкарский государственный университет

КРИТИКА ГОСУДАРСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО УСТРОЙСТВА РОССИИ XIX ВЕКА ФРАНЦУЗСКИМИ ПУБЛИЦИСТАМИ (НА ПРИМЕРЕ ТРУДОВ ЖОЗЕФА ДЕ МЕСТРА И АСТОЛЬФА ДЕ КЮСТИНА)

В первой половине XIX века Россию посетили два французских публициста, оставивших свой след в истории страны. Французский дипломат Жозеф де Местр (1753–1821) прожил в России четырнадцать лет с 1803 по 1814 гг. и написал несколько томов личных воспоминаний и рассуждений о российской действительности [2], а путешественник маркиз Астольф де Кюстин (1790–1857) стал автором книги «Россия в 1839 году» [1], вызвавшей большой резонанс среди русско-французской общественности. В своих сочинениях о России и Местр, и Кюстин затрагивали вопросы госу-

дарственного управления империей, пытаясь понять причины бюрократических неурядиц и беспорядка, неоднократно встречавшихся им во время пребывания в стране.

Особое внимание авторов уделяется критике внедрения военных устоев на территории империи. По их мнению, военный педантизм, насаждаемый «сверху» по немецкому образцу абсолютно чужд и противоестественен характеру русских. Жозеф де Местр во время правления Александра I был свидетелем усиления военной дисциплины в виде «аракчеевщины» и формирования огромного аппарата чиновничества. Два этих явления приобретут гиперболизированные формы в эпоху Николая I и станут основными темами размышлений Астольфа де Кюстина. Одной из критических ошибок в политическом устройстве страны Местр обозначил разделение служилого дворянства на гражданское и военное с явным преобладанием последнего. «На обеспечение армии уходит почти две трети государственных доходов. Дворяне в истинном смысле сего понятия как сословие почти уничтожены системой чинов» [4, с. 79]. Увеличение количества чиновников привело к усложнению работы системы управления и создало условия для появления феномена чиновничества. Усиление контроля общественной и частной жизни требовало открытия новых рабочих мест для контроля над жителями и гостями страны. Это дало обилие монотонной работы массе мелких чиновников, позволявших себе проявлять грубость и бестактность к своим «поднадзорным». Попытки властей взять под личный контроль все сферы жизни гражданского населения на огромной территории не приносили положительных результатов, а провоцировали многочисленные злоупотребления среди работников административного аппарата и вынуждали жителей искать нечестные методы, чтобы обмануть неугодные правила. За внешнюю иллюзию порядка и строгости, скрывающую множественное нарушение норм, маркиз де Кюстин называл Россию «царством фасадов». Неэффективность системы была вызвана отсутствием грамотно организованного механизма регулирования процессами и особенностями поведения, присущими менталитету русских. «Определенная неверность проникает повсюду и вносит во все отрасли управления дух расточительства и недобросовестности» [3, с. 102]. Как отмечали оба автора, тяга к воровству, взяточничеству и различного рода махинациям наблюдается у представителей всех сословий, а не только у обнищавших крестьян и безработных.

Православная церковь оказалась ослабленной внутренними проблемами и неспособной удержать свой авторитет как опоры самодержавия. Для Местра было поразительно столкнуться с полным подчинением всей русской церкви светскому правительству. В рукописях путешественника встречаются описания того, как церковные законы нарушаются в корыстных целях заинтересованных частных лиц с помощью юристов, или вовсе отменяются, если того требуют «государственные дела». Подобное унижитель-

ное обращение вызывает халатное отношение к церковному сану у самого духовенства. Пьянство среди священников, отказ от исполнения обязанностей, непочтение к символам веры и презрение к семьям священнослужителей – подобные явления становились частью «духовной» жизни нации и вели к обесцениванию религии в глазах общества.

Авторы заметок о России, наблюдая происходящие в ней процессы, предрекали неизбежную для страны революцию, подобную той, что случилась на их родине. Жозеф де Местр видел истоки грядущих революционных настроений в обеднении и нравственном падении дворянства. Отсутствие промежуточного среднего класса и устрашающий разрыв в качестве жизни между дворянством и крестьянами становились предвестниками недовольства последних. Астольф де Кюстин полагал, что полицейский режим станет отправной точкой распространения революционных идей, которые захватят умы необразованного народа в краткие сроки. Как он предрекал: «месь жителей будет особенно страшной по причине их невежества и многотерпеливости, которой может наступить конец: страдания нации, отупение армии, раболепство церкви, лицемерие знати, невежество и нищета простолюдинов, угроза ссылки, нависшая над всеми без исключения, – вот страна, какой создали ее нужда, история, природа и Провидение...» [1, с. 754]. Как показали события, эти слова стали пророческими для судьбы русского народа.

Путешествие в Россию произвело огромное впечатление на французских публицистов. Несмотря на содержательную критику некоторых реалий жизни российского общества, авторы восхищались историей этой страны и стойкостью ее народа. Также важно осознавать, что оба европейца смотрели на жизненный уклад в России через призму личных ценностей и убеждений, во многом сформированных западной культурой. Тем не менее, отдельные проблемы XIX века, упомянутые в текстах, остаются характерной частью российской действительности до сих пор. Знакомство с альтернативной точкой зрения по поводу решения этих вопросов может стать полезным опытом для всестороннего понимания сути проблем и поиска методов их устранения.

Библиографический список

1. Кюстин А. Россия в 1839 году. М.: Захаров, 2007. 986 с.
2. Местр Ж. Петербургские письма; Религия и нравы русских; Санкт-Петербургские вечера; Сочинения. Четыре неизданные главы о России. Письма русскому дворянину об испанской инквизиции.
3. Местр Ж. де. Религия и нравы русских. СПб.: «Владимир Даль», 2010. 186 с.
4. Местр Ж. Санкт-Петербургские вечера. СПб.: ИНАПРЕСС, 1998. 732 с.

МЕМУАРЫ Е.Р. ДАШКОВОЙ КАК ПАМЯТНИК ЭПОХИ ПРОСВЕЩЕНИЯ В РОССИИ

Екатерина Романовна Дашкова, годы жизни – 1743-1810, княгиня, дочь графа Воронцова. Дашкова получила свою известность как сподвижница Екатерины II и участница «государственного» переворота 1762 г., впоследствии ее называли Екатериной «Малой».

Е.Р. Дашкова была видным общественным деятелем и литератором. Она стала первой женщиной – президентом Российской академии наук, была членом Стокгольмской, Дублинской и Эрлангенской академий, Вольного Экономического Санкт-Петербургского общества, Берлинского общества испытателей природы и Филадельфийского философского общества. По инициативе Дашковой был основан журнал «Собеседник любителей российского слова», в котором участвовали Г.Р. Державин, М.М. Херасков, В.В. Капнист, Д.И. Фонвизин, И.Ф. Богданович и др. [3, с. 6-7].

«Записки» Дашковой были написаны в 1804–1805 гг., но можно предполагать, что какие-то записи велись ею на протяжении всей жизни и послужили в дальнейшем материалом для создания «Mon histoire» (название рукописи мемуаров на французском языке, опубликованной позже в «Архиве князя Воронцова».

Мемуары Е.Р. Дашковой являются едва ли не самым широко цитируемым и изучаемым текстом этого периода. По сложившейся исследовательской традиции текст расценивается либо как памятник эпохи Просвещения, либо как ценный исторический документ, достоверность которого, правда, периодически оспаривается, а потому и ценность часто ставится под сомнение.

В «Записках» Дашковой сочетаются две модели личности: личность эпохи Просвещения и модель личности, которая была более привычна для русского человека. Даже уникальность личности самой Екатерины Дашковой, если сравнивать ее с другими мемуаристками ее времени, не смогла обойти стороной влияние дискурсивного потенциала церковнославянской книжности [2, с. 82].

Разбирая мемуары Дашковой, можно увидеть не только две разных личности, но и два дискурсивных пространства, в которых одновременно развиваются эти личности. Это пространства традиционной и новой культур. Явным примером такого симбиоза является «программный» фрагмент «Записок», говорящий о переходе героини в другое, непривычное для нее и сильно отличающееся от ее норм жизни пространство [5, с. 21].

События жизни Дашковой и героини ее автобиографии требуют разных принципов моделирования и восприятия личности в ретроспективном ос-

вещении. Относительно чего можно разделить условно на две части текст «Записок». В первой части своих «Записок» Дашкова не столько занята проблемой женской личности и женской судьбы, сколько очерчивает уникальность своей героини. Повествуя, Дашкова наделяет свою героиню такими качествами и описывает такие действия, которые для того времени были присущи мужчине.

Можно считать, что мемуаристка, скорее всего, хотела, чтобы ее героиня отличалась от светских дам, чьи интересы были исключительно женскими. Дашкова свои «Записки» писала, основываясь на жанре «придворных мемуаров», который был ей близок и хорошо знаком, так как был популярен в Европе того времени, к примеру, мемуары Анны де Монпансье «Великая Мадмуазель» или мемуары Маргариты де Валуа.

Свои близкие отношения с Екатериной II Дашкова объясняла не личной симпатией, а нуждой государства. И в своих мемуарах Екатерина обращается к императрице не так, как ее современницы: «Умоляю Вас, не жалуйте мне этого ордена; как украшению я не придаю ему никакой цены; если же Вы хотите вознаградить меня за мои заслуги, <...>, в моих глазах им нет цены, и за них нельзя меня ничем вознаградить, так как меня никогда нельзя было и впредь нельзя будет купить никакими почестями и наградами» [1, с. 92].

Мемуаристка откровенно говорит, что в своих рукописях она не только запечатлела идеальное время и женщин (себя и Екатерину II), но и увековечила историю всей России, ограждая от многих нападков и Екатерину II, и время ее правления.

Вторая часть «Записок» связана уже со временем окончательной отставки Дашковой от всех государственных дел после смерти Екатерины Великой и с ее жизнью в имении Троицкое, что фактически было ссылкой. Пребывание в Троицком знаменует собой новый статус героини и изменение границ пространства ее личностной реализации. Теперь жизнь героини проходит в замкнутом «деревенском» пространстве, в сравнении с путешествием по Европе оно особенно «узкое» и статичное.

Текст «Записок» показывает читателю героиню в двух традициях: нового времени и средневековой культуры. Такой симбиоз происходит, когда в героине встречается «светское» и «житийное». Дашкова в своих мемуарах пришла к тому, что ее героиня являет собой универсальную женскую личность, а не просто сакральную и идеальную, как в традиции ее современниц.

Свой труд по созданию «Записок» Е.Р. Дашкова оценивала как акт «сотворения» себя как личности. Одновременно это было актом «сотворчества» с нравственно-философскими и этическими исканиями ее великих современников. И потому с полным правом можно сказать, что Е.Р. Дашкова создала памятник русской личности «безумного и мудрого», по словам А.Н. Радищева, «осмнадцатого столетия»

Библиографический список

1. Дашкова Е. Записки: 1743-1810. Калининград, 2001.
2. Е.Р. Дашкова и представители века Просвещения. М., 2008
3. Огарков В.В. Е.Р. Дашкова: Ее жизнь и общественная деятельность. Биографический очерк. СПб., 1893.
4. Третьякова Л.И. «Российские богини». М.: Изограф, 1996.
5. Тычинина Л.В. Великая россиянка. М.: Наука, 2002.

П.Б. Большаков

Самарский государственный институт культуры

ПЕРВЫЕ ГОДЫ САМАРСКОЙ ЕПАРХИИ

Самарская епархия в 2021 г. отмечает свое 170-летие. До образования самостоятельной Самарской губернии духовная жизнь горожан находилась сначала под попечением архиепископа Казанского и Свияжского, а с 1832 г. и по 1850 г. – Симбирского и Казанского. К середине XIX в. Самара постепенно превратилась не только в экономический, культурный, но и духовный центр обширного края под определяющим влиянием православной церкви [9, с. 306].

В первой половине XIX в. Самара была уездным городом Симбирской губернии. Однако Заволжье на левом берегу великой русской реки требовало новых органов и способов управления, чтобы удержаться под контролем переселенческое движение, а также возросшее население края [4, с. 7].

Первоначально предполагалось составить Самарскую губернию из уездов Оренбургской, Симбирской и Казанской губерний. Этот проект реализован не был, но идея образования новой губернии не осталась без внимания [7, с. 89].

По докладу Государственного Совета от 22 июня 1850 г., утвержденному Николаем I, было повелено приступить к созданию Самарской губернии. По указу, подписанному императором 6 декабря 1850 г., в ее состав вошли три уезда из Оренбургской губернии (Бугульминский, Бугурусланский, Бузулукский), по два уезда из Симбирской (Ставропольский и Самарский с частью Сызранского) и Саратовской (Новоузенский и Николаевский) [4, с. 7-8].

Открытие губернии и переименование Самары из уездного в губернский город состоялось 1 января 1851 г. Первым губернатором назначили тайного советника Степана Григорьевича Волховского. В день открытия губернии после литургии в Казанском соборе епископ Симбирский и Сызранский Феодотий (Озеров) благословил Самару иконой святого Алексия митрополита Московского. Согласно местному преданию, данный святитель предсказал будущее величие города еще в XIV в. во времена Золотой Орды [8].

Отдельная епархия в границах новой губернии была учреждена указом императора от 19 декабря 1850 г. [1, с. 3]. 31 марта 1851 г. в торжественной обстановке состоялось ее открытие при участии епископа Евсевия, назначенного на Самарскую архиерейскую кафедру. На следующий день был основан архиерейский дом, заведовавший имуществом и денежными средствами кафедры. Из Казанского собора в Вознесенскую церковь, ставшую новым кафедральным собором, прошел крестный ход, после которого перед литургией был прочитан указ об учреждении Самарской епархии и совершен благодарственный молебен. Центральным органом епархиального управления стала духовная консистория, осуществлявшая административные и судебные функции [9, с. 69-70].

За первые несколько десятилетий существования Самарской губернии и епархии произошли колоссальные изменения в церковной жизни края. Собирались пожертвования на строительство и благоустройство храмов и церквей. К моменту образования епархии в Самарской губернии насчитывалось 3 единоверческих монастыря в Николаевском уезде. Возник вопрос о необходимости создания в Самаре мужского монастыря. Так, 1 ноября 1863 г. был возведен Самарский Николаевский мужской монастырь. Был также основан Бугульминский Александро-Невский мужской монастырь (1865, с. Спаское-Рычково Бугульминского уезда Самарской губернии) в память о помещике, который отпустил своих крестьян на волю с большим земельным наделом. В 1853 г. был основан Бузулукский Спасо-Преображенский мужской монастырь. В декабре 1850 г. был основан Самарский Иверский женский монастырь. Он сначала был устроен как женская община. Но уже в 1860 г. по указу Святейшего Синода эта община была преобразована в женский общежительный монастырь. В 1876 г. в г. Бугульме был основан Бугульминский Казанско-Богородицкий женский монастырь. В конце XIX в. был основан Свято-Троицкий женский монастырь (1898). К концу XIX в. в губернии действовало более тысячи церквей, выполняли свои функции 17 мужских и женских монастырей [9, с. 46-67].

Самарское духовенство принимало активное участие в развитии народного образования. В Самарской губернии были открыты церковные школы. Их главной целью являлось распространение и утверждение в народе просвещения. Большую работу по религиозному просвещению в светских учебных заведениях проводили священники-учителя Закона Божьего [2, с. 43, 56]. С 1866—1867 гг. в ведение церковных властей перешли воскресные школы для взрослых [3, с. 14]. Благодаря епископу Герасиму (Добросердову), который сам был видным церковным писателем и мемуаристом [6, с. 58-59], в Самарской губернии появляется официальный печатный орган епархии — «Самарские епархиальные ведомости» [5, с. 75].

В епархии был создан Комитет православного миссионерского общества, проводились воскресные публичные собеседования с раскольниками разных толков. Улучшался быт служителей церкви, в том числе благодаря

учреждению эмеритальной кассы для духовенства и работе епархиального попечительства о бедных духовного звания [1, с. 8].

Первые годы существования Самарской епархии внесли неоценимый вклад в будущее как города, так и всего региона в целом. На протяжении XIX века светское руководство активно сотрудничало с Церковью, способствуя вместе с ней культурному развитию всего Самарского края.

Библиографический список

1. Пятидесятилетний юбилей Самарской епархии (30 декабря 1850 – 31 декабря 1900 гг.). Самара, 1901. 86 с.
2. Артамонова Л.М. Священники-законоучители начальных школ городов Самарской губернии в середине XIX века // Двадцать первые Иоанновские чтения: материалы науч. конф. Самара, 2017. С. 43-59.
3. Артамонова Л.М. Участие провинциальной общественности и администрации в общероссийском движении по открытию воскресных школ (1859-1862 гг.): из истории становления гражданского общества в России // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2016. № 4. С. 9-17.
4. Кабытов П.С., Дубман Э.Л., Тюрин В.А., и др. История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней: монография. В 2 т. Самара, 2020. Т. 2. 2-е изд., испр. и доп. 480 с.
5. Климкина Э.В. Отражение личности епископа самарского и ставропольского Герасима (Добросердова) в церковной периодике // Национальное культурное наследие России: региональный аспект. Материалы VIII Всерос. научно-практической конференции. Самара, 2020. С. 74-77.
6. Климкина Э.В. Труды епископа Герасима (Добросердова) как церковного писателя и мемуариста // Двадцать четвертые Иоанновские чтения: материалы науч. конф. Самара, 2020. С. 58-64.
7. Смирнов Ю.Н. Политика освоения Заволжья и организация управления его территорией в XVIII – первой половине XIX веков (основные этапы) // Вестник Самарского государственного университета. 1997. № 1. С. 75-92.
8. Смирнов Ю.Н. Предания самарских жителей о святителе Алексии в записях XVIII – середины XIX в. и их интерпретация // Центр и периферия. 2018. № 3. С. 4-13.
9. Якунин В.Н. Самарская епархия в 1851-1914 гг. // Макарьевские чтения: материалы XIII Международ. науч. конф. Горно-Алтайск, 2018. С. 305-315.

П.А. Петрухина

Самарский государственный институт культуры

СВЕТСКИЕ РАЗВЛЕЧЕНИЯ В САМАРЕ СЕРЕДИНЫ 1850-х гг.

В 1851 г. была образована Самарская губерния [8, с. 246]. Этому событию исполнилось 170 лет, что актуализировало интерес к общественной жизни в первые годы существования губернии и определило цель данного исследования. Для ее достижения решались задачи по выявлению основных фактов, характеризующих социальную активность в губернской Сама-

ре, и по установлению связи этих проявлений с проблемами, волновавшими российское общество.

Объектом исследования стали светские и народные развлечения зимы 1856-1857 гг., которые в конкретных условиях дореформенной российской провинции выполняли также функции общественных акций. Для их изучения использовались как традиционные для исторической науки историко-сравнительный и историко-генетический методы, так и современные приемы «новой социальной истории». Основным источником явилась местная печать.

Общественная жизнь Самарского Поволжья, как и всей России, оживилась из-за реакции на Крымскую войну 1853-1856 гг. и в связи с набором «Государственного подвижного ополчения» [6, с. 516]. Со сменой на престоле общественное внимание переключилось с войны на другую тему, ставшую главной. Новый император Александр II выразил желание отменить крепостное право «сверху», и среди прочих губерний в Самарской также был создан комитет по подготовке крестьянской реформы [5, с. 51].

Наряду с подготовкой отмены крепостного права и деятельностью губернских комитетов по крестьянскому вопросу, демонстрацией курса правительства на углубление модернизации, показателем роста общественной активности стало проявление интереса к изучению настоящего и прошлого Самарского края, прежде всего, со стороны местного учительства [3; 7].

В том же ряду стояла забота о создании школ для девочек. По степени общественного интереса вопросы женского образования стояли рядом с вопросом о ликвидации крепостного права [4, с. 130].

Курс на перемены в области женского образования был взят в начале правления Александра II. Высочайшее повеление предписывало рассмотреть возможность устройства в губернских городах «женских школ, приближенных по курсу к гимназиям» [4, с. 133-134].

В общественной и светской жизни молодой губернии, которую возглавил неженатый К.К. Грот, роль «первой дамы» играла супруга вице-губернатора Григория Сергеевича Аксакова Софья Александровна. Благодаря ее помощи при содействии общества самарских любителей драматического искусства, мысль о создании женской средней школы стала реализовываться. Умело поставленные любителями из числа местных дворян и чиновников благотворительные спектакли привлекли на благое дело «1000 с лишком рублей серебром», вырученных от продажи билетов [1, с. 31]. Организация таких спектаклей началась в первую послевоенную зиму 1856-1857 гг., а затем продолжилась: 4 спектакля, устроенных помещицей в 1858 г. С.М. Мордвиновой помогли собрать 2700 руб. на вышеуказанную цель; 2 любительских спектакля в 1859 г. — еще 678 руб. [2, с. 204].

Нельзя не упомянуть и о других развлечениях зимней Самары. Самарские губернские ведомости писали: «Сезон зимних удовольствий не богат затеями и разнообразием, этим вообще Самара не может похвастаться».

В ту зиму «погода вообще была непостоянная, то ударяли морозы, то наступала оттепель, только в январе месяце морозы выказали некоторое упорство». Изменчивая погода «не помешала, однако, собираться каждый день, особенно по воскресеньям, публичке, преимущественно купеческой, на санное катанье по Преображенской улице». Пользовались популярностью, особенно среди местных немцев, «ледяные горы» [1, с. 30]. Исходя из описания, можно сделать вывод о том, что жители города из разных социальных слоев по-своему искали отдыха от тягот прошедшей военной поры.

Автор газетного репортажа благодарил, прежде всего, именно Софью Александровну Аксакову «за прекрасную мысль — составить благородный спектакль с такой высокой целью», как сбор средств для женской школы [1, с. 33]. В этом деле объединились усилия многих людей и различных сословий.

2 сентября 1858 г. в городе Самара открылась первая начальная общеобразовательная школа для девочек. В газетах писали о необходимости продолжения создания таких учебных заведений. 15 августа 1859 г. в Самаре было открыто второе женское приходское училище. Начальные школы для девочек создавались в уездных городах губернии: Бугуруслане, Бугульме и Бузулуке. А 7 августа 1859 г. в Самаре было открыто среднее женское училище 1-го разряда, которое затем было преобразовано в женскую гимназию [5, с. 259].

Самарские материалы об организации среднего учебного заведения для девочек убедительно показывают, что в разработке, подготовке, продвижении реформы женского образования принимали участие и чиновники из числа «просвещенной бюрократии», и представители общественности. На ниве просвещения успешнее, чем в иных сферах жизни страны всходили ростки гражданского общества, заметнее был ход модернизации. Общественная жизнь Самары, включая светские развлечения, в первую послевоенную зиму 1856–1857 гг. была пропитана благими идеями и мыслями о будущих реформах, которые должны были стать новыми стимулами хозяйственного и культурного развития, в т.ч. самой Самары, других городов и территорий провинциальной России.

Библиографический список

1. Жуков А. Несколько слов о зимних удовольствиях Самары. (Из письма в Столицу) // Самарские губернские ведомости. 1857. 9 марта. № 10. Ч. неоф. С. 30-33.
2. Алабин П.В. Двадцатипятилетие Самары как губернского города: (историко-статистический очерк). Самара, 1877. [2], II, 744 с.
3. Артамонова Л.М. В начале самарской науки: самарские учителя середины XIX века и их ученые занятия // Модернизация культуры: идеи и парадигмы культурных изменений. Материалы Международ. науч.-практ. конф. Самара, 2013. Ч. 2. С. 65-73.
4. Артамонова Л.М. Гендерные аспекты общественной активности в деле народного образования в середине XIX в. (на примере г. Самары) // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2016. № 4 (40). С. 129-141.

5. Кабытов П.С., Леонтьева О.Б., Тюрин В.А., и др. История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней: монография. В 2 т. Самара, 2020. Т. 2. 2-е изд., испр. и доп. 480 с.

6. Климкина Э.В. Отношение представителей русского образованного общества к Крымской войне // История и культура страны-победительницы: к 65-летию Победы в Великой Отечественной войне. Материалы Международ. науч. конф. Самара, 2010. С. 516-520.

7. Смирнов Ю.Н. Г.Н. Потанин в культурном пространстве дореформенной Самары // Модернизация культуры: идеи и парадигмы культурных изменений. Материалы Международ. науч.-практ. конф. Самара, 2014. Ч.2. С.145-152.

8. Смирнов Ю.Н. Переход с охранительных на реформистские принципы устройства Самарской губернии в первое десятилетие ее существования: губернаторы С.Г. Волховский и К.К. Грот (1850-е гг.) // Модернизация культуры: порядки и метаморфозы коммуникации. Материалы III Международ. науч.-практ. конф. Самара, 2015. Ч. 1. С. 246-253.

А.А. Винтер

Самарский национальный исследовательский университет

ЖЕНСКАЯ МЕМУАРИСТИКА В РОССИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

Мемуаристика представляет интерес и как важный, ценный исторический источник, и как часть духовной культуры общества. Чаще всего мемуары используются в первом значении, но и вторая их роль представляет не меньший научный и общественный интерес.

Еще в XVIII столетии формируется один из феноменов новой русской культуры и словесности — женское автобиографическое письмо. Это было особенно значимо, поскольку русская культура еще не имела опыта женской литературы и автобиографии.

Если рассматривать мемуары с позиций сословной принадлежности их авторов, то воспоминания, отражающие события начала XIX вв., — это преимущественно сочинения дворянской аристократии: императрицы Марии Федоровны, Е.Р. Дашковой [3], А.Е. Лабзиной [4], Г.И. Ржевской, В.Н. Головиной, А.П. Глинка, Н.Н. Мордвиновой, С.С. Кудрявцевой. Это также воспоминания и дневники родственниц, выдающихся ученых и литераторов: М.Е. Лопаткиной, М.Ф. Ростовской, Е.Н. Мещерской, С.В. Скалон.

Русские мемуаристки, включившись в общий литературный процесс в рамках тех жанровых традиций, которые были характерны для этого времени, составляют житийный канон, пишут светские тексты, просветительские философские и историософские размышления, ведут масонский религиозно-мистический дискурс. Получив свой статус в культуре, женщина получает и возможности словесной самореализации с правом на творчество, независимо от того, какую ступень в общественной иерархии она занимает. Все они ощущают себя частью истории, государственной или

личной, осуществляют себя субъектом и объектом повествования, «истории» о себе. Именно поэтому каждая женская история о себе, рассказанная разными авторами, – это сложная конструкция с особенной внутренней структурой [5].

Одним из самых важных моментов при анализе мемуаристики является вопрос о мотивах творчества. Для большинства авторов таким мотивом было осознание своей причастности к событиям, имевшим серьезное историческое значение, какие-либо отношения с выдающимися людьми, стремление запечатлеть свои сведения об этом. К другим мотивам можно отнести желание автора познакомить читателя с далекой и неизвестной страной, условиями жизни в ней, восполнить пробелы в описании ее предшественниками. Это, как правило, относится к путевым запискам, таким как дневник Е.Р. Дашковой или воспоминания Екатерины Авдеевой [1], посвященные Сибири.

В XIX веке по-прежнему лидирующие позиции занимают воспоминания, относящиеся к жизни императорской семьи, двора: Александры Федоровны, ряда фрейлин, а также мемуары жен французского и английского дипломатов.

Значительную часть мемуаров составляют семейные хроники и родовые помещиц различных губерний России. Здесь можно выделить три группы: одна больше ориентирована на жизнеописание знаменитых родственников, другая – на историю всего рода, третья – на описание дворянского быта. Однако рамки эти в значительной степени условны.

Особо отметим сочинения женщин купеческого сословия – А.И. Волковой [2] (издатель московского журнала «Друг женщин»), дневник Ю.Е. Полиловой; воспоминания выходцев из чиновничьей среды и мещанства – П.Н. Татлиной, Е.А. Кузнецовой; рассказы крепостной Д.И. Дунаевой и дочери крепостного служащего А.А. Кирпишиковой.

В отдельную группу можно отнести мемуары о видных общественно-политических деятелях и кружках 1830-1840-х гг. Это дневник Е.И. Поповой, воспоминания А.В.Щепкиной, О.В. Белинской, А.В. Орловой, А.В. Семевской о брате М.В. Буташевиче-Петрашевском. А.И. Герцену посвящены сочинения Т.А. Астраковой, М.А. фон Мейзенбург, Т.П. Пассек, М.К. Рейхель, Н.А. Тучковой-Огаревой.

Публикация женских мемуаров в России началась с 1787 г. В первой половине XIX в. были опубликованы первые 8 женских воспоминаний, созданных в России. Активное издание воспоминаний, освещающих события первой половины XIX в., начинается с 1870-х гг. и продолжается вплоть до 1920-х гг. Основная часть этих женских мемуаров написана на русском языке.

Таким образом, в первой половине XIX в. женская мемуаристика получила большое распространение в светском обществе. Женские мемуары и записки, отражая социальную и культурную деятельность женщин различ-

ной классовой и сословной принадлежности, прочно заняли важную нишу в русской литературе своего времени. Работа со словом, моделирование идеального женского образа в культуре нового времени – все это сыграло огромную роль в культурной жизни России XIX в. [6].

Библиографический список

1. Авдеева Е.А. Записки и замечания о Сибири. С приложением старинных русских песен. М., 1837.
2. Волкова А.И. Воспоминания. Дневник. М., 2015.
3. Дашкова Е.Р. Записки: 1743-1810. Калининград, 2001.
4. Лабзина А.Е. Воспоминания Анны Евдокимовны Лабзиной. СПб., 2011.
5. Мамаева О.В. Феномен женской автобиографической литературы в русской культуре второй половины XVIII – начала XIX века. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2008. URL: <http://cheloveknauka.com/fenomen-zhenskoy-avtobiograficheskoy-literatury-v-russkoy-kulture-vtoroy-poloviny-xviii-nachala-xix-veka> (дата обращения: 12.11.2021).
6. Прохорова Н.Ф. Россия конца XVIII середины XIX вв. глазами провинциальной дворянки Анны Стрелковой. Т. 1. Самара, 2014. URL: http://scahi.org/viewpage.php?page_id=78 (дата обращения: 12.11.2021).

С.К. Савченко

Санкт-Петербургский государственный университет

РОЛЬ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ АКАДЕМИИ ХУДОЖЕСТВ В РАЗВИТИИ СТИЛИСТИЧЕСКИХ ТЕНДЕНЦИЙ РУССКОЙ АРХИТЕКТУРЫ

Возведение здания Академии художеств велось по проекту профессора архитектуры Академии художеств Ж.Б. Валлен-Деламонта. Руководителем строительства, главой «Экспедиции строения академического здания» стал А.Ф. Кокоринов, ректор Академии наук. В 1764 г. начали работу по закладке фундамента несколько сотен рабочих (о дате закладки напоминает по сей день римские цифры, выложенные мозаикой в вестибюле), а в 1765 г., в день годовщины вступления на престол императрицы Екатерины II, прошла торжественная церемония освящения закладки [3, с. 414]. Здание было окончено лишь в 1788 г., ввиду различного рода трудностей, отягощающих процесс строительства: временное прекращение финансирования, кончина А. Ф. Кокоринова, отъезд во Францию Ж.Б. Валлен-Деламонта [3, с. 417].

«В плане здание представляет собой прямоугольник, в который вписан кольцеобразный корпус («циркуль»)» [4, с. 628], имеющий около сорока метров в диаметре и образующий внутренний двор. Главный фасад ритмично поделен вертикальными членениями дорических гладких пилястр и колонн. В центре над входом – выступающий портик, между колонн которого установлены копии с античных статуй Геркулеса и Флоры. Здание

венчает статуя римской богини мудрости, покровительницы художников, ремесленников и учащихся, Минервы. Изначально скульптором И.П. Прокофьевым была создана деревянная статуя, просуществовавшая до 1860 г. В 1885 г. установлена гипсовая скульптура А. Р. Бока, утраченная в пожаре 1900 г. и ныне восстановленная [4, с. 630].

Петербургская Академия художеств, являясь старейшей в стране художественной школой, внесла большой вклад в развитие отечественной культуры. В области архитектуры, одного из трех направлений подготовки воспитанников, Академия достигла высоких результатов. Творчество ее учеников и преподавателей определило развитие стилистических тенденций русской архитектуры. Например, становление «русско-византийского стиля» в первой половине XIX в. связано с феноменом «художественной археологии», исследовавшей памятники древнерусского искусства и появившейся в связи с комплексом мероприятий, проводимых Академией [2, с. 18]. Последовавшее за ним становление «русского стиля» во второй половине XIX в., опиравшегося на более сформированную исследовательскую базу анализа произведений зодчества допетровской эпохи, чем это было возможно в первой половине столетия, также было связано с представителями архитектурной школы Академии художеств: В.А. Гартманым, И.П. Ропетом, Н.И. Никоновым и др. [2, с. 24].

Стоит отметить, что в связи с развитием движения за «национальный стиль», ставившего перед архитекторами задачу тщательного изучения исторического материала, в 1870-м гг. практикуются экспедиции, координируемые и финансируемые Академией. Во время таких экспедиций ее участниками проводились зарисовки и замеры памятников зодчества, составлялись графические реконструкции и реставрационные проекты. Полученный в ходе проведения данного мероприятия документационный материал положил начало коллекции, обладающей научной и практической ценностью.

«Исторические исследования» могут свидетельствовать о роли Академии в развитии охранной и реставрационной деятельности, а также ее вкладе в изучение памятников архитектурного наследия России. Значительную роль в формировании реставрационной отечественной практики и оформлении научной истории памятников архитектурного искусства России сыграл член Академии художеств В. В. Суслов [2, с. 28-29].

Многие зодчие, профессиональная деятельность которых связана с рассматриваемым учреждением, стали авторами построек, определивших облик центра Санкт-Петербурга. Так, в начале XIX в. архитектурным классом руководили такие именитые мастера классицизма, как А.Д. Захаров, разработавший проект комплекса зданий Адмиралтейства, А.Н. Воронихин, архитектор Казанского собора, Ж.-Ф. Тома де Томон, создатель проекта Биржи на Васильевском острове [2, с. 13]. Преподаватели архитектурной школы внесли вклад в пополнение архитектурного наследия не только Санкт-Петербурга, но и Москвы: в 1830 г. звание академика получает

К.А. Тон, основатель упомянутого ранее «русско-византийского стиля», среди наиболее известных построек которого – Большой Кремлевский дворец и храм Христа Спасителя. Однако педагоги и воспитанники Академии работают не только в столичных центрах. Например, во второй половине XIX в. звание академика Санкт-Петербургской Академии художеств получают Карл Веньямин Ротгауз, Давид Олтофф, Генрих Карл Шель, Роберт Август Пфлуг и Рейнгольд Георг Шмелинг; их проекты внесли значительный вклад в формирование архитектурного облика Балтийской губернии XIX в. [1, с. 124]. Стоит отметить, что выше приведены лишь некоторые имена крупнейших архитекторов, тесно связанных с историей архитектурной школы Петербургской Академии художеств.

Библиографический список

1. Дайна Лаце. Академики Императорской Академии художеств – ведущие архитекторы Прибалтики в XIX веке. Академия художеств в прошлом и настоящем. Материалы международной научной конференции к 260-летию со дня основания / Институт имени И.Е. Репина; научн. ред. Ю.Г.Бобров; сост. А.И. Шаманькова. СПб.: Чистый лист, 2018. С. 124.

2. Лисовский В.Г. Академия художеств и ее архитектурная школа в процессе развития русской архитектуры XIX – начала XX века : Автореф. дис. на соиск. учен. степ. д-ра искусствоведения: (18.00.01) / Акад. художеств СССР, Ин-т живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина. Л., 1986. С. 13, 18, 24, 28-29.

3. Малиновский К В. Санкт-Петербург XVIII века. Санкт-Петербург : Крига, 2008. С. 414, 417.

4. Никитенко Г.Ю., Соболев В.Д. Дома и люди Васильевского острова. Москва : Центрполиграф : Санкт-Петербург: МиМ-Дельта, 2008. С. 628, 630.

В.А. Масленникова

*Таврическая академия Крымского федерального университета
(Россия, Симферополь)*

АНАЛИЗ ДИНАМИКИ ЖЕНСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX вв. (ПО МАТЕРИАЛАМ СУДЕБНЫХ И КРЕСТЬЯНСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ ТАВРИЧЕСКОЙ ГУБЕРНИИ, ПРЕОБРАЗОВАННЫХ ПО ЗАКОНУ 12 ИЮЛЯ 1889 ГОДА)

Введение. Под динамикой преступности подразумевается совокупность показателей, которые характеризуют изменения структуры, количества и качества преступного поведения на изучаемой территории в определенный отрезок времени. Данное исследование направлено на изучение динамики проступков женского населения Таврической губернии конца XIX – начала XX., рассматриваемых по Уставу мирового судьи. Ретроспективный анализ динамики социальных отклонений, дает возможность раскрыть тен-

денции в движении социально-негативных явлений, как ответ на проводимую профилактику преступности, а также оценить эффективность пени-тенциарной системы Российской империи [12, с. 125].

Историография. С XIX в. ученые интересовались темпами прироста противоправных деяний. Дореволюционный исследователь Е.Н. Тарновский, в своих трудах связывал рост преступности с экономическими факторами [13]. Ряд исследователей, анализируя рост преступности после крестьянской реформы, свидетельствовали о неграмотной политике в плане обеспечения их жизнедеятельности. Например, М.А. Филиппов, отмечал, что помещики «не озаботились обеспечить крестьянский быт...нужда побудила их к преступлениям» [15, с. 146]. По подсчетам П. Ткачева, население возрастало на 1 % в год, в то время как преступность на 2 %. Исследователь указал, что первопричиной столь стремительного прироста преступности являлись тяжелые социально-экономические условия жизни, в совокупности с «безжалостной карательная политика царизма» [14, с. 30]. Динамика женских проступков на территории Таврической губернии была представлена в Обзорах Таврической губернии (1889-1914 гг.).

Методы. В исследовании, направленном на изучение динамики женской преступности, наказуемой по Уставу о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, будет использован статистический метод. Сравнительный метод позволит проанализировать динамику преступности в течении изучаемого периода.

Результаты. Основные результаты исследования представлены на рисунке №1.

Рисунок №1. Среднее значение количества женских преступлений по Уставу о наказаниях, налагаемых мировыми судьями за 1889-1914 гг. Составлено автором по Обзорам Таврической губернии [1-11]

Анализ динамики женских правонарушений по Уставу о наказаниях, налагаемых мировыми судьями позволяет прийти к выводу о том, что большая часть женских проступков приходилась на оскорбление чести, угрозы и насилия (ст. 130-142 Уст. о Мир. Судьях). Максимальный прирост на-

блюдался в годы политической дестабилизации в 1905-1907 гг. Данные проступки достигали 63 % из всех учиненных преступлений по Уставу о мировых судьях. Анализ местной периодической печати позволяет сделать вывод о том, что женщины Таврической губернии не следили за своими словами, были склонны к брани и, в целом, обладали склочным характером.

Проступки против благочиния порядка и спокойствия (ст. 35-51), занимающие второе место по частоте свершений, до 1913 г. имели тенденцию к снижению. Однако начавшаяся война детерминировала правонарушения среди женщин Таврической губернии. По статьям 35-51 чаще всего привлекались: за ссоры, драки в публичных местах, за распространение ложных слухов, за открытие в недозволенное время трактиров, за пьянство в публичных местах, за бесстыдное поведение, за прошение милостыни. Проступки против чужой собственности имели волнообразный характер (ст. 145-181), но в среднем за все годы занимали в структуре женских правонарушений 11 %. Несмотря на то, что воровство было распространено повсеместно, большую часть женщин оправдывали. Проступки против порядка управления (ст. 29-34). включали в себя: неисполнение законных распоряжений, слушание, оскорбление полицейских и иных лиц при исполнении. Данные проступки так же имели волнообразный характер, и в целом за все годы держалась на уровне 9,27 %. Все остальные правонарушения имели перманентный характер, однако их доля достигала 1-5 % в год. Так же стоит отметить тот факт, что женщины Таврической губернии не нарушали Уставы почтового и телеграфного (ст. 99-101).

Вывод. Анализ динамики женских правонарушений на территории Таврической губернии конца XIX – начала XX вв. позволяет прийти к выводу о том, что большая часть проступков – оскорбления чести, угрозы и насилия. Далее по градации следуют: проступки против благочиния порядка и спокойствия, проступки против чужой собственности проступки против порядка управления. Все остальные правонарушения по Уставу о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, имели несущественные показатели. Их динамика оставалась на постоянном уровне.

Библиографический список

1. Обзор Таврической губернии за 1889 год. Симферополь: Тавр. губ. тип., 1890. 107 с.
2. Обзор Таврической губернии за 1890 год. Симферополь: Тавр. губ. тип., 1892. 59 с.
3. Обзор Таврической губернии за 1901 год. Симферополь: Тавр. губ. тип., 1902. 38 с.
4. Обзор Таврической губернии за 1904 год. Симферополь: Тавр. губ. тип., 1905. 46 с.
5. Обзор Таврической губернии за 1905 год. Симферополь: Тавр. губ. тип., 1906. 38 с.
6. Обзор Таврической губернии за 1906 год. Симферополь: Тавр. губ. тип., 1907. 40 с.
7. Обзор Таврической губернии за 1907 год. Симферополь: Тавр. губ. тип., 1908. 40 с.
8. Обзор Таврической губернии за 1908 год. Симферополь: Тавр. губ. тип., 1909. 36 с.
9. Обзор Таврической губернии за 1911 год. Симферополь: Тавр. губ. тип., 1912. 39 с.
10. Обзор Таврической губернии за 1912 год. Симферополь: Тавр. губ. тип., 1913. 52 с.
11. Обзор Таврической губернии за 1914 год. Симферополь: Тавр. губ. тип., 1915. 149 с.

12. Социальные отклонения: Введение в общую теорию / В.Н. Кудрявцев, В.С. Нерсесянц, Ю.В. Кудрявцев. М.: Юридическая литература, 1984. 320 с.

13. Тарновский Е. Влияние хлебных цен и урожаев на движение преступлений против собственности в России // Журн. Министерства юстиции. 1898. № 8. С. 73-107.

14. Ткачев П. Статистические этюды (опыт разработки русской уголовной статистики) // Библиотека для чтения. СПб., 1863, октябрь. С. 1-30.

15. Филиппов М. О судебной статистике в России. СПб.: Русское слово, 1864. 297 с.

Д.А. Пушина

Самарский национальный исследовательский университет

ДОКУМЕНТЫ ФОНДА САМАРСКОГО ОКРУЖНОГО СУДА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX вв.: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Для современной исторической науки особое значение приобретает углубление и развитие источниковедческих исследований, в том числе таких, где архивный фонд рассматривается как самостоятельное историко-информационное явление и является предметом специального анализа [1, с. 150]. В Центральном государственном архиве Самарской области (ЦГАСО) хранятся материалы дел, рассмотрение которых в конце XIX – начале XX вв. проходило в Самарском окружном суде. Его документы составляют отдельный фонд и содержат ценную историческую информацию о различных сторонах жизни Самарской губернии в указанный период.

В 1864 г. Александром II была проведена судебная реформа, в ходе которой полностью изменилась судебная система Российской империи. В результате проведения реформы были выделены мировые суды и общие суды. Мировые судьи рассматривали гражданские иски на небольшие суммы, дела о оскорблении личности, вопросы, связанные с собственностью. Более крупные преступления рассматривались окружными судами, которые обрабатывали большое количество дел. Сфера влияния судов распространялась на несколько уездов, однако не на всю губернию. Окружные суды также состояли из нескольких уголовных и гражданских судебных составов, в каждом из которых были свои судьи.

Открытие Самарского окружного суда состоялось 25 ноября 1870 г. на основании указа Сената «Об учреждении судебных установлений и о судебных уставах» от 20 ноября 1864 г. Поиск здания для суда начался ранее и выбор пал на старинный и просторный дом мещанина Светова на Алексеевской площади. Подготовкой штата судебного присутствия в Самарской губернии начали заниматься также заранее. В июне 1870 г. стало известно, что в состав окружного суда войдут председатель, товарищ председателя, девять членов суда, три секретаря, семь помощников секретарей, один прокурор, один секретарь при прокуроре, один старший нотариус, восемнад-

цать судебных следователей, девять судебных приставов и четыре рядовых нотариуса [2]. На церемонии открытия присутствовал весь высший свет губернии: губернатор Аксаков, князь Шаховский, председатель Казанской судебной палаты, который обратился к присутствующим с речью. Он сообщил о том, что преобразования в Казанском судебном округе завершаются открытием суда в Самаре, что окружной суд будет «равный, правый, милостивый» [2]. На самарскую общественность открытие суда произвело большое впечатление. На страницах «Самарских епархиальных ведомостей» отмечалось, что суд открыт для публики, здание выбрано очень удачно, помещения просторны [3]. Самарский окружной суд просуществовал с 1870 по 1918 г. После его упразднения по указу 1918 г. все дела были отправлены в государственный архив [4].

Хранящийся в Центральном государственном архиве Самарской области фонд № 8 «Самарский окружной суд» по хронологии содержащихся в нем документов охватывает период с 1866 по 1918 гг. Фонд состоит из 7858 дел, которые разделены на 7 описей. Описи выделены по смешанному принципу. Часть описей содержит гражданские дела, другая часть — дела, связанные с уголовными преступлениями. Внутри этих блоков и гражданские, и уголовные дела разделены еще на несколько описей по тяжести совершенных правонарушений. Так, например, в описи № 2 представлены уголовные дела по нетяжким преступлениям, таким как клевета, оскорбления и другие, а в описи № 4 того же уголовного отделения — дела по преступлениям более тяжким (кража, убийство). Часть описей содержат дела, выделенные по хронологическому принципу. Так, описи № 1, 2, 3, 6 включают материалы дел XIX в., а описи № 4, 5, 7 — объединяют дела начала XX в. Значительная часть дел объединена в описи по типу документов. Например, в описях с № 2 по № 6 включительно представлены непосредственно дела гражданского уголовного отделения, в описи № 1 — личные дела членов канцелярии, в описи № 7 — журнал распорядительного заседания.

Взятые в целом материалы фонда Самарского окружного суда, созданного в результате судебной реформы 1864 г., отражают важные социальные процессы, развивавшиеся в пореформенной России и в Самарской губернии. Они отражают эволюцию судебной системы, изменения в судопроизводстве, методах работы представителей закона и власти, материальном и социальном положении жителей региона, представления о морали и справедливости, которые господствовали в российском обществе на рубеже XIX и XX вв.

Библиографический список

1. О суде. Декрет Совета Народных Комиссаров от 22 ноября 1917 г. // URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5312/> (дата обращения: 16.11.2021).
2. Создание Самарского окружного суда. URL: http://oblsud.sam.sudrf.ru/modules.php?name=info_court&rid=2 (дата обращения: 16.11.2021).

3. Самарская летопись. Очерки истории Самарского края с древнейших времен до начала XX века в 3 кн. / под ред. П.С. Кабытова, Л.В. Храмова. Самара, 1993. Кн. 1.

4. Филимонова Е.Н., Астахов М.В. Методика подготовки студенческих научных работ по источниковедению: опыт кафедры отечественной истории и историографии Самарского университета // Личные фонды государственных архивов как научно-информационный ресурс. Материалы Всероссийской научной конференции историков и архивистов, Самара, 30-31 марта 2021 г. Самара, 2021. С. 149-155.

А.И. Писарева

Самарский национальный исследовательский университет

СЕЛЬСКИЙ ДОСУГ В ГОДЫ НЭПА (НА ПРИМЕРЕ САМАРСКОЙ ГУБЕРНИИ)

Неотъемлемой частью жизнедеятельности человека является досуг, который подвергается изменениям, как и все стороны жизни людей в период перестройки социально-политической системы государства. В 1920-е гг. значительное влияние на культурную жизнь советского человека оказывала власть. Через кинематограф, книги, радио партия формировала “советского человека”. Изучение опыта влияния советской власти на культурный облик населения позволяет переосмыслить многие социокультурные процессы, происходившие в обществе в 1920-е гг. Кроме того, понимание социокультурного выбора населения 1920-х гг., дает возможность понять истоки сознания современного российского общества, а также выявить его реакцию на современные изменения в социокультурной сфере.

Основным культурно-развлекательным центром на селе в 1920-е гг. была изба-читальня. Сельские избы-читальни возникали в основном по инициативе самого населения и содержались на их средства. К 1924 году в Самарском уезде работало 26 изб – читален, Мелекесском – 23, Бугурусланском – 28, Бузулукском – 22, Пугачевском – 30. Кроме того, в губернии функционировали 16 изб-читален нацмен [4, оп.1. д.151. л. 40].

Посещаемость в избах-читальнях была высокой. Жители села приходили заслушать лекции, поучаствовать в беседах, узнать о текущих политических новостях. Особой популярностью избы-читальни пользовались у местной молодежи. Реже их посещали взрослые крестьяне, что было связано с недостатком свободного времени. По мнению Л.Ю. Полянсковой, причина непопулярности изб-читален у старшего поколения заключалась также в том, что взрослые крестьяне не видели для себя реальной пользы от посещения данных учреждений [2, с. 176].

При избах-читальнях развивалась кружковая работа. Источником содержания культурно – посвяtitельного кружка, как правило, служили членские взносы, доходы с платных вечеров, концертов и спектаклей, пожер-

твования частных лиц. Так, например, в избе-читальне с. Спасское были организованы хоровая, лекционная, художественно-литературная, драматическая секции [5, оп.1. д. 105. л. 4]. Просветительный кружок избы читальни с. Березовка (Самарский уезд) организовал научную секцию, драматическую, сельскохозяйственную и библиотечную [5, оп.1. д. 143. л. 12].

В сельских клубах и избах читальнях проводились так называемые вечеринки. Собираясь в товарищеской обстановке молодежь и взрослые участвовали в различных играх, танцах, коллективных плясках. На этих же вечерах организовывалось выступление физкультурников, живой газеты, постановка спектаклей [4, л. 29].

С повышением грамотности среди сельского населения значительное место в его досуге начинает занимать чтение книг, газет и журналов. Стационарные библиотеки в 1920-е гг. имелись только в уездных и волостных центрах, в более мелких селениях библиотечная работа была развита слабо или вовсе отсутствовала. В этих условиях особой популярностью у крестьян пользовались библиотеки-передвижки. Уездные центральные и районные библиотеки помимо собственного села обслуживали и другие села. Так, например, Спасская районная библиотека, фонд которой содержал 4134 книги, обслуживала 8 близлежащих сел, и еженедельно отсылала в каждое по 20 книг [4, л. 19].

Читательские предпочтения сельских жителей можно проанализировать на примере Спасской библиотеки. За август 1926 года из 8781 книги взяты: антирелигиозных – 190, политических – 340, по естествознанию – 607, сельскохозяйственные – 607, беллетристике – 4435, детской – 1998 [7, оп.1. д. 281. л. 30].

В годы НЭПа свои литературные предпочтения крестьяне отдавали тем, кто учился «от крестьянского и рабочего быта» и писал «по-крестьянски». Востребованными и популярными среди деревенского населения были сочинения Демьяна Бедного [2, с.156].

Еще одним видом культурно-просветительных учреждений являлись сельские клубы культуры, где размещались библиотеки, читальные залы, комнаты для кружковой и спортивной работы, вечерние школы. Ведущее место в деятельности клубных учреждений отводилось кружкам политического просвещения.

С середины 1920-х гг. особое место в досуговой культуре сельской молодежи начинает занимать физкультура. Впервые вопрос о постановке физической культуры в деревне был поставлен на Президиуме ГСФК 31 октября 1925 года, когда было утверждено примерное положение о работе деревенского физкультуркружка и методологическое указание по зимней работе. Уже к марту 1926 года в Самарском уезде имелось 5 кружков с 155 физкультурниками, в Пугачеве -6 кружков с 184 физкультурниками. В марте 1926 г. были проведены 5-ти недельные Губкурсы по подготовке инструкторов ФК для села. В итоге было подготовлено 24 работника [7, оп. 1. д. 345. л. 65].

Физкультурные кружки организовывались при избах-читальнях и школах. Кружком руководили организаторы, выделенные ячейкой ВЛКСМ при совете избы – читальни. Для практического руководства привлекались инструктора по физической культуре, комсомольцы, имеющие познания в спорте, демобилизованные красноармейцы [6, оп. 1. д. 3. л. 12].

Сельский кружок физкультуры с помощью теории и практики должен был приобщить крестьян к спорту и ведению здорового образа жизни, а также отвлечь от аморального образа жизни. Привлекая к этой работе местного врача руководством кружка проводились лекции и беседы о пользе физических упражнений, гигиене и т.д. Кроме того, в обязанность сельского кружка физкультуры входила организация спортивной площадки, катка, проведение прогулок и занятий по физкультуре, игр и соревнований среди местного населения [6, оп. 1. д. 3. л. 45].

Спортивные мероприятия советской власти были восприняты с инициативой сельским населением. Число кружков по уездом ежегодно увеличивалось. С 1926 года стали активно проводиться спортивные соревнования между уездами. Так, например, в Бузулуке в мае состоялись соревнования по легкой атлетике, в которых приняли участие молодежь из Самарского, Пугачевского и Бузулукского уездов. Программа включала в себя бег на 60 метров, прыжок в длину, переход по бревну, метание диска и т.д. Принимала сельская молодежь участие и в губернских праздниках физкультуры, целью которых являлось сравнение достижений уездных коллективов между собой, обмен опытом, а также агитационное значение. С 1 по 3 августа 1926 года был проведен V Губернский праздник по физической культуре. К участию в празднике допускалось от каждого уездного совета физической культуры по одному коллективу в составе максимум 20 чел. из них 12 мужчин и 8 женщин и минимум 13 человек из них 8 мужчин и 5 женщин [3].

Особой популярностью среди сельского населения пользовался лыжный спорт. Местные советы физической культуры активно пропагандировали этот вид спорта, как дешевый и быстрый способ передвижения зимой по бездорожным местностям. Так как фабричное производство не могло обеспечить массовый спрос на лыжи, они производились на местах из подручных материалов. Проводились коллективные лыжные соревнования и лыжный пробег, в которых принимали участие физкультурники деревенских кружков [6, оп. 1. д. 4. л. 48].

Новым способом проведения досуга в деревне становится коллективное прослушивание радио. Радио постепенно входило в сельскую жизнь, воздействовало на социокультурный облик крестьян, так как было понятно даже неграмотным слушателям. Как правило, радиостановки располагались в сельском клубе или в помещении сельсовета. Крестьяне с большим интересом слушали выпуски последних известий, трансляции демонстраций, парадов, концертов, тонфильмы – записанные на магнитную ленту спектакли. С весны 1926 года начала выходить крестьянская радиогазета,

состоявшая из радиопередач, освещавшая различные стороны деревенской жизни. Выходила она три раза в неделю, основным ее содержанием являлись материалы, присылаемые самими крестьянами. Программы передач печатались в местных газетах или предварительно рассылались по избам-читальням [2, с. 129].

Широкие возможности для просвещения деревни, приобщения ее к культурным ценностям имел кинематограф. Это хорошо осознавало советское руководство, поэтому специфика кино 1920-х годов заключалась в пропаганде идей строительства нового общества с новой системой ценностей, боевого революционного духа в условиях мирного времени, реконструкции сельского хозяйства и промышленности. Демонстрации кинофильмов вызывали большой интерес у деревенской аудитории. Популярностью пользовались фильмы с идеологическим содержанием: «Кто кого», «Дорога к счастью», «Первые огни», «Красный слуга», «Пожар на корабле». Хотя репертуар кино и оставлял желать лучшего, он очень быстро завоевывал популярность среди крестьянства. Население нередко приезжало за несколько верст, чтобы увидеть ту или иную кинокартину [4, оп.1. д. 141. л. 28].

Среди деревенской молодежи широко были распространены посиделки, на которых молодежь проводила большую часть своего свободного времени. Большинство не желало идти в клуб и слушать лекции, предпочитая традиционные виды досуга, оставшиеся неизменными с царских времен. То же самое касалось татарской, башкирской и мордовской молодежи. По итогам обследования трех уездов была выявлена следующая картина: «...Большинство беспартийной молодежи нацмен свободное время проводит на вечеринках, уллахах (так назывались местные посиделки) или же с гармошкой на улице... во-вторых, это время проводится в большинстве случаев самым бесшабашным образом: карточная игра, пьянка, анекдоты, рассказы» [1, с. 76].

Таким образом, в 1920-е годы в досуговой культуре крестьянина появляются новации. При избам-читальнях открываются кружки самодеятельности, сельские клубы. В повседневность крестьянина врывается кино, радио, спорт. В этот период сельские жители отдавали свое предпочтение как старым, так и новым способам проведения досуга. Необходимо отметить также то, что все культурные учреждения в этот период, помимо повышения культурного уровня населения, служили своеобразным средством формирования «советского» человека.

Библиографический список

1. Короткин Ю.Н. Досуг молодежи в 20-е гг. XX века (на материалах Самарской и Пензенской губерний) // Известия ПГПУ им. В.Г. Белинского. 2012. № 27.
2. Полянская Л.Ю. Политика Советского государства по формированию нового социокультурного облика крестьянства в период НЭПа (на примере Самарской, Пензенской, Ульяновской губерний). Дис.... канд. ист. наук: 07.00.02. Пенза, 2009.
3. Волжская Коммуна. 1926. 24 мая.

4. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. 353.
5. ЦГАСО. Ф.1252.
6. ЦГАСО. Ф. 3311.
7. Самарский областной государственный архив социально-политической истории (СОГАСПИ).Ф. 53.

Д.В. Сочнева

Ульяновский государственный педагогический университет

«СЛЕДУЯ АЛМАЗНОМУ ПУТИ»: ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ БУДДИЙСКОГО ЦЕНТРА НАПРАВЛЕНИЯ КАРМА КАГЬЮ В г. УЛЬЯНОВСКЕ

В условиях современных реалий все более актуальным становится такой феномен, как глобализация. С ним теснейшим образом связаны этнодемографические процессы, происходящие на территории Российской Федерации. Вследствие подобных преобразований необходимо отметить появление различных конфессиональных групп, ранее не встречавшихся в отдельных регионах. К таким, например, относится одна из крупнейших школ тибетского буддизма Карма Кагью. Несмотря на то, что в связи с введением в 1764 г. императрицей Екатериной II титула Пандита Хамболамы буддизм получил покровительство со стороны государственной власти, данное религиозное течение впервые зарегистрировано в Санкт-Петербурге только в 1989 г [3, с. 98]. Соответственно, на сегодняшний день оно является слабоизученным в российской историографии.

Ценнейшим источником для изучения как обрядовой системы, так и повседневного быта представителей учения Карма Кагью является устный материал, получить который возможно посредством методов интервьюирования и анкетирования. Также имеют серьезную значимость неопубликованные источники, содержащиеся в фондах государственных архивов – например, Государственный архив новейшей истории Ульяновской области, – среди которых стоит выделить официальные документы, подготовленные работниками комитета по национальным, конфессиональным вопросам и связям с общественными организациями. В материалах прессы и листовках встречается информация о проводимых верующими мероприятиях, согласованных с местными органами власти.

Ключевой фигурой в развитии школы Карма Кагью как в Ульяновской области, так и во всей России, является Оле Нидал (Карма Лоди Чжамцо) – первый духовный наставник в Европе, прошедший традиционное буддийское обучение и получивший титул Ламы. В 1991 г. он начал тур по городам Среднего Поволжья. По инициативе заинтересованных лиц (участников местного клуба восточных единоборств) Оле Нидал был приглашен на публичную лекцию в Ульяновске. Она состоялась 8 января 1991 г. по адресу ул. Крымова, 67 (бывший Дворец культуры имени В.П. Чкалова) [2, оп. 3,

д. 26, л. 9]. Во время встречи с Ламой рассматривались история школы Карма Кагью и основные принципы медитативных практик, а также разбирались сложные для европейского менталитета буддийские термины (например, «бардо» – это промежуточное состояние между одной жизнью и следующей) [4, с. 107]. Участники мероприятия отметили непринужденную обстановку во Дворце культуры, харизму и открытость Оле Нидала, в особенности запомнились частые тактильные контакты – объятия, похлопывания по плечу. В результате сформировалась группа активистов, решивших совместными усилиями создать буддийский центр и получить для него законный статус. В мае 1991 г. на официальном уровне регистрируется община Карма Кагью в Ульяновске, став одной из первых в России наряду с Санкт-Петербургом, Самарой и Красноярском. Здание, в котором расположился центр, приобретено и обустроено за счет пожертвований Ламы: продав собственную дачу, Оле Нидал вложил полученные финансы в развитие буддийских общин России. Также важно отметить, что появление ранее неизвестного жителям Ульяновска религиозного движения не вызвало негативной реакции у представительств крупнейших конфессий региона – Симбирской епархии и Ульяновского муфтията, что говорит о высоком уровне толерантности в области [1].

На сегодняшний день ульяновская буддийская группа немногочисленна: постоянно практикующих приверженцев не более 30 человек. Среди них встречаются представители различных национальностей, возрастов и профессий. Также буддийский центр имеет собственную типографию: печатаются брошюры с текстом медитации на шестнадцатого кармапу – бывшего духовного лидера Карма Кагью, продаются книги авторства Ламы Оле Нидала («Открытие Алмазного пути: Тибетский буддизм встречается с Западом», «Каким все является. Живой подход к буддизму в современном мире» и др.) Известно, что ульяновская община активно сотрудничает с буддистами из других городов, например, совершают совместные туры, устраивают лекции для членов общин и заинтересованных лиц. В сети Интернет активно ведутся блоги «ВКонтакте» и на официальном сайте «Буддизм Алмазного пути: традиция Карма Кагью» [1].

Таким образом, под влиянием внешних факторов в Российской Федерации появляется все больше религиозных течений. Некоторые из них – например, Карма Кагью – успешно становятся частью как всего российского общества, так и Ульяновской области, которая традиционно является поликонфессиональным регионом. Столь стремительная трансформация культурной и социальной сфер России требует взаимопонимания и культурного диалога как между представителями разных вероучений, так и на уровне государственно-конфессиональных отношений.

Библиографический список

1. Беседа Д.В. Сочневой с практикующим учителем буддизма школы Карма Кагью Н.В. Игумновой [Аудиозапись беседы] // Частное собрание Д.В. Сочневой. Публикуется с согласия Н.В. Игумновой.
2. Государственный архив новейшей истории Ульяновской области (ГАНИУО). Ф. Р-112.
3. Сухорукова О.А. Этническая и национальная история России с древнейших времен до XVII в. Учебное пособие. М., 2021.
4. Шохин В.К. Философия буддизма. Энциклопедия. М., 2011.

А.В. Рыжков

Самарский государственный медицинский университет

ГЕОРГИЙ ЛЬВОВИЧ РАТНЕР – ЖИЗНЬ В ПРОФЕССИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЛИЧНЫХ ИСТОЧНИКОВ)

Имя заслуженного деятеля науки РСФСР, профессора Куйбышевского медицинского института Г.Л. Ратнера (1923-2001) хорошо известно не только в нашей стране, но и за рубежом. Г.Л. Ратнер – выдающийся советский и российский хирург, основатель Куйбышевской школы сосудистой хирургии. Уроженец Екатеринбурга, сын известного хирурга Л.М. Ратнера. Возглавляя многие годы крупную хирургическую клинику в Куйбышевском медицинском институте, успешно развивал самые современные разделы хирургии, учил и воспитывал студентов, субординаторов и молодых хирургов. В активе его хирургической школы 20 докторов и более 70 кандидатов наук, 11 книг, написанных им лично и 11 коллективных монографий, вышедших под его редакцией, свыше 40 свидетельств на изобретения. Достижения Г.Л. Ратнера получили высокое признание за рубежом. Г.Л. Ратнер – обладатель Большой серебряной медали Кембриджа, звания лауреата международной награды «Золотой академический Оскар» и ряда других. Именем знаменитого хирурга, Г.Л. Ратнера, названа одна из улиц города [2]. В истории отечественных и зарубежных школ сосудистой хирургии изучение профессионального пути и научно-педагогического наследия Г.Л. Ратнера является, несомненно, актуальной задачей.

Для исследования вопросов профессионального становления были привлечены не только научные работы Г.Л. Ратнера, заявки на изобретения, выявленные в Российском государственном архиве в г. Самаре (далее – РГА в г. Самаре), но и личные документы. Часть из них (опубликованные автобиографические произведения – «Моя профессия – хирург», «Как сохранить молодость», «Как выйти живым из больницы») уже введена в научный оборот, другая часть – материалы интервьюирования его учеников (интервью с заведующим кафедрой ИПО СамГМУ Е.А. Корымасовым, проведенным в сентябре 2021 г) собрана П.А. Мистрюговым и А.В. Рыжко-

вым. Личные источники существенно дополняют ключевые вопросы становления Г.Л. Ратнера как хирурга и дают возможность увидеть его ценности, идеалы, традиции повседневной жизни врача.

Семья Г.Л. Ратнера непосредственно была связана с медициной. Его отец — потомственный врач Л.М. Ратнер, возглавлял кафедру факультетской хирургии и одновременно руководил онкологическим отделением Уральского института физиотерапии. Мама — медсестра. В отроческие годы Г.Л. Ратнер не проявлял интереса к медицине, увлекался вопросами техники. В годы Великой Отечественной войны Г.Л. Ратнер получил ранение, приведшее к контрактуре кисти. С одной стороны, это обстоятельство не позволяло Ратнеру продолжить обучение в техническом институте, где нужно было много чертить. С другой стороны, благодаря стараниям Л.М. Ратнера, после первого сеанса УВЧ, каузалгия прекратилась. Г.Л. Ратнер поверил в необычайную силу медицины.

Из-за травмы кисти отказался от работы инженером и поступил в Свердловский медицинский институт, который окончил в 1949 году. Заинтересовался хирургией и, ради работы по специальности, стал разрабатывать травмированную кисть. Закончил клиническую ординатуру у профессора А. Т. Лидского. По ее окончании уехал в Комсомольск-на-Амуре, где заведовал хирургическим отделением.

В 1954—1962 годах — доцент хирургической кафедры в Челябинском медицинском институте. В конце 1950-х — начале 1960-х годов увлекся новыми в то время разделами хирургической медицины — торакальной и сердечно-сосудистой хирургией, и организовал первое на Урале отделение торакальной хирургии, где оперировал больных с заболеваниями легких, пищевода и сердца.

В 1962 г. Г.Л. Ратнер избран на должность заведующего кафедрой факультетской хирургии Куйбышевского медицинского института, которой продолжал заведовать на протяжении 39 лет. Под его руководством в клинике разработаны актуальные проблемы современной хирургии: восстановительные операции на сосудах, хирургия сердца, создание аппаратуры искусственного кровообращения, электростимуляция органов, хирургия легких, пищевода, желудка и желчевыводящих путей, симптоматической артериальной гипертензии и др. Многие из этих проблем были впервые рассмотрены не только в Куйбышеве, но и на всесоюзном уровне. Г.Л. Ратнер приехал в Куйбышев с уже сформировавшейся установкой развивать сердечную хирургию. Как рассказал Е.А. Корымасов, «появились сначала доморощенные, собранные чуть ли не вручную, аппараты искусственного кровообращения, потом были закуплены новые, и пошла кардиохирургия. Кардиохирургия очень хорошо вписалась в торакальную хирургию, которая была основана Сергеем Леонидовичем Либовым» [4]. Таким образом, в институте была сформирована хорошая база для развития сердечной хирургии.

Г.Л. Ратнер стремился к внедрению технических приспособлений в процесс лечения. Об этом свидетельствуют его заявки на изобретения Г.Л. Ратнера. Среди них пальцевый расширитель суженных клапанов сердца, электростимулятор для обезболивания, obturator для лечения дефекта межпредсердной перегородки, а также один из способов лечения калькулезного холецистита – операция холецистохоледоха анастомоза [5], что отражает интенсивный поиск Г.Л. Ратнера в исследуемых им сферах.

Г.Л. Ратнер проявлял себя не только как талантливый врач-хирург, ученый, но и как прекрасный педагог, наставник. Студенты вспоминают о нем как об одном из лучших лекторов, отмечая его «уникальный» стиль проведения лекционных занятий, основанный на многочисленных примерах из хирургической практики, интерес к индивидуальным формам обучения (к примеру, профессор любил проводить по субботам собеседования по проблеме), внимание к личности молодых врачей.

Е.А. Корымасов отметил высокие моральные качества своего учителя: «Порядочность он ценил больше всего. Расставался с высококвалифицированными сотрудниками, замеченными в нехороших вещах. Хотя, при этом, он подчеркивал: «А профессионал то он был вот такой!»...» [4]. Жизненный путь Г.Л. Ратнера можно назвать успешным. Какие психологические качества отличали его как педагога, наставника молодых врачей? Взвешенность, разумность, быстрота, интерес, «ему до всего было дело, он был легок на подъем» – так о нем вспоминает Е.А. Корымасов. Научный поиск Г.Л. Ратнера базировался на огромной практике, интересе к новым нестандартным операциям. Это, на наш взгляд, обусловило то, что Е.А. Корымасов назвал интуицией в выборе перспективных тем для исследования [4].

Таким образом, трудолюбие, талант, любовь к профессии были морально-нравственными и мировоззренческими ориентирами в жизни и деятельности профессора Г.Л. Ратнера и позволили ему достичь больших высот в профессиональной жизни.

Библиографический список

1. Научно-педагогическая школа профессора Георгия Львовича Ратнера / В.И. Варгузина, Н.А. Лысов, И.Л. Федотов. Самара, 2009. С. 3-5.
2. Липатова А.М. Улица Георгия Ратнера // Самарских улиц имени. Самара, 2008.С. 192-193.
3. Здравоохранению Самарской области 80 лет. Справочно-библиографическое издание. Под ред. проф. Р.А. Галкина. Редактор-составитель Н.Ф. Манаков. Самара, тип. «Дизайн-студия Морозова», 1998.
4. Стенографическая запись интервью Е.А. Корымасова о Г.Л. Ратнере; записал А.В. Рыжков // Личный архив автора.
5. Российский государственный архив в г. Самаре (РГА в г. Самаре). Ф. Р-1. Оп. 187-5, Д. 1321; Ф. Р-1. Оп. 486-5. Д. 522, 1576; Оп. 185-5. Д. 497; Оп. 387-5. Д. 1093.

**АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ АМИНЕВ:
ВОЕННЫЙ ПЕРИОД ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

В истории отечественной хирургии советского периода золотыми буквами написано имя основоположника научно-педагогической школы проктологии Куйбышевского медицинского института Александра Михайловича Аминова (1904–1984). Важный, но недостаточно исследованный период в жизни и деятельности А.М. Аминова – его участие в Великой Отечественной войне, лечении раненных и возвращении их в ряды Красной армии. Армейским хирургом 28-й общевойсковой, затем 5-й танковой армии А.М. Аминов прошел боевой путь от Сталинграда до Берлина в должности главного хирурга.

В своих воспоминаниях «Хирург на войне» А.М. Аминов воссоздает боевой путь армейского хирурга в годы Великой Отечественной войны, описывает личные переживания и практику лечения раненных, характеризует повседневную жизнь на фронте. Обратимся к анализу рукописи воспоминаний, выявленной в личном фонде А.М. Аминова, находящемся на хранении в Центральном государственном архиве Самарской области, и рассмотрению профессионального пути А.М. Аминова в данный период.

Новость о войне А.М. Аминова настигла неожиданно: «вся жизнь перевернулась, пошла по ускоренному, напряженному пути... с фронта каждый день шли неблагоприятные вести и сообщения» [1, оп.3. д.8.л.10]. В сентябре 1942 г. он был мобилизован в ряды и назначен армейским хирургом 28-ой общевойсковой армии.

А.М. Аминов занимался развертыванием госпиталей, проводил операции, занимался повышением квалификации. Это была ежедневная борьба уже опытного хирурга за жизни многих тысяч советских воинов. Даже во время войны А. М. Аминов продолжал анализировать и обобщать опыт оказания хирургической помощи. Одними из самых тяжелых военных дней А.М. Аминов называет дни Сталинградской битвы: «у нас, хирургов, также начались напряженные боевые дни для спасения жизни раненых воинов. Мы по трое суток, без сна и отдыха, почти не отходя от операционного стола, оперировали воинов с самыми разнообразными ранениями. За трое суток я поспал лишь 12 минут» [1, оп.3. д.8.л. 14]. И тыл и фронт напрягали все силы для победы над жесточайшим противником. Армейские хирурги находились в самом эпицентре военных действий.

В воспоминаниях А.М. Аминов приводит множество описаний видов ранений и хирургической тактики лечения. К примеру, довольно частым был опыт оперирования А.М. Аминовым неоперабельных раненных, которых отправляли палату с агониальными солдатами. Увидев в госпитале од-

ного такого солдата, А.М. Аминев лично взялся за, казалось бы, безнадежный случай. «Отставить! Никуда раненого не уносить, буду его оперировать». Операция прошла успешно! Следующая встреча с больным состоялась через 10 лет, когда тот самый «безнадежный больной» постучался в профессорский кабинет в Куйбышевском медицинском институте. «И вот он здесь — возбужденный, довольный, сидит и рассказывает о прошлом, настоящем, о семье, о себе, о работе. А главное — живой, здоровый, жизнерадостный» [1, оп.3. д.8.л. 18].

Интересны раздумья А.М. Аминова над историей выпускницы Астраханского медицинского института, которая пришла к А.М. Аминева с просьбой оставить ее дома для ухода за больной матерью. А.М. Аминев отказал и отправил девушку на фронт, после узнав, о ее гибели. Он вспоминал об этом: «...я узнал об этом трагическом происшествии и первая мысль — не я ли виновен в гибели этого врача <...> Но это не значит, что молодые здоровые люди должны отсиживаться в тылу. Войны не бывает без потерь» [1, оп.3. д.8.л. 21].

Вспоминая о войне, А.М. Аминев уделяет большое внимание операциям. По его убеждению инструкции, которые касались техник выполнения оперативных вмешательств, были несовершенны; плохо освещали или вовсе не учитывали многие клинические аспекты, в том числе вариативные анатомические особенности. Это одновременно огорчало и воодушевляло А.М. Аминова совершенствовать рекомендации и хирургическую технику. Собственно, поэтому он и записывает в свой личный блокнот ход практически каждой своей операции. А.М. Аминев старался эмоционально не привязываться к пациентам, придерживаться так называемой «инженерной модели» оказания медицинской помощи в экстремальных условиях.

За годы войны А.М. Аминев ни разу не применял огнестрельное оружие. Один из не многих опытов, когда он «использовал» боевое оружие, был связан кражей книг из библиотеки Ростовского мединститута. По описанию А.М. Аминова туда проник человек, чтобы набрать книг для того, чтобы топить печь. «Меня расстроило такое дикое отношение к научной библиотеке. Я расстегнул кобуру, извлек свой парабеллум, навел его на этого вора-мародера и громко произнес: «Вывалите книги. Немедленно убирайтесь отсюда»» [1, оп.3. д.8. л. 35].

А.М. Аминев оперировал до конца войны. Раненых поступало очень много, им была необходима медицинская помощь, они отважно сражались за свой народ, за свои семьи. «Но для нас, медиков, главная забота — раненые. Их лечение, выхаживание» [1, оп.3. д.8.л. 98]. Результатом осмысления хирургического опыта в годы Великой Отечественной войны было издание «Огнестрельных ранений прямой кишки» (Куйбышев, 1961).

Подводя итоги рассмотрению военного периода в жизни и деятельности А.М. Аминова, можно сказать, что А.М. Аминев внес значимый вклад в лечение раненных солдат и возвращении их действующую армию. Суров,

но справедлив, принципиален и устремлен. Способен видеть выход там, где многие бы махнули рукой и сдались. Очевидно мощное желание А.М. Аминова помогать раненым солдатам, улучшать военно-полевую хирургию. Благодаря этим чертам характера А.М. Аминов пользовался авторитетом как среди коллег, так и среди раненых.

Библиографический список

1. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. Р.-895.

И.Д. Янцен

Самарский национальный исследовательский университет

СОВРЕМЕННАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ЖЕНСКОЙ ФРОНТОВОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

История Великой Отечественной войны всегда вызывала огромный интерес у исследователей. Проблема вклада женщин-фронтовиков в победу над фашистской Германией изучалась еще в советской отечественной историографии, однако данное изучение проводилось преимущественно в рамках марксистско-ленинской методологии и историко-партийном аспекте, где основное внимание уделялось героическому вкладу женщин-фронтовиков в победу. На современном же этапе развития отечественной историографии рассматриваемой проблемы (1990-е гг. — настоящее время) ситуация существенно меняется.

На развитие современной отечественной историографии женской фронтовой повседневности повлияло несколько ключевых моментов. После распада СССР происходит качественное изменение политической обстановки в стране, в результате чего снимаются некоторые ограничения в доступе к архивным материалам, в том числе носившим ранее гриф «секретно», что, в свою очередь, позволило историкам значительно расширить источниковую базу своих исследований. В 1990-е годы в российской исторической науке стала утверждаться антропологическая парадигма, окончательно получает свое признание история повседневности, активно развивается гендерная, в частности, женская история. Наконец, в конце 1990-х гг. появляются, а в 2000—2010-е гг. оформляются два новых направления отечественной историографии — военная историческая антропология и военная историческая психология, основы которых заложила Е.С. Сеньявская. Задачами изучения в рамках этих направлений являются обращение к историческому опыту как основному источнику знаний о человеке на войне и исследование «человека воюющего» как особого социально-психологического явления [14; 16]. Использование предложенных Е.С. Сеньявской историко-

антропологического и историко-психологического подходов позволяет проводить историкам системный анализ войны в «человеческом измерении» [13; 15].

Процесс рассекречивания архивных документов, взаимодействие подходов истории повседневности, гендерной истории, военной исторической антропологии и военной исторической психологии на современном историографическом этапе, на наш взгляд, определили вектор исследований военной повседневности женщин-фронтовиков, в основе которых стал лежать прежде всего междисциплинарный подход. Все это позволило исследователям сместить акцент на историю женского опыта войны; на изучение женских моделей памяти и государственной политики по отношению к женскому военному прошлому, изучение проблем конструкции и деконструкции военных образов; а также на анализ особенностей женской военной психологии и женского поведения [3; 4; 8; 11; 12]. Все больше возрастает интерес к истории военной повседневности: становится востребованным изучение условий жизни, бытовых деталей, образа мыслей, мотивации поведения и особенностей внутреннего мира человека на войне, в частности, происходит осмысление исследователями поведенческой психологии советских женщин-фронтовиков в годы Великой Отечественной войны [1; 2; 5; 6; 7; 9; 10]. Тем не менее, бытовая и морально-психологическая сторона повседневной жизни женщин-фронтовиков остается пока не вполне изученной и по-прежнему является перспективным направлением современной исторической науки.

Библиографический список

1. Батурина З.П. Исторический опыт привлечения женщин на военную службу в отечественные вооруженные силы в XX веке: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2004.

2. Барсукова Н.В. Женщины в Вооруженных Силах СССР в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.: по материалам Красноярского края: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Красноярск, 2005.

3. Будницкий О. Люди на войне. М., 2021.

4. Вашурина З.П. Нужны ли женщины в армии? (Историко-социологический анализ) // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2005/2006. Актуальные проблемы изучения. М., 2006.

5. Иванова Ю. Н. Храбрейшие из прекрасных: Женщины России в войнах. М., 2002.

6. Каменева Г.Н. Проблемы учета женского состава вооруженных сил страны в годы Великой Отечественной войны (на материалах Юга России) // Военно-исторический журнал. 2015. № 10.

7. Лактионова Л.Д. Женские авиационные части в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.: Историческое исследование: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1999.

8. Никонова О.Ю. Женщины, война и «фигуры умолчания» // Неприкосновенный запас. 2005. № 2. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/zhenshiny-vojna-i-figury-umolchaniya.html>

9. Петракова В.И. Женские стрелковые формирования в СССР в годы Великой Отечественной войны: 1941-1945: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2013.

10. Печейкин А.В. Женская военная форма – забота особая // Военно-исторический журнал. 2015. № 3.

11. Реброва И.В. Великая Отечественная война в мемуарах: историко-психологический аспект (на материалах Краснодарского края): автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2005.

12. Реброва И. В. «Женская» повседневность в проблемном поле истории Великой Отечественной войны // Женщина в российском обществе. 2008. № 2.

13. Сениявская Е.С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М., 1999.

14. Сениявский А.С., Сениявская Е.С. Военная повседневность как предмет исторического исследования: теоретико-методологические проблемы // 65 лет Великой Победы: в 6 т. М., 2010. Т. 3. Победа. С. 197-211.

15. Сениявская Е.С., Сениявский А.С., Жукова Л.В. Человек и фронтовая повседневность в войнах России XX века: очерки по военной антропологии. М., 2017.

16. Сениявская Е.С. Человек на войне, или тернистый путь от военной истории к военной антропологии // Исторический вестник. 2018. № 24.

В.И. Рудерман

Медицинский университет «Реавиз»

МОЛОДЕЖЬ КУЙБЫШЕВСКОЙ ОБЛАСТИ НА ЗАГОТОВКАХ ЛЕКАРСТВЕННЫХ РАСТЕНИЙ В 1941-1945 гг.

В первые годы Великой Отечественной войны значительная потеря территорий Советского Союза, оказавшихся занятыми немецкими войсками, привела к утрате большей части промышленности, в том числе и фармацевтической. Помимо фабрик, были разрушены тысячи производственных аптек и лабораторий. Часть предприятий была перебазирована на восток страны в ходе эвакуации [3, с. 184]. Данные процессы привели к резкому снижению производства медикаментов и их нехватке.

Уже в декабре 1941 г. на заседании Фармакологического комитета Наркомата здравоохранения СССР обсуждалась эта проблема. Членами комитета, под руководством профессора Р.А. Лурии, были определены основные насущные задачи. Одной из них стало предложение об использовании в медицинской практике лекарственных растений отечественного произрастания и препаратов, изготовленных из них [1, с. 45-46].

В начале 1942 г. были утверждены новые стандарты на листья белладонны, белены, валериановый корень и плоды шиповника, разработанные Фармако-ботанической комиссией фармакопейного комитета Наркомата здравоохранения СССР [5, с. 43].

Значительное участие в сборе лекарственного сырья в годы войны сыграли дети и подростки. В аналитической статье о результатах заготовок

растений за 1942 г. отмечалось, что был плохо организован сбор корня валерианы. И причиной тому стало отсутствие стабильного состава заготовителей. Тут же пояснялось, что выкапывали валериановый корень весной и осенью, когда школьники не могли в этом участвовать, так как были заняты учебой. А взрослые – задействованы на сельхозработах [2, с. 9].

Приказом № 1538 от 7 мая 1943 г. Наркома просвещения РСФСР В.П. Потемкина предложено заведующим областным и краевым отделам народного образования широко привлечь к заготовке дикорастущих растений учащихся школ, детских домов, интернатов, внешкольных учреждений путем заключения договоров с заготовительными организациями [7, оп. 16, д. 56, л. 11].

В Куйбышевской области сбор лекарственно-технического сырья курировался областным комитетом ВЛКСМ. На местах руководство осуществлялось районными комсомольскими секретарями. Непосредственно со школьниками ходили на сбор растительности учителя биологии, географии, химии, а также работники сельского хозяйства. Они же проводили предварительный инструктаж правильности сбора отдельных частей растений.

В 1943 г. куйбышевским областным отделом народного образования и комсомолом был выдвинут лозунг: «Не менее 4 кг высушенных лекарственных растений на каждого учащегося» [8, с. 2].

В июне 1943 г. по Куйбышевской области проводилась неделя сбора лекарственных растений. В ней приняло участие свыше 2 тыс. человек, давших региону дополнительно сотни килограммов ценного сырья. Активное участие принимала и молодежь. Ученица 5 класса школы с. Новодевичье Тамара Никитина сама собрала и высушила 100 кг различных растений. Сбор лекарственных растений по области продолжался и в июле. Началось соревнование между районами. Обком комсомола учредил переходящее Красное знамя, почетные грамоты и премии лучшим заготовителям [4, с. 2].

За 1944 г. только по 30 комсомольским организациям колхозов, школ и детской площадке Шенталинского района собрано и сдано всех видов лекарственного сырья 2151 кг, в том числе в сухом виде – 1753 кг. Комсомольская организация колхоза Красная Тархановка Шенталинского района организовала молодежь и даже взрослое население на выполнение важного задания. Вместо нормы в 45 кг ими сдано всего 126 кг в сухом виде листьев крапивы, шавеля и хрена сушеного [7, оп. 16, д. 78, л. 48].

Учащиеся начальной школы колхоза Большевик того же района вместе с комсомольцами перевыполнили задание на 171 %, собрали и сдали в сельпо сушеного листа крапивы 35 кг и сушеного хрена 42 кг [7, оп. 16, д. 78, л. 49].

Иногда к ребятам обращались с просьбой собрать растения для раненых солдат. Так, в 1944 г. по просьбе эвакогоспиталя детской оздоровительной площадкой, в составе 55 ребят при станции Шентала, за короткий период собрано сырья больше, чем было нужно. К такому высокому результату, помимо желания помочь воинам, вероятно, привела состязательность. Дело

в том, что с 7 июня по 7 августа ребята площадки развернули между собой соревнование. За месяц они собрали 272 кг в т.ч 20 кг листа ландыша, 122 кг цвета липы и 130 кг аптечной ромашки. Все растения были сданы в аптеку эвакогоспиталя, тем самым ребята обеспечили фармацевтов материалом для изготовления необходимых срочных медикаментов [7, оп. 16, д. 78, л. 49 об.].

В 1944 г. в рамках участия в соревновании по сбору дикорастущих полезных растений, лучшими коллективами за весенне-летний период по Борскому району стали следующие учреждения: Борская неполная средняя школа – 127,75 кг (больше всего ландыша – 71,8 кг), Борская средняя школа – 70,75 кг (больше всего хвои – 43,6 кг) и Борская школа медсестер – 66,2 кг (больше всего коры крушины – 40,6 кг) [6, оп. 3, д. 143, л. 1]. Борский район всегда отличался высокими показателями. Еще в 1943 г. Борский детдом № 15 стал одним из лучших в области, собрав 276 кг растений [7, оп. 16, д. 52, л. 30].

Областным комитетом комсомола была разработана инструкция по сбору лекарственных растений. Все лекарственные растения предписывалось собирать только в хорошую сухую погоду. Некоторые из них были ядовиты, поэтому надлежало следить, чтобы никто не брал сорванных растений в рот, а после сбора требовалось обязательно вымыть руки [7, оп. 16, д. 55, л. 137].

Библиографический список

1. В Фармакологическом комитете // Фармация. 1942. № 3.
2. Ивенский Я.Г. Сбор и заготовка лекарственно-технического сырья в РСФСР в 1942 году // Фармация. 1943. № 3.
3. Коренблат Г.Д. Организация фармацевтического дела. М., 1948.
4. Неделя сбора лекарственных растений // Волжская коммуна. 1943. 3 июля. (№ 137).
5. Общий отдел // Фармация. 1942. № 1-2.
6. Самарский областной государственный архив социально-политической истории (СОГАСПИ). Ф. 1348.
7. СОГАСПИ. Ф. 1683.
8. Францев И. Организуем массовый сбор лекарственных растений // Волжская коммуна. 1943. 28 апреля. (№ 91).

А.В. Жминько

Медицинский университет «Ревиз»

НЕДОСТАТКИ В ПАТОЛОГОАНАТОМИЧЕСКОЙ РАБОТЕ МЕДИКОВ КУЙБЫШЕВСКОЙ ОБЛАСТИ В 1950-е гг.

Первые десятилетия после Октябрьской революции советские патологоанатомы изучали, главным образом, инфекционные болезни и особенно сыпной тиф. В годы Великой Отечественной войны основной акцент де-

лался на изучении боевых травм и заболеваний военнослужащих. Фактически за первые десятилетия советской власти почти заново созданы две отрасли патологической анатомии: патологическая нейроморфология и патологическая гистохимия [4, с. 10].

Важным достижением советского периода стала организация разветвленной сети патологоанатомических служб, в том числе и в регионах. Так, если до революции в Самаре был только один патологоанатомический кабинет с одним прозектором, то в середине 1950-х гг. Куйбышевскую область обслуживали уже 35 патологоанатомических отделений [4, с. 12].

Увы, в работе этих отделений в 1950-е гг. имелось довольно много недостатков. Обсуждались проблемы, существовавшие в этой сфере, на заседаниях Куйбышевского областного научного общества, созданного в 1945 г. [3, с. 93]. Возглавил его с самого появления профессор Куйбышевского медицинского института Николай Федорович Шляпников. Им же проводилась координация обсуждения проблем патологоанатомической службы региона в рассматриваемый период и меры, предпринимаемые для их решения [1, с. 7-8].

Проанализировав совещания и съезды, проводившиеся Куйбышевским областным научным обществом патологоанатомов в 1950-е гг., было обращено внимание на тяжелое положение этого направления медицины. Условно все недостатки в организации прозекторской работы в патологоанатомических отделениях Куйбышевской области нами были объединены в несколько групп.

К первой группе относится отсутствие собственного помещения или его плохое оснащение. Иногда же и просто игнорирование необходимого вскрытия. Прозектор городского онкологического диспансера г. Куйбышева, В.Д. Молчанова, в 1954 г. отмечала, что онкодиспансер не имеет своей прозекторской и работает на базе помещений Центральной горбольницы г. Куйбышева, хотя штат работников и был укомплектован [2, оп. 1, д. 2, л. 14].

Патологоанатом онкодиспансера областной больницы им. Калинина Л.Г. Климчицкая высказалась о том, что сотрудникам приходилось проводить много биопсий, но в морге отсутствовало отопление [2, оп. 1, д. 4, л. 28].

Прозектор Центральной горбольницы им. Пирогова г. Куйбышева Ю.А. Смирнов в 1956 г. сообщал, что ремонт патологоанатомического отделения не производился много лет, был довольно плохой подъезд. Главный врач разрешал выдачу трупов без вскрытия. Так один раз был выдан труп женщины, умершей после операции кесарева сечения [2, оп. 1, д. 4, л. 28].

Ко второй группе недостатков стоит отнести плохое снабжение: нехватка реактивов, инструментария и т.д. Такая ситуация наблюдалась, например, в детской инфекционной больнице г. Куйбышева, о чем в 1954 г. сообщала ее прозектор Г.С. Синельникова: реактивы отпускали сразу в больших количествах, а это требовало выплаты большой суммы денег за один раз. На это не всегда соглашался главврач. В результате этого патологоанатомическое отделение часто оставалось вообще без реактивов [2, оп. 1, д. 2, л. 14].

В третью группу объединены недостатки, связанные с плохим оформлением протоколов вскрытия. В качестве иллюстрации можно привести пример прозектора городской больницы г. Чапаевск А.Е. Тарантея. По поводу его работы даже была организована комиссия, обследовавшая качество проведения им вскрытий и оформления соответствующей документации.

Среди основных недостатков были названы следующие: отсутствие нумерации протоколов; нередко они пишутся на отдельных листах тетрадей, не прошитых; протоколы писались долгое время спустя после вскрытия (1-2 недели). Ряд из протоколов были не дописаны, имелись лишь наброски и заметки карандашом (вес и размер органов, какие-то схемы и другие записи в которых мог разобраться, да и то, по-видимому, не всегда сам А.Я. Тарантей). В полностью подписанных протоколах из описания органов (не очень четко и подробно) следовали совершенно неправильные диагностические заключения, иногда же из описания в протоколе нельзя было вообще сделать никакого заключения, а между тем оно делалось. Структура диагноза соблюдалась, однако диагноз на лицевой стороне не всегда соответствовал диагнозу в конце протокола [2, оп. 1, д. 3, л. 28].

К четвертой группой мы отнесли недостатки, связанные с нехваткой или текучестью кадров. Так, в районной больнице Похвистнево за 1959г. сменилось 3 патологоанатома: 4 месяца по совместительству на 0,5 ставки работал В.И. Темников, 3 месяца на 0,5 ставки работал А.Г. Бельский и в течение 5 месяцев работал врач В.Н. Ванин [2, оп. 1, д. 6, л. 80].

Резюмируя данный анализ, приведем фрагмент объяснения сложной ситуации патологоанатомической службы, которое дал заведующий отделом здравоохранения Куйбышевской области Д.А. Воронов на заседании общества патологоанатомов в 1958 г. Он отмечал, что, действительно, не везде в районах Куйбышевской области имелись подготовленные кадры прозекторов. Не хватало и хорошего оборудования. Д.А. Воронов объяснял это тем, что в районах преобладали больницы с наибольшим числом коек (50 и меньше), а по существовавшим нормативам один прозектор полагался на 100 коек. В качестве заключения он отметил, что необходимо увеличивать количество патологоанатомов и отдел здравоохранения будет налаживать темпы подготовки этих кадров [2, оп. 1, д. 5, л. 3].

Библиографический список

1. Николай Федорович Шляпников и его ученики / сост. Т.А. Федорина, Т.В. Шувалова. Самара, 2007.
2. Самарский областной государственный архив социально-политической истории (СОГАСПИ). Ф. 939.
3. Струков А.И., Движков П.П. Патологическая анатомия в СССР за 50 лет (1917-1967). Москва, 1967.
4. Шляпников Н.Ф. 40 лет Советской патологической анатомии // Сборник научных работ Куйбышевского общества патологоанатомов с секцией патофизиологов. Куйбышев, 1957.

**ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
В.Н. ПОПЛАВСКОГО В 1990-1993 гг.**

В современной исторической науке большое внимание уделяется историко-биографическим исследованиям, в том числе посвященным нашим современникам, которые внесли значительный вклад в сохранение и развитие нашей страны в сложнейших исторических условиях 1990-2000-х гг. Данная работа посвящена моему отцу – капитану 2 ранга ВМФ, председателю Федоровского поселкового совета, депутату 4-х созывов Думы г.о. Тольятти Владимиру Николаевичу Поплавскому.

В 1989 г. в родную Федоровку вернулся молодой офицер, капитан 2 ранга в запасе Владимир Николаевич Поплавский. Моряку-подводнику предстояло найти себя на гражданском поприще, что было сложно из-за перестройки в стране [3]. Проработав недолгое время учителем истории в школе, Владимир Николаевич в 1990 г. принял участие в выборах и 24 апреля был избран депутатом Федоровского поселкового Совета народных депутатов [1, оп. 1. д. 432, л. 19]. Увидев настойчивость и принципиальность недавно избранного депутата, народные представители 8 мая 1990 г. избрали товарища Поплавского на пост председателя Совета [1, оп. 1. д. 437. л. 8]. Это было началом общественно-политической деятельности Владимира Николаевича.

На посту председателя Владимир Николаевич делал все, чтобы привести в порядок свой родной поселок [3]. Он считал своим долгом исполнять указы избирателей. Далее следует рассмотреть отдельные вопросы, за решения которых боролся депутат В.Н. Поплавский.

Важная проблема, волновавшая жителей Федоровки – это экологическая ситуация в поселке. Здоровью сельчан давно угрожали вредные выбросы, исходившие от асфальтно-битумного завода, расположенного на территории Федоровского поселкового Совета. 16 июня 1990 г. сход жителей поселка настаивал на закрытии завода. На I сессии Федоровского поссовета во главе с В.Н. Поплавским было принято решение о ликвидации завода с 1 июля 1990 г. Предприятие, действительно, прекратило свою работу [1, оп. 1. д. 437. л. 28].

Следующий вопрос также касался экологии. Под Федоровкой проходили 2 огромные трубы по сбросу хозяйственно-фекальных отходов промышленных предприятий города. Были случаи, когда коллекторы прорывали и заливали огороды сельчан. В конце 80-х гг. власти города приняли новое решение о строительстве еще одного очистного сооружения ВАЗа через поселок. По этому вопросу с 12 по 15 июня 1990 г. в Федоровке был проведен референдум, в ходе которого выяснили, что население было против строительства 3-й нитки трубопровода [1, оп. 1. д. 437. л. 28].

Но, несмотря на протест жителей, тольяттинский городской Совет настаивал на своем. В ноябре 1990 г. сельчане во главе с председателем поссовета В.Н. Поплавским организовали пикет в ответ на незаконные действия властей по строительству коллектора [4]. Требование Владимира Николаевича Поплавского как главы Федоровки заключалось в том, чтобы провести эту третью нитку сточных вод ВАЗа не через поселок, а в его обход.

В.Н. Поплавский со своим волевым характером и обостренным чувством справедливости не боялся поднимать волнующие вопросы Федоровки в высших инстанциях власти. В декабре 1990 г. Владимир Николаевич вместе с односельчанами встретился с Председателем Верховного Совета РСФСР Б.Н. Ельциным и добился решения важного экологического вопроса о строительстве коллектора сточных вод в обход пос. Федоровка [1, оп. 1. д. 457. л. 4-5].

Напряженной была ситуация с продуктами питания в поселке, особенно как и во всей стране в 90-е годы. В добавок к этому в Федоровке образовывались различные садово-дачные кооперативы и турбазы, что приводило к нехватке продовольствия для местных жителей. В июле 1990 г. поссовет принял решение, в соответствии которым продукты могли покупать только местные жители, предъявляя паспорта [1, оп. 1. д. 437. л. 41].

В решении Федоровских проблем принимали участие власти всего города. По обращению Владимира Николаевича в городской Совет и администрацию г. Тольятти был заключен договор с ВАЗом по асфальтированию всех федоровских дорог, а также ремонту аварийных колодцев [1, оп. 2. д. 10. л. 10].

Со слов экс-председателя Тольяттинской Думы А.Н. Дроботова, Поплавский был заточен на нужды своих избирателей [2]. Он старался быстро реагировать на насущные проблемы своих односельчан. В кратчайшие сроки поссовет решал проблемы по перебоям в водоснабжении из-за приезжих дачников, уличному освещению, подключению радиоточек, вывозу мусора из поселка, транспортному обслуживанию населения, строительству телефонной станции, оказанию материальной помощи инвалидам ВОВ в ремонте домов многое другое.

Народ уважал и любил Поплавского за его труды, смелость, справедливость и бескорыстное желание помочь каждому. Люди по его просьбам выходили на субботники, участвовали в митингах, собраниях и пикетах. Они без сомнений верили своему избраннику и шли за ним. Именно односельчане весной 1994 г. проголосовали за своего покровителя и избрали Владимира Николаевича в новый орган власти – Тольяттинскую Думу. Борьба Поплавского за народное счастье продолжалась, но уже в новом статусе.

Библиографический список

1. МКУ «Тольяттинский архив». Ф. Р-152.
2. Интервью с А.Н. Дроботовым, председателем Думы г.о. Тольятти 4-х созывов и депутатом Самарской Губернской Думы IV и V созывов. Интервьюер – А.В. Курбатова. 26 марта 2021 г.
3. Интервью с Н.С. Поплавской, заместителем начальника юридического отдела в Тольяттинской городской Думе. Интервьюер – А.В. Курбатова. 25 марта 2021 г.
4. Русов С. Будем стоять до победного// За коммунизм. 1990. № 224(10864). 22 ноября.

А.И. Бибко

Самарский национальный исследовательский университет

АВТОРСКАЯ ПЕСНЯ В СССР В 1960-1980-е гг. КАК КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ЯВЛЕНИЕ

Значимым и самобытным явлением в развитии отечественной музыкальной культуры является авторская песня, сформировавшаяся как самостоятельное направление в 1960-е гг. Творчество бардов – поэтов, композиторов, музыкантов, певцов – соответствовало духу времени. Общество нуждалось в переменах, и авторская песня с ее глубоко индивидуальной манерой исполнения, искренностью, интонационной выразительностью поэтического слова возникла как волна творчества в самом оперативном жанре искусства, каким является песня [1, с. 138-140].

Песни бардов в молодежной среде рождались стихийно. В лучших из них проступали духовные черты современного героя. Распространялись они очень быстро с помощью магнитофонных лент.

Определяющее положение в творчестве бардов занимала идея свободы личности, самовыражения, творчества [3, с. 33]. Обращаясь к проблемам жизни, смерти, одиночества человека в этом мире, творцы авторской песни отражали идеи экзистенциальной философии [4].

Булат Окуджава (1924-1997) является создателем «интеллигентского» направления авторской песни, где героем выступает честный, мужественный, свободно мыслящий человек. Для поэтики Окуджавы, по мнению специалистов, была характерна так называемая «оксюморонность»: с одной стороны, о должном пелось как о существующем реально, а страшная или неприглядная реальность вытеснялась в подсознание; с другой – песням на личные темы намеренно придавался социальный подтекст. Характерным для него было и сочетание противоположных песенных жанров [2, с. 47], как, например, в песне «На Арбатском дворе».

Открыто политическую окраску в авторскую песню привнес Александр Галич (1918-1977). Он также работал в «интеллигентском» направлении, выдвигая идеал человека благородного, протестующего против лицемерия, тоталитарного режима. Автор призывал к человечности, правде, отказу от

насилия и жестокости. Он отделяет лицемерную, жестокую тоталитарную политику государства от народа, отвергает первое, но остается преданным второму. Песни Галича носят сатирический характер, они отличаются смелостью и откровенностью.

Самым ярким представителем авторской песни в этот период безусловно был Владимир Высоцкий (1938-1980). С его творчеством жанр бардовской песни перешел на новый уровень. В своих песнях автор концентрировал насущные проблемы своего времени. Таковы его «Лирическая», «Охота на волков», «Я не люблю», «На братских могилах» и другие. Герои его произведений представляли собой определенный пласт общества, и каждый слушатель мог найти в общем свое индивидуальное. В его произведениях ставились острые проблемы, формулировались нравственные идеалы, к которым стремились герои песен. В.С. Высоцкий видел причины общественных проблем не только в экономической и политической сфере, но прежде всего во внутреннем мире человека – в искажении человеческих отношений, системы нравственных ценностей [5].

Бардовские исполнители обращались к разным темам, но всегда насущным, это темы войны, любви, свободы, братства. Песни лишены помпезности, они трепетные, душевные.

Важной составляющей авторской песни являются ее слушатели, их количество. Исполнитель не демонстрирует себя, а ведет беседу со слушателями и ждет ответную реакцию.

А.А. Галич, Б.Ш. Окуджава, В.С. Высоцкий являются основоположниками бардовской песни. Они оказали наибольшее влияние на ее формирование как жанра, определив ее внутренний настрой и основные духовно-нравственные ценности. Они создали все основные разделы и направления авторской песни, поэтому последующие бардовские исполнители (Ю.И. Визбор, А.М. Городницкий, А.А. Дулов, Ю.Ч. Ким, Н.Н. Матвеева, А.Я. Розенбаум и др.) могли развивать свое творчество уже по намеченному пути.

Таким образом, авторская песня представляет собой значительный и еще недостаточно изученный пласт российской культуры, который обладает высокой ценностью, отражая духовные запросы общества и играя важную роль в формировании идеалов того времени. Личностный характер песен, способность объединять неравнодушных к происходящему, прогрессивно мыслящих людей – все это сделало бардовскую песню не только художественно-эстетическим, но и важным социокультурным явлением, отражавшим сложные и противоречивые процессы в советском обществе в период 1960-1980-х гг.

Библиографический список

1. Алексеева А.А. Песенное творчество (60-80-е годы). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pesennoe-tvorchestvo-60-80-e-gody/viewer> (дата обращения: 16.11.2021).

2. Грачев А.П. Путь песенной поэзии. Авторская песня и следующая ступень развития песенной поэзии. Челябинск, 2002.

3. Орлова Ю.А. Авторская песня как феномен советской культуры. // Теория и практика общественного развития. Краснодар, 2011.

4. Хомутова Е.Н. Феномен авторской песни в отечественной культуре середины XX века. Дис. ... канд. культуролог. наук. Нижневартовск, 2002. URL: <https://www.disserscat.com/content/fenomen-avtorskoi-pesni-v-otechestvennoi-kulture-serediny-xx-veka> (дата обращения: 15.05.2021).

5. Шилина О.Ю. Человек в поэтическом мире Владимира Высоцкого. // Мир Высоцкого: исследования и материалы. М., 1999. URL: <http://vysotskiy-lit.ru/vysotskiy/kritika/shilina-chelovek-v-poeticheskom-mire.htm> (дата обращения: 11.11.2021).

А.Ф. Гатина

Самарский государственный институт культуры

СОЗДАНИЕ КОМСОМОЛЬСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ В НОВОМ ВУЗЕ (КГИК) НАЧАЛА 1970-х гг.: СОВРЕМЕННЫЙ ВЗГЛЯД

В советское время в каждом вузе страны существовал комсомольская организация, которая занималась воспитанием молодежи. Она была призвана готовить всесторонне развитых активных молодых людей, с энтузиазмом принимающих участие в жизни общества и страны.

1 апреля 2021 г. Самарскому (прежде – Куйбышевскому) государственному институту культуры исполнилось 50 лет. Сейчас, как никогда, актуально вспомнить о том, каким образом образовалась комсомольская организация, и какую она роль играла в работе молодого вуза.

В качестве источников для исследования обозначенной темы использовались архивные документы комитета ВЛКСМ КГИК, которые хранятся в СОГАСПИ. В раскрытии темы применялись также материалы и методы «устной истории» и «истории повседневности» [2, с. 31-33]. Привлекалась литература о советской молодежи, созданная как в СССР, так и в современной России.

На момент открытия Куйбышевского государственного института культуры (КГИК) состоял из двух факультетов: библиотечного и культурно-просветительского. Тогда, уже практически в самом начале учебного года, была создана институтская организация ВЛКСМ [3, с. 47].

Фактически всю жизнь, которую молодой человек проводил в институте, устраивалась двумя организациями: комсомольской и профсоюзной. Комсомольская занималась больше политическим, идеологическим, организационным воспитанием. Профсоюзная организация отвечала за общежитие, путевки, материальную помощь студентам. Существовал актив студенческой группы, состоявшей из комсорга, профорга и старосты. Их нередко именовали просто «треугольником», однако, далеко не всем нрави-

лось оказаться обезличенной стороной этой геометрической фигуры. Ведь и в современном мире, наверняка, активная молодежь отреагировала бы так же [3, с. 100].

Каждый учебный год с момента основания КГИК проводилось заседание Центрального комитета комсомола, на котором создавались протоколы отчетно-выборного комсомольского собрания. Сам комитет состоял из разных секторов: учебный, культурно-массовый, бытовой, оборонно-спортивный, шефская работа и др. [3, с. 49]. В каждом секторе назначался ответственный представитель, который отчитывался за свою работу на отчетно-выборном собрании, предоставлял справки и отчеты о работе своего сектора [1, оп. 1. д. 4. л. 9-10].

Важнейшими документами первичной организации ВЛКСМ являются протоколы ее собраний. Ведением таких документов занимался секретарь, кратко записывающий содержание доклада, вопросы, выступления, предложения, вносящий в протокол принятое собранием постановление [1, оп. 1. д. 1. л. 11, 18].

Что касается отношения студентов к ВЛКСМ в целом, то однозначно определить его сложно. Вузовская молодежь выражала целую палитру чувств к данному органу, начиная от резко отрицательного мнения о комсомоле и заканчивая его горячей поддержкой [4, с. 71]. Дело в том, что члены ВЛКСМ не всегда могли решать те проблемы, которые были для молодежи действительно важны. По ряду реально насущных вопросов дискуссии не допускались. Во многом комсомол был призван контролировать молодежь, а не выражать ее интересы, поэтому и не пользовался полной поддержкой своих членов.

Анализ архивных документов позволяет признать работу молодежных организаций в первые годы существования КГИК удовлетворительной. На собраниях говорилось об успеваемости студентов, о трудовом семестре, о работе комитета комсомола и его роли в комсомольской организации института [1, оп. 1. д. 1. л. 12].

В советское время, как и сейчас, были актуальны инструменты поощрения и порицания. Поощрения происходили за счет социалистического соревнования. Студенты, у которых была стопроцентная успеваемость, имели возможность занять наивысшее место, а вот двоечники тянули всю группу вниз. В делах говорится: «22 студента закончили год только с отличными оценками... 15 человек имели неудовлетворительные оценки на первый день после сессии» [1, оп. 1. д. 1. л. 2]. Исходя из сказанного, мы видим желание и стремление студентов к достижению наилучших результатов. Но здесь прослеживается и иная сторона, ведь за определенные проступки студентам полагался выговор, например, за несданные экзамены или аморальное поведение, а в особых случаях студентов могли вовсе исключить из института.

Как и другие высшие учебные заведения, КГИК приучал студентов к труду, который и сейчас является очень важным фактором, с которым тес-

но связана жизнь каждого человека. В то время трудовая деятельность заметно отличалась от той, что свойственна современной поре. Из отчетов видно, что студенты вуза принимали активное участие в трудовых акциях, которые в истории коммунистического воспитания получили название «Трудовой семестр» [5, с. 15]. По окончании каждого такого трудового семестра комсорги групп КГИК сдавали отчеты о трудовой деятельности студентов.

Общественно-полезный труд и другие формы совместной деятельности помогали формировать молодежную среду советского времени. Комсомольская работа также была сферой, где можно было приобрести организационно-управленческий опыт. В советское время много внимания уделялось возвращению будущих руководителей, «осмысленных не как чиновники-бюрократы, а как организаторы-производственники, способные управленцы» [6, с. 168].

Таким образом, комсомольская организация КГИК 1970-х гг. действительно играла важную роль в жизни недавно созданного вуза. От ее активности зависело решение многих задач, которые решал коллектив института.

Библиографический список

1. Самарский областной государственный архив социально-политической истории (СОГАСПИ). Ф. 9195.
2. Артамонова Л.М. Использование методов «истории повседневности» и «устной истории» в реконструкции прошлого вузов культуры (на примере СГАКИ) // Культура и образование. 2008. № 1 (1). С. 31-34.
3. Артамонова Л.М. Самарская государственная академия культуры и искусств: год первый. Самара, 2006. 137 с.
4. Конохова А.С. Отношение студенческой молодежи в ВЛКСМ в конце 1950-1960-х гг. // Конструируя «советское»? Политическое сознание, повседневные практики, новые идентичности: материалы науч. конф. СПб., 2013. С. 70-77.
5. Рубина Л.Я. Советское студенчество: социологический очерк. М., 1981. 207 с.
6. Смирнов Ю.Н. Осмысление, конструирование и моделирование социального в истории России: новые подходы в коллективной монографии уральских ученых // Вестник Пермского университета. История. 2020. № 4 (51). С. 163-172.

А.В. Брачунова

Самарский национальный исследовательский университет

ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИСТОРИЧЕСКОМУ АНАЛИЗУ ПОЗДНЕСОВЕТСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (НА ПРИМЕРЕ ПОЭМЫ В. ЕРОФЕЕВА «МОСКВА-ПЕТУШКИ»)

О поэме Венедикта Ерофеева «Москва – Петушки» говорят как об «энциклопедии русской жизни» XX века; она остается одним из самых известных произведений того времени. Автору удалось совместить описание низменного быта маргинальных слоев населения с высоконравственными

размышлениями, прямое цитирование Евангелия с марксистско-ленинской теорией, отсылки к классикам русской литературы с советскими канцеляризмами — вся поэма построена на антитезе, что отражается и в ее названии. «Москва — Петушки» — одновременно и сатира на советское общество 1960-х гг., и притча с христианскими мотивами.

Основываясь на тексте поэмы «Москва — Петушки», мы попытаемся провести герменевтический анализ и исследовать интертекстуальные связи с творчеством Ф.М. Достоевского. Методологические подходы герменевтики помогают интерпретировать исторический источник и добиваться глубокого истолкования, поскольку «герменевтика имеет целью «установление ценностных, диалогических отношений понимания, сознания, сочувствия, соучастия» [5]. Исследование строится на предполагаемой параллели персонажей «Веничка Ерофеев — Семен Мармеладов — Федька Каторжный — “карамазовщина”» и историческом контексте поэмы.

Сюжет поэмы — поездка главного героя Венички Ерофеева на электричке из Москвы в Петушки. Во время своего путешествия герой встречает попутчиков, много размышляет и еще больше — пьет. Сама ситуация беседы в поезде незнакомых людей берет свое начало в русской литературной традиции из «Идиота» Ф.М. Достоевского [3, с. 58]. Важен и сам герой — алкоголик, маргинал, в то же самое время стремящийся к одухотворенности и Богу — чисто «достоевский» персонаж.

Следует сказать, что цитирование и многочисленные аллюзии являются не только характерной чертой Ерофеева как писателя, но и характеристикой его произведения как постмодернистского. «Нагромождение цитат» открывает широкий простор для герменевтического анализа, т.к. даже если текст цитаты предполагаемо ясен и известен читателю, за ним может скрываться множество подтекстов. Таким образом, задача герменевтики заключается в дешифровке этих подтекстов.

Семен Мармеладов, персонаж романа «Преступление и наказание», такой же заядлый пьяница, как и Веничка: «...это был человек добрый и благородный; одно худо... уж бог знает с кем он не пил...!» [1, с. 296]. У Мармеладова есть жена и дети, так же как у Венички есть возлюбленная и сын. Они показаны, как любящие отцы, которые всегда порадуют ребенка гостинцем («пряничный петушок» Мармеладова и «стакан орехов» у Ерофеева), но люди, которые не могут победить свои искушения, которые раздавлены окружающим миром и обстоятельствами, и сами это понимают: «Пусть я дурной человек...», — говорит Ерофеев [2, с. 26]; пьяный Мармеладов в трактире признается Раскольникову: «Пусть, пусть я подлец... такова уже черта моя, а я прирожденный скот» [1, т. 6, с. 14]. Но главное сходство персонажей в том, что они мыслят, пытаются анализировать свое существование. Это и размышления, и споры, и загадки Сфинкса у Ерофеева; вечное разрешение загадок бытия у Достоевского («Слишком много загадок угнетают на земле человека. Разгадывай как знаешь и вылезай сух из воды» — говорит Дмитрий Карамазов [1, т. 14, с. 99]).

Важен в этом плане исторический контекст. У Достоевского это – время процветания «разгульного» Петербурга 1860-х гг., общества, в котором начинают разрушаться устойчивые имперские основания, у Ерофеева – конец 1960-х гг., когда рушатся коммунистические мечты, и в обоих случаях – упор на общество, которое понимает упаднические настроения, но ничего не собирается с ними делать и принимает их.

На всем протяжении романа говорится о том, как важна одухотворенность в человеке, у Ерофеева «душа, как у троянского коня пузо, многое вместит» [2, с. 61], что сопоставимо с идеей Достоевского о широте русской души, как писал Горький о Федоре Карамазове: «Это – несомненно русская душа, бесформенная и пестрая, одновременно трусливая и дерзкая, а прежде всего – болезненно злая» [5, с. 404]. Все эти «качества» души можно отнести и к Веничке. Конечно, по Достоевскому одной из важных сторон русской души является обращение к Богу. Веничка постоянно цитирует Писание, сам разговаривает с Богом и с ангелами. Мармеладов говорит: «меня жалеть не за что! Меня распять надо, распять на кресте!.. а пожалеет нас тот, кто всех пожалел и кто всех и вся понимал, он единый, он и судия» [1, т. 6, с. 20]. В романе «Бесы» Федька Каторжный, беглый убийца, тоже опустившийся на социальное и моральное дно персонаж, проповедует: «И знаешь ли ты, чего стал достоин уже тем одним пунктом, что в самого бога, творца истинного, перестал по разврату своему верить?» [1, т. 10, с. 428]. И у Достоевского, и у Ерофеева человек, сознательно вышедший из структуры общества и из-под «гнета» общественной морали, обращается к Богу. Библия в «Москве – Петушках» – источник основных мотивов поэмы (тема смерти и воскресения). У обоих авторов герои пытаются прийти к чему-то высшему, можно говорить о духовном перерождении, которого ищут их души. Таким образом, с помощью герменевтического подхода мы смогли изучить, как именно Ерофеев сохраняет, но переосмысляет традицию Достоевского в постмодернизме.

Библиографический список

1. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1971–1990.
2. Ерофеев В.В. Москва – Петушки / с коммент. Э. Власова. М.: Вагриус, 2000. 576 с.
3. Левин Ю.И. Комментарий к поэме «Москва-Петушки» Венедикта Ерофеева: [Перевод] / Юрий Левин; Предисл. Х. Пфандля. М.: Мартис, 1996. 95 с.
4. Сузи В.Н. Герменевтика: история и концепции: учеб. пособие. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2005. 89 с.
5. David M. «Подпольные» элементы в Москве-Петушках Венедикта Ерофеева *Revedes itudesslaves*. 1995. Т. 67. Fascicule 2-3. P. 391-406.

Научное издание

ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

XXVII Всероссийская конференция молодых историков
(Самара, 10–11 декабря 2021 г.)

Материалы и доклады

Публикуется в авторской редакции

Художественный редактор *Л.В. Крылова*
Компьютерная верстка, макет *Л. Н. Законовой*

Подписано в печать 28.02.2022.

Формат 60×84/16. Бумага офсетная. Печать цифровая.
Усл.-печ. л. 13,7. Уч.-изд. л. 15,25. Гарнитура «Newton».

Тираж 100 экз. Заказ №

Самарская гуманитарная академия,
443011, Самара, ул. 8-я Радиальная, 31.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в цифровой типографии ООО «Прайм»
Самарская обл., Волжский р-н, с. Курумоч, ул. Полевая, д. 49.

